Учредители

Дудин Павел Николаевич — канд. полит. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (г. Улан-Удэ)

Михалев Алексей Викторович — д-р полит. наук, директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ)

ISSN 2310-0419

EURASIA: STATUM ET LEGEM

(ЕВРАЗИЯ: ГОСУДАРСТВО И ПРАВО)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12/2019

Некоторые аспекты сотрудничества экспертов стран Восточной Азии в области гуманитарных наук

Издается с 2014 г.
Выходит 2 раза в год

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-53986 от 30 апреля 2013 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес редакции:
670042, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Калашникова, д. 17, кв. 28
E-mail:dudin2pavel@gmail.com
Сайт: www.eurasia-sl.ru

Адрес издателя:
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35.
Тел. (8412)21-68-14,
http://sociosphera.com,
sociosphere@yandex.ru

Компьютерная верстка
И. Г. Балашова

Для детей старше 16 лет (16+)

Дата выхода в свет 2.11.2019
Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 10,3
Тираж 1000
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Типография ООО «Амирит»:
410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского,
д. 88, литера У.
Тел. (8452) 24-85-33

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дудин Павел Николаевич, канд. полит. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (г. Улан-Удэ). dudin2pavel@gmail.com

Научный редактор:
Михалев Алексей Викторович, д-р полит. наук, директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ).

Члены редакционной коллегии
Баранова Наталья Сергеевна, канд. ист. наук, преподаватель кафедры международного права и международных отношений юридического факультета ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ).
Исакова Татьяна Валерьевна, канд. юр. наук, доц., доцент, декан факультета повышения квалификации Северо-Западного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург)
Карбаинов Николай Иванович, магистр социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Социологического института РАН (г. Санкт-Петербург).
Комплеев Антон Вячеславович, канд. ист. наук, доцент, заместитель декан по международным связям факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва).
Хамнуев Юлий Григорьевич, канд. юр. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ).
Цыбиков Батор Булатович, канд. юр. наук, доц., заведующий кафедрой «Административное и финансовое право» Института экономики и права ФГБОУ ВО «ВСГУТУ», депутат Народного Хурала Республики Бурятия (г. Улан-Удэ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель редакционного совета с российской стороны:
Скуратов Юрий Ильич, д-р юр. наук, проф., директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, президент фонда «Правовые технологии XXI века» (г. Москва).

Члены редакционного совета:
Алисов Дмитрий Андреевич, д-р ист. наук, проф., заместитель директора по научной работе Сибирского филиала Российского института культурологии, заведующий сектором социально-культурных аспектов урбанизации Сибири (г. Омск).
Бабурин Сергей Николаевич, д-р юр. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ассоциации юридических вузов, президент Ассоциации народных депутатов, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (г. Москва).
Богданова Наталья Александровна, д-р юр. наук, проф. кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).
Будаева Цыцык Батоевна, д-р полит. наук, проф., кафедра Государственного и муниципального управления факультета экономики и управления ФГБОУ ВО БГУ, член Общественной палаты Республики Бурятия (г. Улан-Удэ).
Гармаев Юрий Петрович, д-р юр. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного правоведения Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ).
Кондаков Игорь Вадимович, д-р филос. наук, канд. филос. наук, профессор кафедры истории и теории культуры РГГУ, в.н.с. Государственного института искусствознания, академик РАЕН, заместитель Председателя Научного совета РАН «История мировой культуры» (г. Москва).
Митупов Константин Бато-Мункич, д-р ист. наук, проф., директор Института Внутренней Азии ФГБОУ ВО БГУ (г. Улан-Удэ).
Ондар Никлай Алдын-оолович, д-р юр. наук, проф., проректор ФГБОУ ВПО Тувинский государственный университет (г. Кызыл).
Перепелкин Лев Станиславович, канд. ист. наук, сотрудник Отдела социокультурного развития регионов Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский институт культурологии» (г. Москва).
Стародубцев Григорий Серафимович, д-р юр. наук, профессор Российского университета дружбы народов (г. Москва).
Тумурова Анна Тимофеевна, д-р юр. наук, доц., кафедра теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Улан-Удэ).
Тычинин Сергей Владимирович, д-р юр. наук, проф., заведующий кафедрой гражданского права и процесса, директор научно-образовательного консультационно-исследовательского центра «Юрист-Эксперт» НИУ Белгородский государственный университет (г. Белгород).

Фархутдинов Инсур Забирович, д-р юр. наук, проф., ведущий научный сотрудник ИГиП РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (г. Москва).
Чимитова Джамиля Кимовна, д-р ист. наук, проф., директор, государственное бюджетное учреждение «Региональный центр обработки информации и оценки качества образования» (г. Улан-Удэ).

Председатель международного редакционного совета:
Ван Чжихуа, д-р юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая, заместитель председателя Научно-исследовательского центра российского права, заместитель председателя Ассоциации сравнительного правоведения Китая (г. Пекин, КНР).

Члены редакционного совета:
Амарсанаа Хайртынхан Жугнээ, д-р юр. наук, академик (действительный член) Академии наук Монголии, Председатель Конституционного суда Монголии в отставке (г. Улан-Батор, Монголия).
Баясах Жамсран Харээд, д-р ист. наук, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Монголии (г. Улан-Батор, Монголия).
Власов Сергей Федорович, д-р техн. наук, проф., кафедра подземной разработки месторождений Горного факультета Национального горного университета Украины (г. Днепропетровск, Украина).
Ган Сяофэн, д-р юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая (г. Пекин, КНР).
Геньк Николай Антонович, канд. ист. наук, доц. кафедры политологии Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (г. Ивано-Франковск, Украина).
Искакова Гульнар Кожагуловна, д-р полит. наук, проф., член Академии Политических наук Российской Федерации, проректор по учебной и методической работе Семипалатинского государственного педагогического института, (г. Семей, Казахстан).
Кадыржанов Рустем Казахбаевич, д-р филос. наук, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан).
Коллиер Джеффри Линкольн, доктор философии (PhD, prof.), профессор Университета Южной Каролины (г. Колумбия, Южная Каролина, США)
Марани Джермано, доктор восточной теологии, профессор Папского Колледжа «Руссикум», профессор Папского Григорианского университета, (г. Рим, Италия), консультант Конгрегации по канонизации святых (Ватикан).
Медеуова Кульшат Агибаевна, д-р филос. наук, и.о. профессора кафедры философии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан).
Мунхдоржийн Мунхбат, доктор права (LL.D), профессор Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия).
Насимова Гульнара Орленбаевна, д-р полит. наук, проф., заведующий кафедрой политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан).

Омаров Меират Муратович, канд. полит. наук, заведующий кафедрой регионоведения Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы, Казахстан).
Пешков Иван Олегович, доктор философии (PhD, prof.), преподаватель Восточного института Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша).
Потоликкио Сэмуэль, доктор политологии (PhD, prof.), лектор Американской политики в Мировом Образовательном Институте Джорджтаунского университета, профессор Джорджтаунского университета (г. Вашингтон, округ Колумбия, США).
Смит Гордон Б., доктор политологии (PhD, prof.), директор программы «Верховенство права» (Rule of Law Collaborative), почетный профессор Университета Южной Каролины (г. Колумбия, Южная Каролина, США).
У Динмин, канд. юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая (г. Пекин, КНР).
Цыремпилов Николай Владимирович, д-р ист. наук, доцент, Назарбаев Университет (г. Астана, Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Основные аспекты научного сотрудничества среди экспертов в области права стран Восточной Азии (в преддверии третьего Форума экспертов в области права стран Восточной Азии, приуроченного к 100-летию со дня основания русского Юридического факультета г. Харбина)…… 7

ГОСТЬ НОМЕРА

Ефременко Д. В. Советский идеократический метанарратив и макрополитическая идентичность (Москва, Россия)…….. 11

ТЕМАТИКА НОМЕРА

Энхцэцэг С. Противоречия между Нью-Йоркской конвенцией и национальным законодательством (Улан-Батор, Монголия)……. 33

Должин С. Анализ прецедентного права по исполнению иностранных арбитражных решений: анализ проблем правоприменения (Улан-Батор, Монголия)…… 41

Чжан Тунхуэй. Дэн Сяопин и нормализация китайско-советских отношений (Пекин, Китай)……. 51

CONTENTS

INVITED SCIENTIFIC EDITOR'S WORD

Main aspects of scientific cooperation among experts in the field of law of East Asian countries (on the eve of the third Forum of experts in the field of law of East Asian countries, timed to coincide with the 100th anniversary of the founding of the Russian Faculty of Law in Harbin)…… 7

THE GUEST OF THE ISSUE

Efremenko D. V. Soviet Ideocratic Metanarrative and Macro-Political Identity (Moscow, Russia)……..… 11

THE THEME OF THE ISSUE

Enkhtsetseg S. Conflict between New-York convention and national law (Ulan Bator, Mongolia)…… 33

Doljin S. Case law analysis on enforcement of foreign arbitral awards: analysis of the problems of enforcement case (Ulan Bator, Mongolia)…… 41

Zhang Tonghui. Deng Xiaoping and Normalization of Sino-Soviet Relations (Beijing, China)……. 51

Вэй Лин. Продвижение глобального управления и углубление китайско-российских отношений (Пекин, Китай)……. 55

Wei Ling. Promoting Global Governance and Deepening Sino-Russian Relations (Beijing, China)……. 55

Кондорский Б. М. Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии (Донецк, Украина)…….. 61

Kondorskiy B. M. The role of ethnic (traditional) factor in forming collective legal consciousness in the countries of Central Asia (Donetsk, Ukaine)……. 61

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ
Сырых В. М. Почему в Российской Федерации до сих не принят Кодекс РФ об образовании? (Москва, Россия)……. 81

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ
Syrykh V. M. Why hasn't the Education Code been adopted in the Russian Federation? (Moscow, Russia) 81

Общие требования к оформлению статей…… 109

General requirements for the preparation of article... 109

СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Основные аспекты научного сотрудничества среди экспертов в области права стран Восточной Азии (в преддверии третьего Форума экспертов в области права стран Восточной Азии, приуроченного к 100-летию со дня основания русского Юридического факультета г. Харбина)

Важность научного сотрудничества среди экспертов в области права стран Восточной Азии с точки зрения формирования новых и развития существующих направлений обусловлена тем вниманием, которое президент России В. В. Путин оказывал лидерам государств региона в 2019 г.

В апреле 2019 г. на острове Русский во Владивостоке состоялась встреча президента России и лидера руководителя КНДР Ким Чен Ына, не повлекшая за собой подписания каких-либо соглашений, но привлекшая внимание широкой международной общественности. По мнению экспертов, связано это с тем, что КНДР предпринимает, и весьма успешно, попытки выйти из международной изоляции. Затем, в рамках саммита G20 в Осаке 28 июня 2019 г. состоялась встреча президента Республики Корея Мун Чжэ Ина и российского лидера, которого корейский коллега поблагодарил за процессы по осуществлению денуклеаризации. После саммита состоялся ряд встреч с премьер-министром Японии Синдзо Абэ, которые завершатся подписанием пакета соглашений и контрактов с участием ведущих российских компаний.

5 июня 2019 г. в Москве прошли российско-китайские переговоры между В. В. Путиным и Си Цзиньпином, совпавшие с 70-летием установления дипломатических связей между двумя странами. Среди вопросов первое место заняли товарооборот, развитие практики расчётов в национальных валютах, укрепление двусторонней промышленной кооперации с использованием передовых технологий, была достигнута договоренность провести годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества – 2020 и 2021 годы, обсуждались вопросы развития Северного морского пути, особое значение, по словам российского президента, придается укреплению прямых связей между субъектами Российской Федерации и провинциями Китая, многоплановый характер носит двустороннее гуманитарное взаимодействие, образовательные обмены, ситуации вокруг Корейского полуострова, укреплению безопасности в Северо-Восточной Азии в целом. В ходе переговоров подтверждено намерение и далее наращивать взаимодействие России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, а также продолжать усилия по сопряжению интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭс с китайской инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути».

3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе состоялась официальная встреча В.В. Путина и президента Монголии Х. Баттулги, которая проводилась в рамках праздничных мероприятиях, посвящённых 80-летию победы со-

ветских и монгольских войск в боях на Халхин-Голе. Это особенно важно в связи с тем, что 2020 г. указом президента России объявлен «Годом памяти и славы».

Следующее направление для взаимодействия – это система международного права и международных отношений, складывающаяся в регионе. Так Российская и монгольская сторона подписали договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Монголией и Российской Федерацией – самый высший уровень двустороннего сотрудничества, был обновлен межправительственный протокол по продлению срока действия межправительственного соглашения об оказании безвозмездной военно-технической помощи от 2004 г., обсуждены вопросы логистической инфраструктуры (напр. возможности повышения эффективности деятельности совместного акционерного общества «УБЖД» в рамках продвижения двустороннего торгово-экономического сотрудничества или строительство железнодорожной линии Зуунбаян – Ханги, что явилось возможным после подписания в 2018 г. межправительственного соглашения о транзитных перевозках по железным дорогам, договоренность с российской компанией Fesco – владельцем дальневосточного порта Зарубино, о строительстве нового совместного угольного терминала и т. д.).

Помимо двусторонних встреч президент России провел трехстороннюю беседу с председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии Х. Баттулгой на полях саммита ШОС.

Эти и ряд других признаков свидетельствуют о той знаковой роли, которую глава нашего государства отводит региону Восточная Азия. Каждая договоренность, заключенная в устном или письменном соглашении, предполагала и юридическую проработку, а также соответствующие правовые последствия, что в свою очередь, предполагает получение объективных знаний о внутренней политике и общественных отношениях, которые являются приоритетными для глав государств региона и правовом регулировании этих отношений.

Юридическое сообщество Восточной Азии регулярно участвует в различного рода форумах и конференциях, которые служат площадкой не только для обмена актуальной научной информацией, но и базой для кооперации по совместным исследованиям, встреч юристов-практиков, запуска совместных стипендиальных и других образовательных программ, культурных проектов (в области исторической памяти и исследования правовых памятников) и т. д.

Однако представители российской юридической науки в этих мероприятиях практически не участвуют, а внутри страны обсуждение азиатской государственно-правовой проблематики осуществляется слабо. Среди регулярных мероприятий с правовой тематикой – Юридический форум стран БРИКС (V Юридический прошел 23–24 августа 2018 года в г. Кейптаун, а VI 14–16 октября 2019 г. в Рио-де-Жанейро). В программе Петербургского международного юридического форума, два последних меро-

приятия которых были сосредоточены на цифровых технологиях и их правовом регулировании, в 2018 г. на одной из площадок фигурировала Латинская Америка, а 2019 г. – Африка, при этом форум продолжает оставаться элитарным мероприятием из-за платности доступа к его интеллектуальному результату, также как и большинство менее крупных предметно-корпоративных встреч юристов по Азии.

С целью пополнения научных знаний в заявленных областях с 2016 г. мы совместно с нашими монгольскими и китайскими коллегами проводим Международный научный Форум экспертов в области права стран Восточной Азии, к участию в котором приглашаются более ста ведущих ученых и практических специалистов из России, Китая, Монголии, Республики Корея и других стран с целью приращения для российской юридической науки новых знаний в области права представленного региона.

Данный форум является логическим продолжением усилий, приложенных учеными Республики Бурятия и их партнёрами из ведущих учебных заведений и научных учреждений России и других стран по формированию канала снабжения научной общественности нашей страны актуальной информацией о государственно-правовых процессах региона Восточной Азии. Также организаторы стремятся к выстраиванию двусторонних и многосторонних научных и академических связей, позволяющих изучать заявленное предметное поле, черпать из него положительные тенденции и предлагать их органам власти для совершенствования системы государственного и муниципального управления, правового регулирования и практики правоприменения.

Поскольку в настоящее время особую ценность приобретают междисциплинарные научные исследования, форум не заявлен как юридический – он не представляет собой узкокорпоративное мероприятие, замкнутое в себе и исключительно на исследованиях его участников. Наше мероприятие имеет целью объединить максимальное количество ученых и практиков, преподавателей и молодых исследователей, в чьем поле научных изысканий так или иначе присутствуют государственно-правовые явления. Организаторы привлекают научные и педагогические кадры среди тех, кто способен к применению метода сравнительного правоведения и сопоставлению как отдельных явлений и процессов, так и их комплексного проявления в государственно-правовой сфере региона.

Первый форум был проведен в июне 2016 г. в г. Улан-Батор, Монголия, его результатом явилось выявление ученых-сторонников такого подхода, помимо юристов, в среде историков и специалистов в области международных отношений, выяснение их исследовательских интересов. В итоге были сформированы несколько заявок на гранты разных уровней, состоялось несколько исследовательских коллективов, получили новое развитие отдельные научные издания, укрепились международные связи между юристами региона. Второй форум – в июле 2018 г. в г. Улан-Удэ позволил привлечь к нему политологов, антропологов и социологов. За-

явленные на форуме темы отдельных участников также получили грантовую поддержку.

Ключевой задачей планируемого на 2020 г. мероприятия организаторы ставят обеспечить связь накопленного опыта и современного состояния юридической науки и практики при прогнозировании их развития в будущем как в пределах обозначенного региона, так и на международном уровне в целом.

В настоящем номере мы собрали материал, любезно предоставленный нами представителями российского, монгольских, китайского и украинского научного сообщества, которые неравнодушны к проблеме сотрудничества и необходимости расширения международного взаимодействия в заявленной проблематике. В свою очередь, редакция журнала надеется, что представленный материал будет интересен и полезен нашему читателю.

С уважением,

приглашенный научный редактор
профессор кафедры конституционного
и административного права
Казанского (Приволжского)
федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
Зуфар Фаатович Хусаинов

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 32.019.05 ***© Д. В. Ефременко***

Советский идеократический метанарратив и макрополитическая идентичность[1]

В статье рассматриваются возникновение и эволюция советского идеократического нарратива – механизма трансляции политической идеологии в повседневную реальность и репрезентации норм и ценностей, имеющих конституирующее значение для режима, при помощи определенного набора символических средств (язык, визуализация, физическое окружение, ритуалы). Выступая средством экспликации континуума «прошлое–будущее», метанарратив служил важным инструментом формирования советской макрополитической идентичности. Глубокий кризис советской политической системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в значительной степени был радикализирован разрушением идеократического метанарратива.

Ключевые слова: *макрополитическая идентичность, коммунистическая идеология, метанарратив, историческая память, СССР, Россия*

© D. V. Efremenko

Soviet Ideocratic Metanarrative and Macro-Political Identity

The article discusses the origin and evolution of the Soviet ideocratic narrative – a mechanism for translating political ideology into everyday reality and representing norms and values that are constitutive for the regime using a specific set of symbolic means (language, visualization, physical environment, rituals). Acting as a mean of explanation of the "past – future" continuum, the metanarrative served as an important tool for the formation of the Soviet macro-political identity. The deep crisis of the Soviet political system in the late 1980s and early 1990s was largely radicalized by the destruction of the ideocratic metanarrative.

Key words: *macro-political identity, communist ideology, metanarrative, historical memory, USSR, Russia*

Историческая память – неотъемлемая часть макрополитической идентичности тех сообществ, чей уровень консолидации и самосознания, а также связь с государством позволяют рассматривать их в качестве наций. Воздействие на макрополитическую идентичность и устойчивость соответствующего сообщества через историческую память может быть разнонаправленным, ведущим в ряде случаев не к сплочению, а к ослаблению сообщества. Острота конфликтов последних лет вокруг историче-

[1] Статья отражает результаты исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17–18–01589-П.

ской памяти обусловлена в значительной мере тем, что разные акторы пытаются использовать трактовки прошлого как наступательное и оборонительное оружие в вопросах легитимности политического режима, оснований суверенного контроля над той или иной территорией, достижения преимуществ одной из политических сил во внутриполитическом противостоянии, одной страны или группы государств – в рамках геополитической конкуренции.

Коллективная память о прошлом: публичные дискуссии и иерархия. Со времен Сорбонской лекции Э. Ренана (1882) утвердилось понимание того, что одним из важнейших условий формирования и сохранения устойчивости нации является коллективная память о прошлом. Яркая метафора Ренана о существовании нации как о «повседневном плебисците» указывает на процессуальность, на то, что обращение к прошлому, его осмысление и переосмысление выступают важной предпосылкой достижения такого уровня национальной солидарности, который обеспечивает и актуальное согласие жить вместе, и готовность идти на жертвы ради общего будущего: «Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, – вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что мы осознаем, несмотря на различия расы и языка» [1, с. 112].

Развивая метафору «повседневного плебисцита», логично прийти к выводу о том, что постоянно идущие в публичном пространстве дебаты об историческом прошлом выступают инструментом формирования и последующей актуализации национальной идентичности. Такие дебаты не являются универсальным механизмом солидаризации – напротив, они могут приводить и к дивергенции. Как показал Д. Арт, публичные дискуссии, отличающиеся достаточной широтой, интенсивностью и продолжительностью, способствуют формированию фреймов для интерпретации политических проблем и, таким образом, влияют на политические процессы и их динамику [2; 3]. Обеспечивая селекцию политически пригодного прошлого, публичные дискуссии с активным участием представителей политических элит в большинстве случаев способствуют поддержанию устойчивости ядра исторической мифологии соответствующего сообщества. Прошедшие такой квазиестественный отбор исторические нарративы сами могут выступать фактором стрессоустойчивости сообщества, причем стрессоустойчивость надо понимать не просто как способность адекватно реагировать на внутренние или внешние вызовы, но как способность мобилизовать внутренние ресурсы сообщества, которые не задействованы в рутинных обстоятельствах.

Альтернативная модель – ее можно назвать иерархической – состоит в утверждении нарратива при помощи инструментария, в котором основную роль играют методы политико-идеологического и государственного принуждения. Предельными случаями реализации этой модели выступают метанарративы идеократических режимов. Согласно Г. Гиллу, иссле-

довавшему советский метанарратив, речь идет о совокупности «дискурсов, в упрощенной форме представляющих идеологию» [4, с. 3]. Подобные метанарративы отличались высокой степенью идеологической индоктринации; ограничением вплоть до полного подавления / жестким регулированием властью дискуссий об историческом прошлом и развитии нации (наций); акцентированием (в частности, в СССР или социалистической Югославии) наднационального характера государственности и подчиненной роли факторов этничности в отношении декларируемых политическим режимом задач государственного строительства.

По сути, метанарративы идеократических режимов – не просто редуцированные идеологемы, но целый механизм их трансляции в повседневную реальность и репрезентации норм и ценностей, имеющих конституирующее значение для режима, при помощи определенного набора символических средств (язык, визуализация, физическое окружение, ритуалы). Метанарратив в известном смысле облегчает приспособление индивида к таким особенностям идеократии как неопределенность фактов и порочный круг, «по которому движутся все объяснения» [5, с. 161]. Одновременно идеократический метанарратив выступает средством экспликации континуума «прошлое–будущее», тем самым включая в себя исторические нарративы и лежащие в их основе смыслопорождающие мифы.

Предпосылкой формирования такого рода метанарративов является функционирование политических систем, ориентированных либо на достижение высокой степени политико-идеологического контроля общественного мнения, либо на его подмену директивными идеологическими установками. В рамках этой модели социальная коммуникация и общественные дебаты не могут в полном объеме выполнять функцию развития национального самосознания и формирования новых фреймов для интерпретации политических проблем.

Формируемый и насаждаемый сверху метанарратив заполняет вакуум, возникающий при ограничении общественных дебатов. Однако оборотной стороной этого процесса становится пагубность даже относительно свободной и продолжительной публичной дискуссии (если режим в силу тех или иных обстоятельств решается ее допустить) для целостности и устойчивости метанарратива. Иными словами, в условиях даже частичной либерализации метанарратив оказывается очень уязвим, и эта уязвимость не ограничивается идеологической сферой, она распространяется на всю политическую систему и в конечном счете – на общество.

В идеократических метанарративах тем или иным образом комбинируются элементы, относящиеся и к идеологии, и к культурной традиции (иногда практически заново сконструированной в политических целях), и к ценностным предпочтениям. Разрушение метанарратива означает невозможность сохранения его целостности, отмирание многих составляющих, но – во многих случаях – выживание других компонентов, которые могут сохранять свое значение для тех или иных типов идентичности, и, постепенно трансформируясь, передаваться от поколения к поколению.

Эти компоненты могут использоваться и используются в политических целях. На постсоветском пространстве такие практики получили широкое распространение в России (особенно с начала 2000-х годов), Белоруссии, в меньшей степени – в других независимых государствах, а также в непризнанных сепаратистских образованиях, где использование компонентов советского метанарратива принимает иногда весьма причудливые формы [6].

У истоков советского метанарратива. Претендующая на успешность попытка реконструкции советского метанарратива не позволяет ограничиться рассмотрением значимых изменений в интерпретации исторического прошлого, совпадавших с важными переменами во внутренней и внешней политике советской эпохи. Ведь сами эти изменения выступают производными от грандиозного политико-идеологического проекта, реализация которого началась с приходом к власти большевиков.

При всех многочисленных политических зигзагах, делавших «предсказание» прошлого в условиях советского режима крайне неблагодарной задачей, фундаментальное значение имела санкционирующая сила коммунистического будущего. В официальной риторике образ коммунистического будущего и принесенные во имя него жертвы выступали главным «мифом основания» советского государства. Коммунистический мессианизм претендовал на то, чтобы служить основой идентичности «нового человека». И даже теряя первоначальный напор и подвергаясь со временем все большей идеологической коррозии, он, в основном, сохранял свою санкционирующую силу вплоть до перехода горбачевской перестройки в стадию комплексного кризиса советской системы.

На начальном этапе экспансии политико-идеологического проекта российского (советского) коммунизма был осуществлен предельно жесткий разрыв с символическим наследием Российской Империи – «от появления нового советского «пантеона героев» до «эпидемии» переименований географических объектов» [7, с. 62]. Радикальность разрыва была обусловлена остротой гражданского противостояния и конфронтации большевистского режима с внешними силами, но также и крайними идеологическими установками вождей коммунистической партии – В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева и др.

В числе основных установок особая роль принадлежала надеждам на триумф мировой революции. Тезис об этом был теоретически обоснован еще Ф. Энгельсом в «Принципах коммунизма» (1847). Согласно Энгельсу, «коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии» [8, с. 334]. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс развивали и уточняли эти представления, причем мировой революции атрибутировалась не только миссия уничтожения эксплуататорских классов, но и устранение с исторической арены «реакционных наций». Так, реагируя на венгерское восстание 1848–1849 гг., Энгельс давал такой прогноз: «Но при первом же победоносном

восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой местью отплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом» [9, с. 186].

В 1915 г. В. И. Ленин пошел на определенную ревизию марксистских установок о мировой революции, заявив о возможности победы «социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [10, с. 354]. Ленинские идеи о неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и о возможности прорыва слабого звена в цепи империалистических держав давали возможность объяснить феномен Октябрьской революции. Однако после Октября 1917 г. Ленин и его соратники отчасти вернулись к прежней ортодоксии, считая перерастание русской революции в революцию европейскую делом ближайшей практической политики, и – в зависимости от динамики социально-политической напряженности в странах Европы – определяя конкретные сроки этого международного революционного взрыва: от нескольких дней до одного года. Последний всплеск ожиданий советскими лидерами непосредственного перехода к мировой революции относится к августу 1923 г., когда Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерн поддержали инициативу К. Радека по организации революционного восстания в Германии.

Парадоксальность процесса формирования советского метанарратива заключалась в том, что уже изначально интернациональный компонент, связанный с идеей мировой революции и присущей ей телеологией, был переплетен с целым рядом компонентов национальной идентичности. Показательным примером может служить знаменитый декрет-воззвание Совета народных комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г., авторство которого, очевидно, принадлежит Л. Д. Троцкому [11]. Сам декрет, подготовленный в момент немецкого наступления на Петроград после провала переговоров в Бресте, был своеобразной калькой с декрета Национального собрания Франции от 11 июля 1792 г., начинавшегося словами «Граждане, Отечество в опасности!» («Citoyens, la Patrie est en danger!») и опубликованного в сходных обстоятельствах военной угрозы революционному режиму. Декрет 1792 г. выполнял мобилизационную роль, но одновременно являлся и актом нациестроительства. Л. Троцкий, используя термин «Отечество», в конечном счете, апеллировал к тем же чувствам, к родовой связи с предками, которые защищали определенную территорию, хотя и не мыслили ее в качестве «социалистического отечества». Для массовой аудитории, к которой был обращен декрет СНК, важны и понятны были вовсе не отсылки к французской революции, а то, что призыв к защите Отечества перекликался с уже хорошо знакомой патриотической пропагандой периода Первой мировой

войны. Две здравицы, завершающие декрет СНК («Да здравствует социалистическое Отечество! Да здравствует международная Социалистическая революция!»), как бы фиксировали дуализм национального / интернационального в метанарративе, конструируемом новой властью.

Тот же дуализм был характерен и для т. н. ленинского плана монументальной пропаганды – развернутой программы мероприятий в области наглядной символической политики. Об этом свидетельствует и состав установленных либо планировавшихся к установке объектов монументальной пропаганды, и агитационные тексты, запечатленные на досках и барельефах на общественных зданиях. Так, на правой части фасада здания Исторического музея была установлена доска с высказыванием Ф. Энгельса «Уважение к древности есть, несомненно, один из признаков истинного просвещения», а на здании Манежа, – барельеф с изречением Цицерона «Когда Сократа спросили, откуда он родом, он сказал, что он гражданин всего мира, он считает себя жителем и гражданином вселенной» [12].

«Ленинский план монументальной пропаганды» можно рассматривать как первую попытку картирования *мест памяти* нового режима, предполагавшую «нанесение их на местность» с предварительной «расчисткой пространства» (снос многих памятников старого режима).

Соотношение национального и интернационального в этой программе представляет несомненный интерес. Так, из общего числа революционеров и общественных деятелей (31), которым предполагалось установить памятники, лишь 13 были представителями русского революционного движения [13]. Тем самым применительно к революционным идеям и движениям ранняя большевистская топография памяти была поистине всемирной. Зато перечень деятелей культуры, философов и ученых был абсолютно «россиецентричным»: из 35 имен лишь Ф. Шопена можно отнести к представителям другой культуры (его молодость, впрочем, проходила в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи); Т. Шевченко и Г. Сковорода, также включенные в этот перечень, – знаковые фигуры украинской культуры, которые, однако, теснейшим образом связаны с российским историко-культурным контекстом.

Однако гораздо более сложной задачей было изменение паттернов исторической памяти, включая создание нового исторического нарратива, предлагающего объяснительную рамку для революционных потрясений 1917 г. именно в контексте российской истории. В начале 1920-х гг. решение этой задачи было осуществлено М. Н. Покровским, причем первые два тома его «Русской истории в самом сжатом очерке» получили горячее одобрение со стороны В. И. Ленина [14]. Но Покровский, в сущности, выступил в качестве марксистского продолжателя Большого исторического нарратива, восходящего к карамзинской «Истории государства российского», попытавшись изменить его идеологическую валентность.

В третьем томе «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский сформулировал телеологический принцип: «все предшествующее готови-

ло Октябрь, а все последующее было защитой завоеваний Октября» [15, с. 8]. Этот принцип стал неотъемлемой частью метанарратива и, несмотря на сталинский разгром «школы Покровского», сохранялся до самого конца советского коммунистического режима. Однако коммунистическая телеология не отменяла привязки к российскому историческому хронотопу, порождая тем самым ряд неудобных вопросов и с точки зрения стройности марксистской теории, и с точки зрения континуума «прошлое–будущее» во всемирно-историческом контексте.

Трансформации 1920-х годов. Официальное провозглашение XIV съездом ВКП(б) (1925) курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране оказало существенное влияние на процесс формирования советского метанарратива. В рамках метанарратива дискурс о построении социализма во враждебном окружении продуцировал еще один смыслообразующий миф, объясняющий значимые события и процессы в жизни нового общества [4, p. 4].

В известном смысле курс на построение социализма в территориальном массиве, составлявшем основу бывшей Российской империи, означал усиление мессианистского импульса: теперь Советской России / СССР отводилась роль не «слабого звена в цепи империалистических держав», только и выжидающего возможности передать эстафету мировой революции более развитой стране, но роль подлинного авангарда человечества, которому предстоит построить социализм в условиях враждебного капиталистического окружения. Тем самым обретали дополнительную идеологическую легитимность глобальные амбиции кремлевских лидеров. Коммунистический проект оказывался территориально локализованным, но именно в таком качестве превращался в мировой полюс политико-идеологического притяжения.

В то же время создавались условия для завершения социально-экономической модернизации, начатой еще в эпоху Великих реформ и в царствование Александра III, в рамках нового государства, которое настаивало на разрыве преемственности с дореволюционной Россией, но культурно, исторически, ментально оставалось связанным с ней множеством нитей.

Однако решающее значение для формирования советского метанарратива и политического использования новой властью исторического прошлого имели разработка модели национально-государственного устройства и политика коммунистического режима в отношении нерусских меньшинств. С момента принятия Декларации прав народов России (2(15) ноября 1917 г.) начался поиск баланса между марксистскими идеологическими установками по национальному вопросу (весьма далекими от гомогенности, если учитывать теоретическое наследие Маркса и Энгельса, идеи представителей II Интернационала, в особенности – австромарксистов, и наработки российских социал-демократов) и политической прагматикой, нацеленной на формирование устойчивой базы власти больше-

виков на территориях бывшей Российской империи с преобладанием нерусского населения.

Коммунистическая идеология выдвигает на первый план классовую борьбу и классовую солидарность. Проблематика наций и этничности вписывается при этом в систему координат взаимодействий между различными классами. Такие установки создавали дополнительные возможности для усиления контроля большевиков над национальными окраинами бывшей империи.

Действуя методом проб и ошибок, большевики сумели выработать работоспособную модель контроля над этими территориями, позволяющую нейтрализовать угрозы, связанные с мобилизацией по национальному признаку. Модель основывалась на широком компромиссе, включавшем формирование государственности и форсированное нациестроительство под руководством коммунистической партии в рамках одной из национально-территориальных единиц, объединенных 30 декабря 1922 г. в Союз Советских Социалистических Республик. Эта политика предполагала широкомасштабное рекрутирование в состав правящей корпорации представителей «титульных» этнических групп.

Помимо радикальных шагов навстречу этнонационализму в плане языка и образования, в рамках политики коренизации в национальных и автономных республиках происходило переформатирование, а нередко – и создание едва ли не с нуля исторических нарративов. Характерными примерами создания новых исторических нарративов могут служить Азербайджан и Казахстан: до 1917 г. к написанию собственных «историй» тюркских народов призывали некоторые представители джадидизма, но дальше призывов дело не пошло; в рамках же советской политики коренизации в весьма сжатые сроки эти нарративы появились [16, p. 12]. Они сосуществовали и переплетались с советским метанарративом, делая его все более гетерогенным.

Политика коренизации базировалась на различении двух типов национализма – национализма угнетающих наций (в эту категорию попадал и «великорусский шовинизм») и национализма угнетенных народов [17; 18]. Коренизация предполагала своеобразное «приручение» национализма угнетенных, суть которого состояла в реализации принципа позитивной дискриминации применительно к этническим меньшинствам. Коммунистический режим, создавая «империю положительной деятельности» [19], обеспечил под эгидой СССР институционализацию множества форм новых национальных идентичностей, включая «изобретение» тех, которые прежде и вовсе не существовали [20, с. 428]. Однако у формировавшихся внутри СССР наций не было другого выбора, как смириться со сверхцентрализованным характером государственного устройства, стержнем которого выступала партийно-советская номенклатура.

«Руссоцентристский» поворот и его пределы. 1930-е г. обычно рассматриваются как период прекращения политики коренизации и весьма решительный поворот к «руссоцентризму» или даже к русификации. Од-

нако о степени радикальности этого поворота единства мнений нет. Один из подходов восходит к идеям Н. В. Устрялова и других «сменовеховцев» о сущностном перерождении режима, в результате которого могли быть отброшены (хотя бы в практической политике) принципы интернационализма, а на вооружение взяты национальные цели. Позднее тезис о «национал-большевизме» возродил в своих работах М. С. Агурский [21], в настоящее время – с иной расстановкой акцентов – отстаивает Д. Бранденбергер [22].

Другой подход фокусирует внимание на том, что базовые идеологические установки, общая модель и основные формы национально-государственного устройства СССР после периода коренизации не претерпели фундаментальных изменений, хотя общее количество национально-территориальных единиц было резко сокращено. При этом «русская дилемма» советской национальной политики так и не нашла своего решения.

Безусловно, в начале 1930-х гг. сильно изменился официальный исторический нарратив. Русская великодержавность перестает рассматриваться в качестве «главной опасности». В системе образования центральное положение занимает русский литературный канон, складывается «целая система тем, сюжетов, метафор, образов, так или иначе привязывавших Советский Союз к Российской империи» [23, с. 32]. В историческом нарративе вместе с привычным клише «Россия – тюрьма народов» все чаще начинает употребляться и успешно конкурировать с первым новое определение «исторически прогрессивные» применительно к итогам некоторых войн, вхождению тех или иных территорий в состав Российской империи, деятельности отдельных правителей, имперских сановников и полководцев.

Трансформацию официального исторического нарратива после разгрома «школы Покровского» можно рассматривать как массированную колонизацию партийно-советской номенклатурой мест памяти, относящихся к великорусской дореволюционной истории. Отдельные составляющие этой новой символической политики и исторического нарратива 1930-х годов, связанные, например, с фигурами Ивана Грозного и Петра Великого, полностью «вписываются» в процесс укрепления режима личной власти И. В. Сталина. Но в целом этот разворот имел более фундаментальные причины, и тот факт, что он последовал за массовой коллективизацией и совпал по времени с вызванным ею голодом, ни в коей мере не был случайностью.

Коллективизация стала наиболее мощным социальным потрясением после 1917 г., означавшим ликвидацию ядра самой многочисленной социальной группы и радикальное изменение материальных основ существования и жизненного мира остальных жителей советской деревни. Коллективизация нанесла жестокий удар по судьбам представителей практически всех народов СССР, но в этнодемографическом измерении она означала, что впервые большая часть этнически русских стала объектом коммунистической социальной инженерии. На фоне нарастания международ-

ной напряженности продолжение прежнего курса в национальном вопросе резко повышало риски для сталинского режима. Последнему было необходимо показать с использованием всех имеющихся в распоряжении средств пропаганды, символической и мнемонической политики, что осуществившая коллективизацию власть не является чуждой русскому народу, и, напротив, выступает продолжателем дела Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Великого – правителей, проводивших мобилизацию внутренних сил для отражения угроз существованию русской / российской государственности. Следует отметить, что «руссоцентристский» разворот в национальной и – в особенности – в символической политике отчасти снимал и внутреннее напряжение в рядах партийно-советской номенклатуры, в составе которой преобладали люди, для которых русский язык был родным и которые осознавали нарастающий дефицит национальной легитимации.

Д. Бранденбергер полагает, что «своеобразное восприятие официальной линии русскоговорящим обществом в течение приблизительно двадцати лет привело к едва ли ожидаемому партийной верхушкой результату – образованию все в большей степени последовательного и ясного русского национального самосознания на массовом уровне» [22, с. 11]. По сути, речь идет о том, что, решая задачи собственной легитимации и политической мобилизации, сталинский режим запустил процесс формирования русской национальной идентичности, и в ходе этого процесса сам переродился в «национал-большевизм».

Следует, однако, отметить, что в исторической ретроспективе более уместно говорить о новой версии русского национального самосознания, поскольку первая версия восходит к эпохе Великих реформ и модернизации при двух последних Романовых. В данном случае имеется в виду не только культурная самоидентификация в качестве русского, становление русского литературного канона или осознание принадлежности к Российской державе, а процесс, связанный с формированием коллективной памяти нескольких крупных социальных групп. И одновременно – коммуникативный процесс, пересекающий границы сословий и социальных групп, достаточно устойчивый (несмотря на цензурные ограничения) и разворачивающийся на протяжении длительного времени, в ходе которого формируются дискурсы, сфокусированные, если использовать определение нации Э. Ренана [1, с. 14], на «богатом наследии воспоминаний» и на «актуальном согласии жить вместе».

Принципиально важно, что первая и вторая версии формирования русского национального самосознания (идентичности) реализовывались на отличной друг от друга социальной базе. В первом случае можно говорить о формировании русской национальной идентичности внутри вступившей в эру капиталистической модернизации многонациональной империи. Это был сложный и противоречивый процесс, отличавшийся большой неравномерностью, наиболее интенсивно разворачивавшийся в крупных индустриальных центрах Российской империи и далеко не за-

вершенный к 1917 г. Мощным катализатором процесса подъема русского национализма в Российской империи стал вызов со стороны национализма польского [24]. Но помимо определения позиции в отношении нерусских националистических вызовов, угрожавших целостности империи, к концу XIX в. очень важную роль стал играть и взрывоопасный вопрос о составе русской нации, о признании *малороссов* или непризнании *украинцев* ее неотъемлемой частью [25]. В то же время формирование русского национального самосознания объективно способствовало постепенному преодолению социокультурного раскола середины XVII – начала XVIII вв. Ему сопутствовала частичная эрозия разного рода примордиальных, локальных, региональных, этнических идентичностей, наиболее быстро происходившая в крупных центрах промышленности и культуры.

Революционные потрясения не просто прервали процесс формирования русской национальной идентичности, но привели к качественному изменению состава самой социальной среды, в которой он происходил. Следствиями гражданской войны, голода, эмиграции, высылки интеллектуалов за пределы Советской России, индустриализации, коллективизации, массовых репрессий стали полная смена господствующей элиты, серьезнейшее изменение состава элиты интеллектуальной, обновление социального облика крупных индустриальных центров. В городах, армии, на объектах индустриального строительства оказались миллионы выходцев из деревни, которых первая (дореволюционная) версия формирования русской национальной идентичности почти не затронула.

Вместе с тем временной разрыв между дореволюционной и сталинской версиями формирования русского национального самосознания был не столь большим, и многие представители досоветской интеллектуальной элиты внесли значимый вклад в «руссоцентристский» поворот 1930-х гг. С известной долей условности можно сказать, что сталинский режим позволил этим людям передать эстафету формирования русского национального самосознания из 1910-х гг. в 1930-е. Достаточно упомянуть, что для преодоления последствий «нигилистической» деятельности «школы Покровского» были возвращены из ссылки такие «буржуазные спецы» как Е. В. Тарле и С. В. Бахрушин, ранее репрессированные по т.н. «академическому делу».

Социальные и политические условия формирования новой русско-советской идентичности и эволюции исторического нарратива можно в полной мере назвать экстремальными. Даже те деятели науки, культуры и образования, которые выступали носителями дореволюционной версии русского национального самосознания, не образовывали целостной группы. Скорее, можно говорить о своеобразном «индивидуальном контракте» каждого из них с правящим режимом, негласные условия которого контролировались и корректировались режимом в одностороннем порядке с применением широкого набора инструментов воздействия – от Главлита до ОГПУ / НКВД. Немало тех представителей «старой» интеллиген-

ции, кто в начале 1930-х гг. содействовал «руссоцентристскому» повороту, уже в 1937–1938 гг. попали под маховик репрессий.

На протяжении 1920-х гг. (и в особенности после разгрома всех – реальных и мнимых – течений внутрипартийной оппозиции) пространство публичной дискуссии об историческом прошлом, его связи с современностью и проекциями в будущее неуклонно сокращалось. И хотя подготовка многих значимых решений, относящихся к символической политике и политике памяти, сопровождалась весьма напряженными экспертными дискуссиями, «массовый потребитель» получал уже готовый продукт – например, обязывающее постановление или установочную статью в партийной печати. Устойчивая коммуникация между разными социальными группами, отдельными лидерами общественного мнения по вопросам идентичности и исторической памяти была исключена, и тем самым был заблокирован один самых эффективных механизмов нациестроительства. Его замена работающей на максимальных оборотах пропагандистской машиной давала сильный краткосрочный эффект, но в условиях действительно экзистенциальных вызовов для национального единства и сплоченности открывала новое пространство рисков и возможностей, включая запуск некоторых спонтанных процессов развития национальной идентичности, не контролируемых в полной мере из единого центра.

Великая отечественная война и ее значение для советского метанарратива. Тяжелейшие испытания, через которые прошел Советский Союз в годы войны с нацистской Германией, подтвердили своевременность селективной апелляции сталинского режима к дореволюционной исторической традиции и русскому патриотизму. Провозглашение войны с гитлеризмом Великой Отечественной войной советского народа сформировало смысловой континуум с Отечественной войной 1812 г. (к этому приему прибег В. М. Молотов уже в своем радиовыступлении 22 июня 1941 г. [26]), поместив в центр национальной борьбы коммунистическую власть во главе с Верховным главнокомандующим.

В патриотическом нарративе, обращенном в первую очередь, к русскому населению, исчезали прежние полутона, он становился все более прямолинейным, рассчитанным на самое широкое восприятие и максимальную мобилизацию. Но одновременно возрастала роль нарратива дружбы народов, вместе с русским народом отстаивающих свободу и независимость социалистического Отечества. Советский метанарратив сохранялся, но при этом многие идеологемы большевистского интернационализма, игравшие столь значимую роль в первые послереволюционные годы, уходили на задний план, а то и вовсе изымались из пропагандистского оборота. Принимались и знаковые политические решения, в числе которых необходимо назвать роспуск Коммунистического интернационала 15 мая 1943 г.

Великая Отечественная война и Победа в ней могут с полным основанием рассматриваться в качестве важнейших событий, оказавших и продолжающих оказывать влияние на макрополитическую идентичность и

культуру памяти в Советском Союзе, современной России и других постсоветских государствах. Масштаб их воздействия на индивидуальный и коллективный опыт оказался настолько значительным, что прежний инструментарий пропагандистской обработки обнаружил свою ограниченность. Да и сам «объект» воздействия во многом стал другим.

Смыслообразующим для всего «довоенного» метанарратива выступал острейший социально-политический конфликт, в котором исключались какие-либо компромиссы (по Горькому: «если враг не сдается – его уничтожают»). Безальтернативным стал дискурс победителей в этом противоборстве, т.е. одной стороны, не представлявшей большинства ни в 1917 г., ни позднее, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Война с гитлеровской Германией ситуацию радикально изменила. Сплочение и отпор внешней агрессии стали общим и решающим опытом для большинства населения СССР, независимо от социального статуса. Разумеется, в ходе войны происходили процессы, не позволяющие говорить об этом исключительно в бравурной тональности – были и коллаборационизм на оккупированных территориях, и депортации народов, и множество событий на фронте и в тылу, побуждающих десятилетия спустя ставить вопросы о «цене Победы». Однако в плане формирования макрополитической идентичности, включая и русско-советскую национальную идентичность, опыт военных лет имел исключительное значение. Этот опыт, отражая совокупность индивидуальных опытов миллионов людей, формировал новую рамку коллективной памяти [27], для которой официальная патриотическая пропаганда играла по преимуществу субсидиарную роль. Впервые после революции и гражданской войны макрополитическая идентичность могла развиваться не на конфликтной основе, а на базе осознания принадлежности к общему целому, даже если в понимании этого целого сохранялась двойственность «русское / советское».

Институционализация памяти о Великой Отечественной войне имела исключительно важный долгосрочный эффект. Как справедливо подчеркивает О. Ю. Малинова, память о Великой Отечественной войне «транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов, начиная с вариаций на тему героизма и национальной славы («защитники свободы», «спасители цивилизации» и т.п.) и заканчивая дискурсом жертвы, чьи страдания требуют моральной компенсации. В силу этого символ войны содержит широкие возможности для конструирования положительно окрашенного образа Нас в разных контекстах» [28, с. 7].

Принципиально важно, что в обществе, претерпевшем вследствие войны глубокие изменения с точки зрения половозрастной структуры и территориальной мобильности, после завершения демобилизации очень важную роль стала играть многомиллионная группа фронтовиков, сплоченная военным опытом и на основе памяти об этом опыте сохранявшая свою сплоченность на протяжении десятилетий. Благодаря наличию этой груп-

пы общественное мнение достигло существенно более высокой степени автономии [29] по сравнению с довоенным периодом и сохраняло ее даже в условиях нового усиления политико-идеологического и репрессивного давления со стороны власти в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Показательно, что потенциал памяти о войне в полной мере начал использоваться властью лишь два десятилетия спустя после Победы, когда к руководству страной и партией пришли Л. И. Брежнев и другие представители номенклатуры, чье становление как политических руководителей пришлось именно на военные годы.

Вместе с тем после окончания войны остались неразрешенными многие проблемы, которые возникают перед исследователями, пытающимися реконструировать советскую макрополитическую идентичность. На наш взгляд, нет достаточных оснований утверждать, что по окончании войны произошла полная и окончательная трансформация идеологии, национальной и символической политики сталинского режима в «национал-большевизм». Здесь стоит вспомнить перечень оставшихся без ответа вопросов, которыми заканчивает свою книгу «Идеология национал-большевизма» М. С. Агурский: «Было ли это радикальным изменением ранней революционной идеологии? Было ли это ревизией марксизма? Это не очевидно и нам, как не было очевидно тем, кто осуществлял эти изменения, по крайней мере в тот исторический период. Сталин шел по стопам не только Ленина, но и Троцкого, которого только что с позором разгромил. Марксистская преемственность неоспорима. Все почти предписания ортодоксального марксизма, как их понимал Ленин, были выполнены. Но система все же начала превращаться во что-то, чего большевики никак не предполагали. Было ли это ревизией марксизма или же той реальной его адаптацией к конкретной национальной и социальной среде, которая была в России? Было ли это неизбежностью или же политическое и социальное развитие СССР могло принять и другие формы?» [21, с. 287].

Прежде всего, в конце войны и после ее окончания апелляция к интернационализму никуда не исчезла, хотя акценты существенно (в последние годы жизни Сталина – скачкообразно) менялись. Тематика «дружбы народов» Советского Союза была актуальной на протяжении всей войны, но ее роль особенно усилилась после Курской битвы и битвы за Днепр, когда войска Красной Армии начали возвращать контроль над территорией Украины и других советских республик, ранее оккупированных нацистами. Сопричастность не только к защите русской государственности, но и к новой многонациональной общности была частью повседневного опыта бойцов мультиэтнической по своему составу Красной Армии, а также 17 миллионов эвакуированных жителей западных территорий СССР [30], из которых многие были размещены в республиках Средней Азии и Казахстане.

Вступление Красной Армии на территорию стран Восточной Европы и перспектива утверждения в этих странах лояльных Москве коммунистических и левых режимов вновь актуализировали риторику международно-

го пролетарского интернационализма, хотя и с некоторыми ограничениями, обусловленными обязательствами СССР перед союзниками по антигитлеровской коалиции. Фактическое наполнение лозунгов интернационализма теперь сводилось к поддержке сил, не просто признающих лидерство Москвы и советскую модель общественного устройства в качестве образца социально-политических преобразований, но и демонстрирующих безусловную лояльность И. В. Сталину как вождю мирового коммунистического движения. Разрыв с титовской Югославией в 1948 г. убедительно продемонстрировал, к чему может привести нарушение последнего условия. Таким образом, послевоенное прочтение интернационализма обнаруживало много общих черт с имперским великодержавием.

Советская макрополитическая идентичность: нарастание противоречий. После окончания войны двойственность или расфокусированность советской макрополитической идентичности сохранилась и даже усилилась. С одной стороны, значительно укрепилось русское национальное самосознание большинства носителей этой идентичности. С другой стороны, наднациональная составляющая неизменно выходила на первый план, когда в центре внимания оказывались структура институтов государственной власти и международный статус СССР.

«Советское» не было полным субститутом «русского» или «российского», но при этом не мыслилось в отрыве одного от другого. Т. Мартин метко охарактеризовал всю двусмысленность подобной коллизии, назвав русских «неудобной» нацией – «слишком большой, чтобы ее проигнорировать, но в то же время и слишком опасной, чтобы предоставить ей такой же институциональный статус, какой был у других крупных национальностей страны» [19, с. 542].

Блокировка создания в РСФСР полного набора институтов власти, идентичного по составу таким институтам в других союзных республиках, была принципиальной политической позицией И. В. Сталина и его преемников. Опасения появления второго (российского) центра власти послужили своеобразным питательным бульоном и для т.н. Ленинградского дела. Спустя несколько десятилетий, на этапе системного кризиса советской системы, именно возникновение подобного двоевластия сделало этот кризис необратимым.

Сохранение асимметрии прав и полномочий между РСФСР и другими союзными республиками подчеркивало, что наиболее значимые результаты коренизации вовсе не были демонтированы во время «руссоцентричного» поворота. В метафорической форме эту диспозицию выразил Ю. Л. Слёзкин, сравнивший Советский Союз с большой коммунальной квартирой: «В центре советской “коммуналки” находилось большое, ничем не приметное пространство, в котором нация, населяющая это пространство, не выражала заинтересованности... В самом деле, русские были в исключительном положении. На территориях проживания других национальностей они могли считаться нацменьшинствами в настоящем смысле слова. Но в самой России у них не было никаких национальных

прав и никаких национальных льгот (в то время как раньше, когда у них таковые были, они ими злоупотребляли). […] Через семьдесят лет после X съезда партии последовали неизбежные результаты политики коренизации. Жильцы разных комнат заколотили свои двери и начали пользоваться окнами, в то время как жильцы огромной прихожей и кухни стояли в центре, в смущении почесывая затылки. Попробовать ли забрать у соседей свое имущество? Снести ли стенки? Отключить ли газ? Превратить ли свое пространство в отдельную квартиру?» [20, с. 419].

Тезис о «дружбе народов», выдвинутый в середине 1930-х гг., способствовал «балансировке» исторических нарративов в национальных республиках и на общесоюзном уровне. В рамках этой «балансировки» вхождение нерусских территорий в состав Русского государства / Российской империи трактовалось как «исторически прогрессивное». При этом национальное угнетение могло усиливаться, что было обусловлено, в первую очередь, классовой сущностью царизма. Соответственно, совместная борьба русских революционеров и представителей национальных окраин против царизма, увенчавшаяся ликвидацией эксплуататорского строя, привела и к подлинному национальному освобождению, реализовать и защитить которое малые народы могли только в союзе с русским народом. Всемирно-историческое значение Октябрьской революции признавалось безусловным, а Великая Отечественная война и Победа в ней органично «вписывались» в телеологический канон российской и всемирной истории. Принципиально новый тип государства – Советский Союз – обеспечивал равноправие, социальное и национальное, и в то же время становился центром осуществления глобальной миссии социального и национального освобождения. Такой или примерно такой была общая схема исторического нарратива к концу сталинской эпохи.

XX съезд КПСС и хрущевская «оттепель» нанесли по телеологии советского метанарратива ощутимые удары. Развенчание «культа личности» Сталина и частично приоткрывшаяся правда о массовом терроре были слишком значительными, чтобы их можно было надолго зафиксировать на периферийных позициях в официальном дискурсе о недавнем прошлом. Подобно демобилизации фронтовиков, возвращение из лагерей и ссылок множества реабилитированных вывело на сцену общественной жизни еще одну массовую группу, объединенную трагическим опытом и формирующую рамку коллективной памяти об этом опыте. Призыв увековечить память жертв политических репрессий, озвученный Н. С. Хрущевым на XXII съезде КПСС, означал, что тема ответственности и признания вины за совершенные преступления (разумеется, со множеством оговорок) становится частью дискурса власти о недавнем прошлом.

Десакрализация вождя на символическом уровне – снос памятников Сталину, переименование городов, сел, площадей, улиц, станций метро и т.д. – не могла не заронить семена сомнения в отношении всего официального исторического канона. Но куда более деструктивный эффект для устоев режима и способов его исторической легитимации имело расши-

рение пространства публичных дискуссий. В период «оттепели» расширение этого пространства было ограниченным, охватывающим далеко не все каналы коммуникации, во многих случаях зависимым от индивидуальных решений Н. С. Хрущева. Тем не менее происходило формирование палитры мнений по достаточно широкому кругу вопросов прошлого и настоящего. «Первопроходцами» выступали «толстые» литературные журналы, театр, кинематограф. Профессиональные обсуждения в среде историков и представителей других общественных наук оставались под весьма жестким идеологическим контролем. Несмотря на это, даже ограниченное расширение пространства публичных дискуссий вело к расшатыванию официального нарратива о прошлом и настоящем.

В условиях, когда доминирование официального нарратива обеспечивалось тотальной пропагандой, абсолютным контролем над СМИ и репрессиями в отношении инакомыслящих, даже частичный возврат к многообразию мнений, высказываемых в подцензурной прессе, дал возможность отразить позиции представителей крупных групп, каждая из которых была способна формировать собственную рамку исторической памяти. «Окопная правда», «лагерная правда», «деревенская правда» и т. д., став устойчивыми темами публичного дискурса, сформировали первичную диспозицию мнемонических акторов, которая в основном была воспроизведена в эпоху перестройки, а затем, после распада Советского Союза, начала претерпевать более сильные изменения. Новые ограничения пространства публичных дискуссий, введенные после отстранения Н. С. Хрущева, перевели обсуждение наиболее острых тем исторического прошлого в сферу диссидентского дискурса, где сформировался корпус текстов, часть из которых решительно оспаривали официальный исторический нарратив. Многие из них были востребованы широкой аудиторией в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Характерной особенностью идеологической и символической политики при Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежневе было стремление избежать сильной фокусировки внимания на дихотомии «русское / советское». Отчасти это происходило за счет форсирования риторики социального оптимизма, включающей (при Хрущеве) обещание жизни при коммунизме уже для «нынешнего поколения советских людей», пропаганду научно-технических достижений и представление СССР в качестве сверхдержавы. По сути, такого рода нарративы в более мягкой форме усиливали наднациональную составляющую макрополитической идентичности, продолжая при этом телеологическую линию в экспликации всемирно-исторического процесса. Внешне более решительным шагом выглядело провозглашение на XXIV съезде КПСС (1971) идеологемы «советский народ – новая историческая общность людей» [31, с. 60]. Хотя эта идеологема, по всей видимости, была своеобразным призывом к укреплению «советской» гражданской нации или новой отсылкой к наднациональному самосознанию [32, с. 28], не отменяющей этнической компоненты идентичности, ее неоднозначность вполне могла вызвать внутреннюю насто-

роженность в союзных республиках. Но поскольку брежневское руководство высшим приоритетом считало сохранение status quo, далеко идущих последствий как в национальной политике, так и в политике памяти изобретение «новой исторической общности» не имело.

Гласность и «катастройка» советского метанарратива. После прихода к власти М. С. Горбачева проблемы исторической памяти вышли на первый план далеко не сразу. Само провозглашение политики гласности в начале 1987 г. стало попыткой коррекции курса на фоне неубедительных результатов первых двух лет горбачевских преобразований [33, с. 19]. Но именно гласность перевела динамику развития советской системы в катастрофический режим, оказывая деструктивное воздействие на метанарратив. Здесь стоит привести характерное высказывание Вячеслава Игрунова, в тот период активно участвовавшего в развитии неформального движения в СССР: «Мне стало ясно, что катастрофа неизбежна, когда было объявлено об отмене предварительной цензуры» [34, с. 49].

В 1987–1989 гг. с каждым свежим номером «Московских новостей» или «Огонька» происходило растабуирование проблем исторического прошлого, а миллионы читателей начинали осознавать, что происходит не просто расширение «сферы дозволенного», но что в рамках системы либо по отношению к ней становится возможной принципиально иная модель социального поведения. Эффект был поистине опустошительным: не успевали умеренные сторонники системных трансформаций выстроить оборону под лозунгом возвращения к чистоте «ленинских идеалов социализма», как информационный вал с легкостью сметал этот редут. Многие из тех, кто еще в 1987 г. верил в возможность «демократического социализма», к 1989–1990 гг. превратились в убежденных антикоммунистов. Привнесение в общественно-политический дискурс моральных категорий и их использование для оценки политического режима вели к десакрализации и демонизации «отягощенной злом» системы.

Гласность радикально ускорила структурирование публичного пространства, она выступила в качестве катализатора процессов, которые впервые начали развертываться еще во времена хрущевской «оттепели». В 1987–1990 гг. редакции газет и журналов представляли собой подобия политических партий, а дискурсы доперестроечной диссидентской среды мультиплицировались и наполнялись новыми смыслами благодаря появлению множества возможностей формальной и неформальной коммуникации.

1987–1988 гг. можно считать решающими для судьбы СССР в том смысле, что в этот период были одновременно активированы несколько мощных механизмов его разрушения – ликвидация идеологической монополии и цензуры, ослабление внутреннего единства КПСС и появление возможностей прихода в структуры власти людей, позиционирующих себя в качестве оппонентов режима, эрозия плановой экономики, подъем сепаратизма в ряде союзных республик и использование его активистами легальных способов борьбы за национальное самоопределение и независимость. Происходило взаимное усилие этих разрушительных процессов,

нагрузки на систему возрастали с каждым месяцем. По сути, сбылось известное предвидение маркиза де Кюстина: «… народы немотствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа, и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение» [35, с. 167].

Вопросы исторической памяти сыграли очень важную роль в разрушении советской системы изнутри. В октябре 1987 г., в канун 70-летнего юбилея большевистской революции, М. С. Горбачев предпринял последнюю значимую попытку модификации официального исторического нарратива. На фоне выходящих из-под контроля дискуссий о прошлом и настоящем, предложенная им конструкция выглядела слишком консервативной и ригидной. Включив в свой юбилейный доклад тезис о том, что «порог к подлинной истории человечество перешагнуло в 1917 году» [36, с. 56], М. С. Горбачев вновь отдал дань телеологической трактовке исторического процесса.

Достаточно далеко отходя от сталинско-брежневских оценок конкретных исторических событий и процессов, горбачевская интерпретация послереволюционной истории практически полностью укладывалась в советский метанарратив. Однако сам метанарратив продолжал разрушаться, причем его расшатывание происходило не только вследствие нарастающего нетерпения сторонников более радикального реформирования или полного демонтажа системы, но и благодаря активизации «охранительного» крыла партийной номенклатуры. Т.н. «письмо Нины Андреевой» (13 марта 1988 г.), его пропаганда в партийной печати на протяжении нескольких дней и последующее дезавуирование перевели сами дебаты об историческом прошлом в другое качество. Доминирование метанарратива, обеспечиваемое в конечном счете государственным принуждением, сменилось острой и открытой конкуренцией нескольких исторических нарративов, переводом символической борьбы в режим ожесточенного противостояния и нарастанием делегитимации правящего режима [37, с. 2].

Заключение. Глубокий системный кризис советизма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в значительной степени был радикализирован разрушением метанарратива. Можно уверенно утверждать, что наличие метанарратива являлось столь же необходимым условием функционирования советской системы, как и монополия на власть партийно-советской номенклатуры. В руках номенклатуры и ее вождей советский метанарратив служил инструментом сплочения общности, выступающей базой и основным ресурсом их господства. Как убедительно показывает Г. Гилл, роль своеобразного каркаса метанарратива играл набор марксистских и ленинско-сталинских идеологем, описывающих динамику исторических изменений как движение к предзаданной цели развития человечества. С точки зрения идеального образа будущего советский метанарратив апеллировал к наднациональным ценностям. Но если в первые годы после прихода к

власти большевиков доминировали расчеты на триумф мировой революции, то в дальнейшем наднациональная составляющая советского метанарратива стала «обслуживать» систему национально-государственного устройства, в которой размытость границ между «русским» и «советским» была вполне осознанным выбором правящей корпорации. По мере роста могущества Советского Союза и превращения его по итогам Второй мировой войны в одну из двух сверхдержав, наднациональный компонент метанарратива репрезентировал ту версию коммунистического мессианизма, в которой предпосылкой полного и окончательного устранения эксплуатации человека человеком должно было стать геополитическое торжество возглавляемого Советским Союзом лагеря прогрессивных сил.

Советский метанарратив играл важнейшую роль в формировании советской макрополитической идентичности, но при этом не был ей равнозначен. Скорее, метанарратив способствовал формированию и укреплению нескольких типов идентичностей, включая русско-советскую идентичность (как в пределах РСФСР, так и в масштабе всего Союза) и идентичности «титульных наций» других советских республик. Соответственно, применительно к политическому использованию прошлого советский метанарратив обеспечивал сосуществование и взаимное приспособление исторических нарративов, конструировавшихся в процессе создания и укрепления отдельных национально-территориальных образований, и основного официального исторического нарратива, который «вписывал» советский эксперимент в канву всемирной истории и соотносил его с российской предреволюционной историей. Если сами эти нарративы были подвержены существенным изменениям в зависимости от политической конъюнктуры в Москве и «на местах», то метанарратив сохранял стабильность и устойчивость. И даже разрушение метанарратива на рубеже 1980-х – 1990-х гг. не означало аннигиляции тех его дискурсивных и символических компонентов, которые наиболее тесно связаны с идентичностью и восприятием прошлого. Во всяком случае ни один из конфликтов памяти в современной России и странах постсоветского пространства нельзя понять, не обращаясь так или иначе к проблематике советского метанарратива.

Литература:

1. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation ? – Paris: Pierre Bourdas et fils, 1991. – 128 p.
2. Art D. The politics of the Nazi past in Germany and Austria. – Cambridge: Cambridge university press, 2005. – 232 p.
3. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – М.; СПб: Нестор-История, 2018. – С. 27–53.
4. Gill G. Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge university press, 2011. – 364 p.

5. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с.
6. Voronovici A. Internationalist separatism and the political use of “historical statehood” in the unrecognized republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. – 2019. – Vol. 65, N 4. – P. 1–15. – DOI: https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918
7. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: Российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
8. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. – С. 322–339.
9. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 6. – С. 175–186.
10. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1969. Т. 26. Июль 1914 – август 1915. – С. 351–355.
11. Гончарова С.М. К вопросу об авторстве Декрета СНК «Социалистическое Отечество в опасности!» (1918) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. – С. 99−101.
12. Силина М. Новые темы и образы в рельефах, созданных по «плану монументальной пропаганды», 1918–1921 год. – Режим доступа: https://sites.google.com/site/silinamaria/papers/soviet-revolutionary-monuments (дата обращения: 30.05.2020).
13. Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в СНК Отделом изобразительных искусств Народного Комиссариата по просвещению // Известия ВЦИК. 1918. № 163 (427). URL: https://runivers.ru/philosophy/chronograph/406544/ (дата обращения: 30.05.2020).
14. Ленин В.И. Письмо М.Н. Покровскому, 5 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 52. Письма: Ноябрь 1920 – июнь 1921. – С. 34.
15. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партийное издательство, 1933. Т.3. – 272 с.
16. Yilmaz H. National identities in Soviet historiography: The rise of nations under Stalin. N.Y.: Routledge, 2015. – 240 p.
17. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 25. Март – июль 1914. – С. 255–320.
18. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. Март 1922 – март 1923. – С. 356–362.
19. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. – 855 с.
20. Slezkine Yu. The Soviet Union as a communal apartment // Slavic review. 1994. Vol. 53. No. 2. – pp. 414–452.
21. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA-Press, 1980. – 322 с.

22. Бранденбергер Д. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания, 1931–1956. СПб: Академический проект, ДНК, 2009. – 416 с.
23. Слёзкин Ю. «Ничего неизбежного не бывает» // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. – С. 25–34.
24. Miller A.I. The Romanov empire and the Russian nation // Nationalizing empires / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest: CEU press, 2014. – Pp. 309–368.
25. Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2-х т. / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. – С. 392–443.
26. Выступление по радио Председателя Совета народных комиссаров СССР и Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова // Правда. 1941. 23 июня. № 172 (8580). – С. 1.
27. Halbwachs M. On collective memory. Chicago: Chicago university press, 1992. – 237 p.
28. Малинова О.Ю. Великая Отечественная война как символический ресурс: Эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг. // Россия и современный мир. 2015. – № 2. – С. 6–29.
29. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. – 230 с.
30. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР: 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. – № 6. – С. 7–27.
31. Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 194–314.
32. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge university press, 1996. – 202 p.
33. Ефременко Д. В. Посттравматическая Россия: Социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 224 с.
34. Игрунов В. В. Прогнозы А.А. Амальрика – сценарий для современной России // Политическая наука. 2012. – № 1. – С. 141–159.
35. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990. – 288 с.
36. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: Революция продолжается // Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции: Доклад на Совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. – 62 с.
37. Sherlock T. Historical narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. – 273 p.

Дмитрий Валерьевич Ефременко, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, efdv2015@mail.ru

Dmitry V. Efremenko, Dr.Sc. in politics, deputy director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia, efdv2015@mail.ru

УДК 34 (517.3) ***© S. Enkhtsetseg***

Conflict between New-York convention and national law

In reality, while enforcing foreign arbitral awards under the Convention winner cannot benefit enforceability. This enforcement stage they experience some problems based on both Convention and national law in practice. In this context, the judicial application and interpretation of the New York Convention regarding procedural and substantive issues relating to the recognition and enforcement of foreign arbitral awards have to be analyzed by theoretical approaches. The Convention applies only to foreign arbitral awards. It provides two criteria for an arbitral award to be a foreign award-arbitral award made in the territory of a State other than the State were recognition and enforcement is sought, and arbitral award not considered as domestic in the State where recognition and enforcement are sought. However, the Convention does not define what constitutes an "arbitral award", some national laws simply define "arbitral award", while some provide statutory definitions that are not particularly instructive[1]. Some jurisdictions have left it to the courts and scholars to define the term. A domestic judgment is automatically recognized and enforced but foreign judgment should be recognized to be enforced in other State. But due to the international comity of respecting the sovereignty of other States, recognition of a foreign judgment is provided in most national laws. Different from litigation, arbitration is a private dispute settlement system detached from a national court. An arbitral award is made by a tribunal that does not have imperium. Therefore, to be enforced, arbitral awards both domestic and foreign should be recognized is not necessary national consequence, due to the lack of imperium character. The recognition and enforcement of arbitral awards depend on national laws.

Keywords: *New York Convention of 1958, arbitration proceedings, enforcement of arbitral awards in a foreign state, binding enforcement of arbitral awards, national law*

© С. Энхцэцэг

Противоречия между Нью-Йоркской конвенцией и национальным законодательством

Сегодня при исполнении иностранных арбитражных решений в соответствии с положениями Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., выигравшая сторона не всегда может считать себя полностью удовлетворенной. На этом этапе правоприменения они испытывают некоторые проблемы, вытекающие как из норм Конвенции, так и из положений национального законодательства при их реализации на практике. Именно поэтому судебные решения о применении и само толкование Нью-Йоркской Конвенции в отношении процедурных и материально-правовых вопросов, касающихся признания и исполнения иностранных арбитражных решений, должны тщательным образом изучаться и подкрепляться

[1] International Arbitration Act of Australia, Art 3(1), International Arbitration Act of Singapore, 27(1) provide definitions of "arbitral award". Arbitration Law of Israel, Art 1 states that an "arbitral award" is "an award made by an arbitrator, including an interim award.

научной теорией. Конвенция распространяется только на иностранные арбитражные решения. Ее положения предусматривают два критерия, по которым арбитражное решение может быть отнесено к иностранным арбитражным решением, вынесенным на территории государства, не являющегося государством, в отношении которого испрашивается признание и исполнение, а арбитражное решение не считается внутренним государства, где испрашивается признание и приведение в исполнение судебного решения. Однако в Конвенции не дается определения того, что представляет собой «арбитражное решение», в некоторых национальных законах просто дается определение «арбитражного решения», а в некоторых предусмотрено нормативное определения, которое не всегда может служить образоцом или примером для изучения. В некоторых случаях это право оставлено на усмотрение судов и ученых. Судебное решение в любом государстве автоматически признается обязательным и исполняется, при этом иностранное судебное решение должно быть признано исполняемым в другом государстве. Однако в отличие от судебного разбирательства, арбитраж – это система урегулирования частных споров, отделенная от национального суда. Арбитражное решение выносится органом, который не обладает императивностью. Поэтому для обеспечения исполнения арбитражных решений, как вынесенных на основе национального законодательтсва в конкретном государатсве, так и решений, вынесенных в другом государстве, не наступает обязательных последствия из-за отсутствия в них императивного характера. Признание и исполнение арбитражных решений зависит от национальных законов каждого отдельного государства.

Ключевые слова: *Нью-Йоркская Конвенция 1958 г., колиззия нацоанльного и международного права, арбитражное разбирательство, исполнение арбитражных решений в иностранном государстве, обязательность исполнения арбитражных решений, национальное законодательство*

NEW YORK CONVENTION AND NATIONAL LAW

Article III of the Convention provides that “Each Contracting State shall recognize arbitral awards as binding and enforce them under the rules of procedure of the territory where the award is relied upon, under the conditions laid down in the following articles”[2].

In other words, enforcement of any awards which is sought under the Convention depends on national laws relating to the enforcement. Meanwhile, although the term “recognition and enforcement” of foreign awards falls within the scope of the Convention, it is not defined in the Convention. The meaning of the terms should be interpreted by the national laws or the case-law of the enforcing state, and the procedure for each action should be provided in the rules of the national laws. Although “recognition and enforcement” look like a single concept, the national law of the contracting states should provide for the interpretation of each term and should contain procedures for applications for each of them.

The place for the recognition and enforcement of arbitral awards plays an important role. In principle, unless the arbitral awards are considered to be non-domestic, the recognition and enforcement of the awards cannot occur in the

country in which the award was made[1]. The party seeking enforcement can select the appropriate place for the enforcement if the assets of the respondent are located in more than one country[2]. In choosing the place of recognition and enforcement, the attitude of the national court of the country in which the enforcement is sought, the applicability of public policy by the courts of that state, and the links between the place of enforcement and the place of arbitration (where the award was made) are important factors to be considered by the parties[3].

As a result, national courts have an opportunity to interfere with the enforcement of awards by refusing recognition and enforcement of the award the request of the debtor party by Article V of the Convention.

A notable part of this definition is that an arbitral award is regarded as analogous to the national court's judgment. In order words, this definition appraises that "arbitration has a powerful outcome and is not a poor alternative to court litigation" [5, p. 64-67].

By trying to list the main features of an arbitral award leading authors, namely Julian Lew, Loukas Mistelis and Stefan K assert that an award:

1. Concludes the dispute as to the specific issue determined in the award so that it has *res judicata*[4] effect between the parties; if it is a final award, it terminates the tribunal's jurisdiction;
2. Disposes of parties' respective claims;
3. May be confirmed by recognition and enforcement;
4. May be challenged in the courts of the place of arbitration [4, p. 24].

Although the mentioned weakness of the Convention increases the importance of the enforcement mechanism for investors in comparison with the enforcement mechanism under Convention which applied in case of national laws. Also, Loukas Mistelis states that "an award is *de facto* and *de jure* a judgment with transnational effect" [3, p. 789].

The Convention imposes a pubic international obligation their respective Contracting States to recognize and treat an award as if it were the decision of a national court. Above mentioned, Article III Convention imposes a general obligation on contracting states that they shall recognize and enforce final arbitral awards. The party applying for recognition and enforcement shall supply the duly authenticated original award and the original agreement referred to in Article II of the Convention to obtain the recognition and enforcement of the arbitral award.

This simple procedure makes the enforcement stage under the Convention is attractive for the winning party, especially in case of investment arbitration for the investors.

---

[1] *Supra note 4*, New York Convention, Art IV(1).
[2] *Ibid.*
[3] *Supra note 4*, New York Convention, Art 1, (8).
[4] The doctrine of *res judicata* prevents the retrial of judicially settled issues and asserts the finality of judges' decisions. A matter that has been adjudicated by a competent court and therefore may not be pursued further by the same parties.

Although in respect of arbitration proceedings and awards, Article V (2) Convention established jurisdictional system insulated from national law. Furthermore, Article V. (2) of the Convention enhances the national court's hands in case of application of national laws relating to sovereign immunity from execution. However, the Convention does not explicitly touch any matter relating to State immunity from execution of arbitral awards, State immunity from execution in two ways [1, p. 308]. The first way is an application of Article V(2) (b) of the Convention, because of public policy concerns of the state where enforcement sought [Ibid].

As stated by Stephen Toope, Either for reasons of international comity or of internal constitutional structure, it is believed that the courts should not complicate potentially sensitive foreign policy issues by "interfering" to order execution against property vested in a foreign State [9, p. 141]. The second, way relates to the application of Article III of the Convention which provides that arbitral award shall be enforced by the laws of the territory where the enforcement of that arbitral award is sought. Therefore, national laws relating to State immunity affect the enforcement of those arbitral awards. Although in the context of the Convention investors can argue that states waive their immunity from execution when they agree with arbitration through which agreement depending on the national laws and states' membership to the Convention.

State immunity from execution is a difference between two approaches; the doctrine of absolute immunity and the theory of restrictive immunity. In difference with the doctrine of absolute immunity according to which no enforcement is possible against state property, the doctrine of restrictive immunity permits enforcement of arbitral awards against state property[1].

In this context that the question is to what extent state property can be executed by national courts for the enforcement of arbitral awards. In other words, the question is which assets of state can be used for the satisfaction of arbitral awards.

In the end, although the losing state, which relies on the State immunity from execution to avoid to satisfy arbitral awards, is still in violation of its international obligations arising from perspective Convention, it can be stated that State immunity 'might well be the Achilles' heel in the body of investor-State dispute settlement, considering the persistence of State immunity.

Although Article III of the Convention demands from the Contracting States to recognize and enforce arbitral awards, the enforceability of those awards is subject to the exhaustive list of grounds provided in Article V of that Convention. According to the first paragraph of that article, national courts may refuse

[1] See: Domenico Di Pietro. *What Constitutes an Arbitral Award under the New York Convention? // Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards: The New York Practice,* p.193; see also: Domenico Di Pietro, *Arbitral Awards under the New York Convention: What Are and What May Be* // Transnational Notes. – 2011, November 14. – URL : https://blogs.law.nyu.edu/transnational/2011/11/arbitral-awards-under-the-new-york-convention-what-are-and-what-may-be/ (visited 2020, March 28)

recognition and enforcement of the arbitral award if the requested party proves the following procedural grounds: 1) invalidity of the arbitration agreement; 2) violation of due process; 3) the arbitrator exceeding his authority; 4) irregularity in the composition of the tribunal or the arbitral procedure; and 5) award not being binding, or having been suspended or set aside, in the country of origin.

Several provisions, such as subsections (a), (b), and (d), concern *due process*[1]. If a party was subject to incapacity, or the arbitration agreement was not valid, the recognition and enforcement of the award may be refused under these clauses[2]. The contracting states of the New York Convention have accepted the due process defense as grounds for refusing the recognition and enforcement of a foreign arbitral award. However, this defense may be rejected or accepted by the national courts.

Moreover, Article V(2) of the New York Convention contains two substantive grounds that may be raised in an application for refusal. A national court may apply its law regarding these two grounds, which are 1) that the subject matter of the dispute cannot be submitted to arbitration, and 2) that recognition and enforcement would be contradictory to public policy[3]. These two grounds are subject to decision by the national court's authority. For instance, The Korean Arbitration law[4] and Mongolian Arbitration law[5] stipulate almost the same contents as the Convention for the grounds to refuse recognition and enforcement of arbitral awards. Also, the Chinese Arbitration Law[6] and Civil Procedures law [6, pp. 747, 770] stipulates almost the same contents as the Convention for the grounds to refuse recognition and enforcement of arbitral awards.

These grounds constitute the main argument for refusing the recognition and enforcement of an arbitral award. However, the Convention does not define the

---

[1] Choi, *supra note* 11, art 208

[2] New York Convention, *supra note* 4, Art V(1)(a).

[3] New York Convention, *supra note* 4, Art V(2)(a)(b); UNCITRAL Model Law, art 34(2).

[4] Articles 38(1) and 36(2)(ii) of the Korean Arbitration law stated that: an arbitral award may be set aside by the court if the court finds on its own initiative that: 1) The subject-matter of the dispute is not capable of settlement by arbitration under Korean law; 2) The award is in conflict with the good morals and other forms of social order of Korea.

[5] Art 49.1 of the Mongolian Arbitration law stated that: the court has a right to set aside an arbitration award, by the parties' application, only under the following circumstances: 1) if a particular dispute is not subject to the jurisdiction of an arbitration dispute; 2) if a particular arbitration award infringes the interests and national security of Mongolia.

[6] Art 282 of the Chinese Civil Procedure Law stated that "For any legally effective judgment and ruling made by a foreign court under application or request for recognition and enforcement, the People's Court shall determine its effectiveness after being reviewed in accordance with the international treaty signed or participated in by China or the principle of reciprocity to be considered without violation of the basic principle of Chinese law or national sovereignty, security and social public interest; the enforcement order shall be issued if enforcement is needed, and such enforcement shall be in line with relevant regulations of the law.

word “public policy”, leaving this to the domestic legislation. On a practical basis, the public policy defense denotes both of the substantive defenses [3, p. 789].

These grounds constitute the main argument for refusing the recognition and enforcement of an arbitral award. However, the Convention does not define the word “public policy”, leaving this to the domestic legislation. Below this sentence the same one coincided.

Although ArticleV (2) of the Convention does not explicitly provide the distinction between international and domestic public policy. Thus the applicability of the above-mentioned grounds depends on the domestic court's discretion. It is argued that the public policy exception is the safety valve of the Convention because each national court or legislative body can interpret the definition of the public policy differently. However, as there is a distinction between domestic and international public policy in respect of the arbitral awards, it should be stated that the scope of public policy is applied narrowly.

From the aspect textual interpretation of the Convention, it can be stated that obligation under article V (2) is in connection with the supportive mechanisms of international and national law.

A theoretical understanding of this impediment and an understanding of how it is applied in practice is certainly vital in a country where an applicant seeks to enforce an arbitral award.

CONCLUSIONS

Taking all those cases into consideration, it can be stated that it will adopt a positive attitude towards foreign arbitration awards in the future, especially when the refusal of recognition and enforcement of such awards is groundless under New York Convention.

To sum up, one can conclude that the national judicial enforcement regime plays a significant role in the recognition and enforcement of foreign arbitral awards. The interpretation of the procedural grounds for refusal, concerning the due process defense, and the substantive grounds, regarding public policy, mainly depends on the national legislation and the national court system of the enforcing country. When faced with an application for the enforcement of a foreign arbitral award, the judges of the enforcing court should handle the application with discretion and support the enforcement of arbitration awards with knowledge of international commercial arbitration practice.

Finally, the research question of this paper can be answered in summary as follows: The national legislation and national court system of the enforcing state should interpret the procedural grounds, such as the due process defense, and the substantive grounds, such as the public policy ground, narrowly so as not to allow a broad interpretation. Those defenses should not be misinterpreted in the national interest of the enforcing state. The enforcement of an award should be refused only when the enforcing state’s most basic notions of morality and justice are violated.

In doing so, the national arbitration laws, other laws related to arbitration and the procedural laws of the enforcing state should contain comprehensive definitions of the terms and additional guidance or explanation of the excep-

tions or the grounds for refusal of the recognition and enforcement of foreign arbitral awards under the New York Convention.

On the other hand, it is also important to be realistic. In our increasingly globalized world, international politics aren't enough to effectively and efficiently protect foreign investors against abusive domestic courts. State sovereignty prevents the possibility for private parties that are wrongfully refused their commercial arbitration award by local courts to appeal anywhere outside the domestic court system. Even assuming the majority of courts worldwide function in a fair and non-arbitrary manner, some courts in the world harbor corruption or prejudice against particular foreign parties.

Literature:

1. Andrea K. Bjorlund. State Immunity and the Enforcement of Investor-State Arbitral Awards // International Investment Law for the 21st Century: Essays in Honour of Christoph Schreuer. – Oxford University Press, 2009. – 955 p.
2. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958).
3. Handoariau B., Caprasse O. Public Policy in International Commercial Arbitration // Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards :The New York Convention practice / E. Gaillard, D. Di Pietro eds. – Cameron May, 2008.
4. Lew J. D. M. Comparative international commercial arbitration / J. D. M. Lew, L. Mistelis, S. M. Kroll. – The Hague; London; New York: Kluwer Law International, 2003. – 951 p.
5. Loukas A. Mistelis. Award as Investment: The Value of an Arbitral award or Cost of Non-Enforcement // ICSID Review. - Foreign Investment Law Journal. – 2013. – 28(1). – P. 64-87. – URL : https://academic.oup.com/icsidreview/article-abstract/28/1/64/636318?redirectedFrom=fulltext
6. May Lu. The New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: Analysis of the Seven Defences to Oppose Enforcement in the United States and England // Arizona Journal of International & Comparative Law. – 2006. - №3 (23). – P. 746-785.
7. Pietro D. Di. Arbitral Awards under the New York Convention: What Are and What May Be // Transnational Notes, 2011, November 14. – URL : https://blogs.law.nyu.edu/transnational/2011/11/arbitral-awards-under-the-new-york-convention-what-are-and-what-may-be/ (visited 2020, March 28)
8. Pietro D. Di. What Constitutes an Arbitral Award under the New York Convention? // Enforcement of Arbitration Agreements and International Arbitral Awards : The New York Convention Practice / E. Gaillard, D. Di Pietro eds. – Cameron May, 2008.
9. Stephen J. Toope. Mixed International Arbitration: Studies in Arbitration between States and Persons. – Cambridge: Grotius Publications Limited, 1990. – 404 p.

С. Энхцэцэг, LLM, директор Национального исследовательского института при министерстве юстиции и внутренних дел Монголии, председатель Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Монголии, Улан-Батор, Монголия, su.enkh@yahoo.com

S. Enkhtsetseg, LLM, Director of the National Research Institute under the Ministry of Justice and Internal Affairs of Mongolia, Chairman of the Arbitration Court under the Mongolian Chamber of Commerce and Industry, Ulan Bator, Mongolia, su.enkh@yahoo.com

УДК 34 (517.3) **© *S. Doljin***

Case law analysis on enforcement of foreign arbitral awards: analysis of the problems of enforcement case[1]

Asian countries face challenges in a number of aspects in light of handling foreign arbitral awards properly in the country, and certain issues that affect their enforcement remain to be resolved. Since Asians became a member of the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (hereinafter the New York Convention, or the Convention), the Convention has been the primary source of legal rules that govern the enforcement of the foreign arbitral award in the Asian countries. Two major issues are often raised with respect to the application of the Convention. The first issue is the relationship between the Convention and national law. More specifically, this issue is whether national law or the Convention prevails if there is a conflict between the two. The second issue is whether the Convention can be applied directly to the national court. The enforcement proceedings, applicable procedures, and time limitations mainly depend on the national law and the jurisdiction of the country where enforcement of the arbitral award is sought. In this paper, the problems of enforcement of foreign arbitrarily awards analyzed based on the practices in Mongolia.

Keywords: *New York Convention of 1958, collision of national and international law, arbitration proceedings, enforcement of arbitral awards in a foreign state, binding enforcement of arbitral awards, national law*

© *С. Должин*

Анализ прецедентного права по исполнению иностранных арбитражных решений: анализ проблем правоприменения

Азиатские страны сталкиваются с проблемами по ряду аспектов в свете надлежащего исполнения по иностранным арбитражным решениям в других государствах, в связи с чем некоторые проблемы, которые влияют на их исполнение, требуют своего разрешения. С тех пор как государства Азии стали участникам Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (далее – Нью-Йоркская конвенция 1958 г. или Конвенция), Конвенция стала основным источником нормативного регулирования исполнения решений иностранных арбитражных органов и для стран этого континента. В связи с применением Конвенции часто возникают два основных вопроса. Первый: это связь между Конвенцией и национальным законодательством. Более конкретно этот вопрос сводится к тому, кто имеет большую юридическую силу в случае коллизии их правовых норм: национальное законодательство или Конвенция. Второй вопрос заключается в том, может ли Конвенция применяться непосредственно в национальном суде. Исполнительное производство, применимые процедуры и временные ограничения в основном зависят от национального законодательства и юрисдикции страны, в которой испрашивается исполнение

[1] Research Results Supported by the Chey Institute International Scholar Exchange Fellowship program 2019-2020

арбитражного решения. В данной работе проблемы принудительного исполнения иностранных арбитражных решений анализируются на основе практики Монголии.

Ключевые слова: *Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., арбитражное разбирательство, исполнение арбитражных решений в иностранном государстве, обязательность исполнения арбитражных решений, национальное законодательство*

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF ENFORCEMENT CASE

In practice, attempts of winning investors to enforce their awards in the territory of other contracting states can show clearly the mentioned problem of enforcement. This problem had been confined to the enforcement abroad of awards rendered in Mongolia. First gives a brief description of the facts of the case and decision in the case, then examines some controversial issues in the case.

1) Korean Hana bank vs Mongolian Zoos bank

This case is first and a quite big amount dispute between Korea and Mongolia has resolved in the Korean Commercial Arbitration Board in 2010. A case that challenged enforcement of Korean Arbitral Awards on the joint respondent to the civil case and conducted several court proceedings.

Due to difficulties related to the residence of the respondent the court proceeding is taking a long period and is yet to be decided by the court. Therefore, it is considerable time for Mongolia to review it and take measures to improve it.

Facts of the case

The Investor Hana bank and Owner M&G Construction LLC have entered into a Bond subscription agreement (the BSA) in connection with the issuance of Korean Won 20 Billion Bonds for the purpose of financing the construction, sale/lease and management of Golden Vill apartments that includes 160 apartments at five different complexes on the land of approximately 10,000.000 m/2 in the aggregate project in Mongolia dated July 28, 2007, until August 11, 2009.

In concurrently with the execution of the BSA, the Claimant, the Respondent, M&G and/or other parties also entered into various agreements, including the Loan Commitment Agreement[1] (the LCA), the Account and Cash

[1] *Loan Commitment Agreement:* Under the terms of the LCA, the Respondent extended to the Borrower a term loan (First Loan) in the principal amount of US$4,000,000 on the execution date of the Bond Subscription Agreement. Pursuant to Section 2.3 of LCA, the Respondent was required to extend a second loan (Second Loan) to the Borrower in an amount not less than 70 % or more of the total value of the Project that remain unsold as of the date failing one month prior to the Maturity Date of the Bond if the Borrower failed to redeem any outstanding principal amount of the Bond by Maturity Date for any reason. Section 8.1 of the LCA expressly provides that the Respondent's claims for repayment of the First Loan and Second loan are subordinate to the Claimant's claims (i.e., the Claimant has priority over the Respondent in any and all proceeds from the Project).

Management Agreement[1] (the ACMA) and the Account Pledge Agreement[2] (the APA). It is made by and between:

1. *"Bond Subscription Agreement"* (hereinafter referred to as Bond Agreement where the Zoos bank is participated as "Guarantor B" with:

a) "M&G Construction" LLC (Bond Issuer)

b) "Shareholders of "M&G" (Guarantor A)

c) "Plus Asset Management" (Trust Asset Manager)

d) "Hana Bank" (Bondholder or Investor) a bank incorporated under the laws of Korea

2. *"Account and Cash Management Agreement" and Account Pledge Agreement"* (hereinafter referred to as "Management Agreement" and "Pledge Agreement"), where the Zoos bank is participated as "Cash Management Bank" with:

a) "M&G Construction" LLC (Borrower)

b) "Hana bank" (Investor)

3. *"Loan Commitment Agreement"* (hereinafter referred to as "Management Agreement" and "Pledge Agreement"), where the Zoos bank is participated as "Subordinate Investor" with:

a) "Hana bank" (Senior investor)

b) "Namhung" LLC (Guarantor)

c) "M&G" Construction" LLC (Borrower)

The case arises out of a dispute involving the Claimant's claim of breach of the LCA, the ACMA and the APA by the Respondent arising out of alleged wrongful withdrawal of the cash deposits held in M&G's bank account maintained with the Respondent in breach of the obligations of the Respondent

[1] *Account and Cash Management Agreement:* Under the ACMA, the Respondent was appointed as the Respondent was appointed as the cash management account and a sale/lease revenue management account (collectively, the "Management Account" at the Respondent bank. The ACMA, specifically, the first paragraph of Section 5 of ACMA, prohibited the Respondent, as the cash management bank, from withdrawing any proceeds from the Management Accounts without first having obtained the written instructions of the Borrower and obtaining the prior written consent of the Claimant. Furthermore, Section 3.5 of ACMA provides that the Respondent Bank has no right of set-off, lien or counterclaim with respect to any of the Transaction Documents as (defined in the Bond Subscription Agreement) against amounts held in the Management Accounts.

[2] *Account Pledge Agreement*: Under the terms of the APA, Under Section 2.1, the Borrower granted to the Claimant a first priority pledge of all of the Borrower's right, title and interest in and to the Management Accounts, as well as a first priority security interest in any and all branches, credits, deposits, monies and any interests accrued or payable thereon and the proceeds thereof on the Management Accounts. In addition to the aforementioned contracts, the Claimant contracts, the Claimant, the Borrower and/or Namhung Construction Co, Ltd (Namhung), a company duly established under the law of Republic of Korea, entered into among others, the Mortgage Agreement, the Construction and Sub-Construction Agreement. Under Section 1 of the Construction and Sub-Construction Agreement, Namhung guaranteed the completion of the Project in favor of the Claimant.

under the LCA, the ACMA, and the APA. The Respondent M&G Construcion LLC had breached the LCA, the ACMA, and /or the APA.

Plaintiff's Claim

Case 1: Hana Bank vM&G Construction LLC.

Therefore, the Claimant filed a Statement of Claim with Mongolian court in reliance upon Section 2.3. of the ACMA and Section 8.1 of the LCA in the unpaid principal of corporate loan in the amount of KRW 15,521,585,030.

Case 2: Hana Bank v Zoos bank

The Claimant filed a Statement of Claim with Korean Commercial Arbitration Board (the KCAB) in reliance upon Section 14 of the ACMA and Section 13 of the LCA seeking US$ 5,715,650 plus interest and costs from the Respondent.

Case 3: Hana Bank v Namhung Construction Co., LTD.

The Claimant filed a Statement of Claim with Korean Commercial Arbitration Board (the KCAB) in reliance upon Section 14 of the ACMA and Section 13 of the LCA seeking 11,054.000.000 KRW plus interest and costs from the Respondent.

The Mongolian court decision and Korean arbitral award

Case 1: Hana Bank vs M&G Construction LLC[1]

The Plaintiff's final appeal is dismissed in Mongolian court.

Case 2: Hana bank vs Zoos bank[2]

The respondent shall pay the Claimant US$5,715.650 (Five Million Seven Hundred Fifteen Thousand Five Hundred Sixty USDollars), plus interest thereon accruing at the rate of 6% per annum from August 6, 2009, to January 22, 2010, and at the rate of 20% per annum from the date immediately following the date of the Final Award to the date of actual payment of such sum by the Respondent to the Claimant under this Final Award.

Case 3: Hana bank vs Namhung Construction Co., LTD[3]

The respondent shall pay the Claimant 11,054.000.000 KRW, plus interest thereon accruing at the rate of 6% per annum and the rate of 20% per annum from the date immediately following the date of the Final Award to the date of actual payment of such sum by the Respondent to the Claimant under this Final Award.

Relevant facts

Case 2: Hana bank vs Zoos bank

[1] *See* more details, Mongolian Civil Supreme Court, Decision № 554 rendered on 2015, July 03; Also, can see more details, Mongolian Civil Appeal Court, Decision № 337, rendered on 2015, March 25; Civil District court, Decision № 322/b rendered on 2014,October 29.

[2] *See* more details, Korean Commercial Arbitration Board, Arbitral Award, Arbitration Case № 09111-0178, rendered on 2018, August 18.

[3] *See* more details, Korean Commercial Arbitration Board, Arbitral Award, Arbitration Case № 09113-0024, rendered on 2010, January 22.

As described more in detail this case between Zoos bank and Hana bank. The Investor, the Owner, and Zoos bank of Mongolia entered into an ACMA on or about the date of this Agreement to manage the bank accounts opened for management of the construction funds and revenues from the sales/lease of apartments under the Project. The Respondent Zoos bank had breached the ACMA.

Also, the Investor wishes to ensure timely completion of the Project and a one year of warranty of the apartments constructed under the Project and have entered into the Bond Subscription Agreement in reliance on Namhung's undertaking in this Agreement to complete the Project as the Guarantor. It noted that, the Hana bank KRW 11,054,000,000 which was received from Namhung Co., LTD based on Korean Arbitral Award.

Under Section 3.1 of the ACMA, the Borrower opened and established a sale/lease revenue management account, as one of the Management Accounts, at the Respondent Bank (account 240014708, the "Account in Concern"). As of December 2008, the amount deposited in the Account in Concern exceeded US$5,700.00.

On December 29, 2008, the Respondent, without the prior written consent of the Claimant, who holds the priority rights under the Bond pursuant to Section 8.1 of the LCA, and in direct breach of the intent and spirit of the Transaction Documents, withdrew US$5,715,560 (the illegally Withdrawn Amounts) from the Account in Concern and thereafter exchanged such amounts into Mongolian currency Tugriks.

The grounds of the Arbitration

a) Breaches of the ACMA and Wrongful Conduct:

In accordance with the first paragraph of Section 5 of the ACMA, the Respondent is authorized to withdraw certain from the Management Accounts as instructed by M&G and only upon the prior written consent of the Claimant. Respondent breached the terms of the ACMA and its obligation as the cash management bank and a fiduciary the illegally Withdrawn Amounts without the prior written consent or even knowledge of the Claimant.

By withdrawing the illegally Withdrawn Amounts and redeeming the First Loan with the illegally Withdrawn Amounts without the prior written consent of the Claimant, the Respondent breached the express terms of Section 3.5, Section 4 and Section 5 of the ACMA and it constitutes wrongful conduct violating the fiduciary duty of the Respondent as the cash management bank.

Section 9.1 of the APA provides that it shall be governed by and construed in accordance with the laws of Korea. According to Section 349 of Korean Civil Law, a pledge over a debenture in nominative form may not have an effect against a third party who is the debtor of the debenture unless the third has been notified of the pledge or he/she has given consent thereto. The APA was entered into among the Borrower, as a pledgor, the Claimant, as a pledgee, and the Respondent, as the third party debtor of the deposits in the Account Concern. Therefore, the APA affects the Respondent, which, as a third party

debtor, has given consent to the pledge created under the APA by executing the APA as one of the parties of the APA.

Stated Article 352 of Korean Civil Law provides that without the consent of a pledgee, a pledgor may not extinguish the debenture under pledge, nor make changes detrimental to the rights of the pledgee. Also, Article 161.1 of Korean Civil Law provides that a pledge over a claim may a created if such a claim is negotiable and once a pledge is created, the pledgee has priority right to redeem his/her claims pledged collateral under Section 153.1 therefore.

Accordingly, the Respondent's withdrawal of the illegally Withdrawn Amounts without the prior written consent of the Claimant who is pledgee over the pledged Account in Concern, is an action detrimental to the right of the pledgee, which violates Section 352 of the Korean Civil Law.

b) Breach of the LCA:

As expressly outlined in Sections 8.1.1, 8.1.2, and 8.13 of the LCA the Respondent agreed, as a second priority investor, that its claims for repayment are subordinate to the Claimant's claims under the Bond. By their terms, the Respondent's rights to any repayment on the First Loan were subject and subordinate to the rights of the Claimant's first and senior priority rights to receive any and all payments from Borrower until all claims related to the Bond are fully and completely redeemed in favor of the Claimant. Under Section 8.1.2 of the LCA, the Respondent expressly covenanted not to withdraw any funds from the Management Accounts for the payment of its loan. Thus, the Respondent breached the terms of the LCA by diverting funds from the Management Accounts to redeem or recover its claims prior to the full redemption and satisfaction of the Borrower's obligations to the Claimant under the Bond.

c) Breach of Fiduciary Duty:

As an account management bank, the Respondent has a fiduciary duty to the Claimant to manage the Account in Concern with due diligence and good faith under Article 681 of the Korean Civil Law. The Respondent has breached its fiduciary duty by withdrawing the illegally Withdrawn Amounts from the Account in Concern, which provides that any person who causes losses to or inflicts injures on another person by an unlawful act, willfully or negligently, shall be bound to make compensation for damages arising therefrom. Therefore, the Claimant requests that the Respondent shall make compensation for damages arising from the unlawful act of withdrawing the illegally Withdrawn Accounts. Section 54 of the Korean Law Act, Respondent must pay the delayed interest on the illegally Withdrawn Amounts as a rate of 6% per annum from the date of service of this Statement of Claim until fully repaid.

Respondents allege

The Respondent has argued that this case is subject to the mandatory application of certain Mongolian law.

Analysis of the case

a) The arbitral clause cannot be held invalid under Mongolian Law:

In the case between Hana bank of Korea and Zoos bank of Mongolia, each of the parties registered in different countries. It is common knowledge that Zoos bank is a commercial bank, organized under the laws of Mongolia. Freedom of contract has been accepted by the contract law with the limitation set forth on Civil Law[1]. By this regulation, parties of agreement have completely right to define the content of the agreement. The Civil Law of Mongolia sets forth the general principles of Contract Law applicable to the contractual practice of commercial banks and financial institutions and contains the provisions on various types of contracts and transactions.

The ACMA, APA, and LCA are just existing international commercial banking transactions to which Zoos bank is a party. Due to one of the party is Mongolian entity, laws of Mongolia is relevant legislation to these agreements. But Section 9.1 of APA, Article 12 of LCA and Section ACMA indicates that except for provisions or matters of these agreements in respect of which the application of the laws of Mongolia is mandatory, these three agreements shall be governed and construed in accordance with the laws of Korea. Therefore, according to agreements, governing law of the APA, LCA, and ACMA is the laws of Korea.

Zoos bank is not obligated to comply with the laws of Mongolia concerning the banking activities on the Banks and the Civil Law of Mongolia. It is quite certain that the provisions of the ACMA, the APA, pursuant to which Zoos bank is obliged to obtain prior consent from Hana Bank for allowing or processing the withdrawal and remit of monies from the account of M&G Construction, do not violate including Articles 445.4[2] and 445.5[3] of the Civil Law and Article 16.1, of the Banking law, it is prohibited for a bank to provide to one person or related person loans, loan equivalent assets, loan equivalent assets, guarantees and indemnities which exceeds in total value, 20 percent of the owner's equity of the bank. These Articles of the Mongolian Law are not directly regulating this matter. Because the content of these agreements is not the same as the Payment contract stated in Article 445 of the Civil Law of Mongolia.

I found as same Tribunal that the governing law of this case should be the laws of Korea and that even if Mongolian law were to apply as argued by the

[1] Article 548.1 of the Mongolian Civil Law states that: 548.1. Respective laws shall be observed in recognizing transactions lawful and defining the validity of transactions being made, as a whole or one of its provision [3]. Also see Art.548.3 of the Mongolian Civil Law states that: If the parties to the transaction live in different countries and the agreed to follow the law of one country governing the form of transaction while signing one, it shall be deemed valid [3].

[2] Art 445.4 of the Mongolian Civil Law stated that: The office of payment shall execute a money settlement on the customer’s instruction and with consent in accordance to the payment contract [3].

[3] Art 445.5 of the Mongolian Civil Law stated that: The office of payment shall not limit the customer’s right to dispose the financial assets deposited on an account unless specified otherwise by law [3].

Respondent, the outcome of this case would not be any different from the outcome resulting from the application of Korean law.

b) Arbitrarily:

This a dispute arising from the illegal withdrawal of funds from the Account in concern in direct breach of ACMA and APA, which have no direct relationship with Civil Procedure Law and Arbitration Law of Mongolia. Under Paragraph 1.2 of Article 190 of the Civil Procedure Law, a Mongolian court considers the following categories of Civil Law disputes:

1) The re-organizations and liquidation of legal persons who have the place of business on the territory of Mongolia;

2) Decisions passed by legal persons which have the place of business on the territory of Mongolia or by subsidiaries and/or representative offices of such a legal person.

But Article 190.1.2 of the Civil Procedure Law and Arbitration Law provided that arbitration bodies can consider all kinds of Civil Law disputes which may arise between the foreign and Mongolian nationals or parties as well as between Mongolian nationals themselves pursuant to Article 13.2 of the Civil Procedure Law. In consequence, Article 13.2 of the Civil Procedure Law provides that "… on cases, provided for by law or international treaty, disputes may, with the agreement of parties, be referred to a court of arbitration" [2].

In this connection, it should be noted that the Arbitration Law does not pose any condition with respect to the character of the dispute. Arbitrarily is defined in very general terms: "any dispute involving and non -property relationships may be the subject matter of arbitration under Articles 1 and 6 of the Arbitration Law" [1]. The Arbitration Law applies to any disputes, whether or not concerning international commerce, whether or not civil or commercial, on the sole condition that it concerns property issues and rests on arbitration agreement concluded by two or more parties of which all parties may be either Mongolian national or foreign nationals.

In respect of the arbitration case between Hana bank and Zoos bank, the dispute is related to the illegal withdrawing from the Management Accounts and is irrelevant to any resolution of the board of directors or decisions of the executive director of Zoos bank. Consequently, the illegal withdrawing by the Respondent is in breach of the ACMA and this kind of dispute is a Contract Law issue.

Therefore, a dispute between Hana bank and Zoos bank does not fall within the jurisdiction of a Mongolian court under Paragraph 1.2 of Article 190 of the Civil Procedure Law since the Civil Procedure Law confers on the arbitration bodies to consider the Civil Law disputes which the parties to the dispute in question have agreed to refer to arbitration.

In this case, in my opinion, that Section 14 of ACMA's right to settled by arbitration in the Korean Commercial Arbitration Board.

c) Korean Arbitral Awards differences between *Hana bank v Zoos bank and Hana bank Namhung Construction Co., LTD*

The Mongolian court needs to consider on Korean Arbitration Amount. Based on the Korean Arbitration Award the Plaintiff should receive the Arbitral award amount from Zoos Bank as it won the arbitration case against Zoos Bank filed by Plaintiff; therefore, such amount can be deducted. However, if such arbitral award amount is deducted even when this case and the lawsuit filed against Zoos Bank are not the same cases, only based on the fact that Plaintiff won the arbitration against Zoos Bank, such judgment breaches the laws of Mongolia.

Article 65.1.6 of the Civil Procedure Law of Mongolia provides that list of causes which could dismiss the Plaintiff's claims: Civil Procedure Law of Mongolia states that: A judge shall refuse to accept a claim in following situations: "There is a decision of a Court or arbitration with full legal effect, made on the subject-matter mentioned in the claim and guilt of the litigants or a decision of a Court or arbitration with full legal effect to refuse to accept the claim or to dismiss the case" [3]. A decision of a court or arbitration with the full legal effect provided under Article 65.1.6 of the Civil Procedure Law of Mongolia refers to the same case regarding the same parties. It prohibits the double action of the same cases because it wastes the time, effort, and expenses of courts, and parties and judgments may contradict each other.

However, this case and the arbitration case against Zoos Bank filed by Plaintiff are not the same cases regarding the same parties. This case is regarding the claim of repayment of principal of the corporate loan as the repayment date has arrived pursuant to the Bond Subscription Agreement dated July 28, 2007, entered into between Plaintiff and Defendant. The Arbitral award given to Plaintiff and Zoos Bank is regarding the claim of damages as Zoos Bank made the breach of the agreement entered into between Plaintiff and Zoos Bank.

This case and the Arbitral award is given to Plaintiff and Zoos Bank are regarding different parties and different claims and there is no possibility of the contradiction of this case and the arbitral award given to Plaintiff and Zoos Bank based on Article 65.1.6 of the Civil Procedure Code of Mongolia cannot be applied to this case.

Therefore, the Mongolian court cannot dismiss the claim made by Plaintiff against Defendant only based on the fact that the Arbitral award was given to Plaintiff and Zoos Bank. Further, the arbitral award amount acknowledged by the arbitral award given to Plaintiff and Zoos Bank shall not be deducted.

On the other hand, Article 120.4 of the Civil Procedure Code of Mongolia provides that the same lawsuit cannot be filed by the legal successors; however, this provision also applies to the same lawsuit and therefore this provision cannot apply to this case. This Article states that: "Litigants, other persons taking part in the case, or legal successors shall not have the right to re-file the claim on disputes already resolved by a Court or to the dispute in any other civil case proceedings the facts and legal relations already established by a Court" [2].

So, if Korean Arbitral award which is effective and a final decision regarding the illegally withdrawn money states that Zoos Bank shall be responsible for the repayment of the (b) amounts, Mongolian courts tend to conclude that this issue has already been resolved by arbitration before M&G is not responsible for such amounts, consequently deducting such amounts from total obligation (amount (a) owned by M&G to Hana Bank.

Further, Article 37.5 of the Arbitration Law of Mongolia states that once the Arbitral award becomes effective, the parties of such arbitral award or legal successors shall neither file a lawsuit at a court nor apply for the arbitration at the arbitration board. However, this provision is also restricted to that particular dispute; therefore, if the parties are different or the claim of such a case is different from the arbitral claim, this provision is not applicable.

Also of Mongolia states that Arbitral award regarding a dispute shall be final and binding upon the parties and the parties shall not bring a lawsuit regarding that dispute to another court or arbitration: “After an arbitration award comes into force, the parties or inheritors thereof shall not be entitled to bring a lawsuit to a court or arbitration on that particular dispute“ [1].

CONCLUSIONS.

However, the provisions of the Convention cannot be interpreted and applied uniformly by all the contracting states, and the national laws and national court systems have to define the terms and interpret the concepts in relation to the grounds for the refusal to enforce a foreign arbitral award.

In such cases, the system needs a mechanism for protection of such foreign parties from the abuse by local courts when it comes to the ability of the parties to engage in fair commercial arbitration proceedings. Therefore, although not initially established as an appeal mechanism, international investment arbitration needs to be able to function as a supervisory power over domestic courts' conduct. However, this supervisory power should be applied cautiously, to be used only in cases where the interference of local courts is extreme, or the right to arbitration has been refused to private parties in an illegal manner.

I am familiar with the situation in Mongolia, now time to think that, in such situations, the court would carefully examine to consider an effective enforcement award.

Literature:

1. Arbitration Law of Mongolia.
2. Civil Procedure Code of Mongolia.
3. Mongolian Civil Law.

С. Должин, доцент юридического факультета Монгольского национального университета, Улан-Батор, Монголия

S. Doljin, Associate Professor Law School of Mongolian National University, Ulanbaatar, Mongolia

УДК 9 (517.3) ***© Zhang Tonghui***

Deng Xiaoping and Normalization of Sino-Soviet Relations

After the "Cultural Revolution" ended, Deng Xiaoping made new judgments on world peace and peace issues and decided to change the overall diplomatic strategy. After straightening out the Sino-US relations, he proposed to ease and improve Sino-Soviet relations. After 10 years of effort, the normalization of Sino-Soviet relations has finally been achieved.

Keywords: *Deng Xiaoping, Sino-Soviet relations, oreign policy of the PRC, the consequences of the "Cultural Revolution", the normalization of bilateral relations*

© Чжан Тунхуэй

Дэн Сяопин и нормализация китайско-советских отношений

После окончания «Культурной революции» Дэн Сяопин предложил новые решения по вопросам мира и мира и инициировал изменение общей внешнеполитический стратегии КНР. После установления китайско-американских отношений он предложил облегчить и улучшить китайско-советские отношения. После 10 лет усилий нормализация китайско-советских отношений была наконец достигнута.

Ключевые слова: *Дэн Сяопин, китайско-советские отношения, внешняя политика КНР, последствия «Культурной революции», нормализация двусторонних отношений*

Under the bipolar pattern of confrontation between the East and the West in the 20th century, normalizing relations between the two largest socialist countries in the world is very important for both countries and the socialist camps. Sino-Soviet relations have deteriorated for 30 years. Eventually, after the Soviet Union Gorbachev came to power, with the diplomatic efforts of both sides, China-Soviet relations were normalized.

In the early 1980s, Deng Xiaoping emphasized three conditions for normalizing Sino-Soviet relations in the plenary: first, the Soviet Union must withdraw troops from Afghanistan; second, the Soviet army must withdraw from the northeast border of China; the third is to give up support for Vietnam's aggression against Cambodia. On September 2, 1986, Deng Xiaoping was interviewed by American journalist Mike Wallace. During the interview, Deng Xiaoping repeatedly answered questions about the normalization of Sino-Soviet relations. When Wallace asked if he was willing to meet with Soviet Supreme Leader Gorbachev, Deng Xiaoping replied: If Gorbachev is removing the three major obstacles between China and the Soviet Union, especially in promoting Vietnam to stop invading Cambodia I am willing to meet him on a solid step towards the withdrawal of Cambodian troops. Vietnam's invasion of Cambodia seriously threatens the strategic security of southern China. If this issue is not resolved, national border security will not be guaranteed, and the external environment for national modernization will also be greatly affected.

After the end of the Vietnam War in the 1970s, the U.S. troops evacuated completely, and the Soviet Union took this opportunity to fill the vacuum. Deng Xiaoping relied on years of diplomatic experience and knowledge of international issues. He commented that the essence of the Soviet Union was to take this opportunity to replace the United States as a global hegemony, while Vietnam wanted to dominate the regional order in Southeast Asia. Vietnam provided US military base Cam Ranh Bay to the Soviet Navy for use, which allowed Soviet warships to freely move in and out of the Indian Ocean and the Pacific; the Soviet Union provided Vietnam with the necessary technical and financial support. The political cooperation between the Soviet Union and Vietnam is obvious and threatens China's national security. Therefore, asking Vietnam to stop invading Cambodia has become one of the core issues in the normalization of Sino-Soviet relations.

Deng Xiaoping mentioned that if the Soviet Union can help Vietnam withdraw its troops from Cambodia; this will remove the main obstacle to Sino-Soviet relations. Let me say again that Vietnam’s invasion of Cambodia is a major obstacle to Sino-Soviet relations. Vietnam’s military presence in Cambodia is also a hot issue in Sino-Soviet relations. As long as this problem is resolved, I am willing to meet Gorbachev. I can tell you that I am not too young now. After eighty-two, I have already completed the historical mission of going abroad. I am determined not to go abroad. But if this obstacle is removed, I would like to make an exception to meet Gorbachev anywhere in the Soviet Union. I believe that such views are meaningful in the face of improving Sino-Soviet relations and normalizing Sino-Soviet relations. Deng Xiaoping had long foreseen that the expansionist doctrine of the Soviet Union had stretched his hands too far, and there would always be a day beyond his reach. Eventually, foreign policy adjustments would also need to be made.

Deng Xiaoping knew the Soviet Union very well. He had a deep understanding of the Soviet Union throughout his life, no matter during his youth, during the revolution, or after the founding of New China. Deng Xiaoping studied at Sun Yat-sen University in Moscow in the early years, and later personally participated in the debate with the Soviet Union when Sino-Soviet relations deteriorated. He said: From the first Moscow talks in 1957 to the first half of the 1960s, Sino-Soviet parties started a fierce debate. I was one of the parties to that argument and played a not insignificant role. In the early 1960s, Deng Xiaoping was responsible for drafting the open letter of the Nine Commentary Committee of the Communist Party of China by the Chinese government. In 1963, Deng Xiaoping went to Moscow, Russia, and held talks with the CPC Central Committee on behalf of the CPC Central Committee. Deng Xiaoping has laid an important foundation for the improvement of China's relations with the Soviet Union two times. First, after the Sino-Vietnamese border self-defense counterattack, he offered to improve relations with the Soviet Union. Second, when the Romanian leader visited China in 1985, Deng Xiaoping proposed to the Soviet Union. At the highest level, it conveys China's attitude. China hopes to seek to normalize relations between the two countries and lists

three prerequisites. Regarding Vietnam's withdrawal from Cambodia, China has not made any compromises. Negotiations between Chinese and Soviet diplomats continued until February 1989 when the two sides reached an agreement. At this point, Sino-Soviet relations are on the way to normalization, and the relationship between the two countries has entered a new period.

While normalizing Sino-Soviet relations, Deng Xiaoping needs to actively communicate with the United States to ensure that the normalization of Sino-Soviet relations will not affect the improvement of Sino-US relations. He believes that China's observation of state relations is not about social systems. Sino-US relations are determined by the specific circumstances of China-US relations. Sino-Soviet relations are determined by the specific situation of China-Soviet relations. On February 26, 1982, US President George Bush came to China for a short visit. Deng Xiaoping held talks with President Bush. During the talks, Deng Xiaoping told President Bush that the normalization of relations between China and the Soviet Union will never affect the current Sino-US relations. The normalization of Sino-Soviet relations is to modernize the country and ensure the absolute security of China's external environment. Deng Xiaoping emphasized that China currently needs the help of the United States, which is in China's strategic interests, and China will never harm the interests of the United States.

In the end, the Soviet Union unconditionally accepted the three conditions put forward by China. Gorbachev then decided to go to China to meet with Deng Xiaoping, and China sent an invitation to Gorbachev to visit China. Promoting the restoration of Sino-Soviet relations is a successful practice of Deng Xiaoping's diplomatic thoughts and an important event in Deng Xiaoping's personal life. On May 16, 1989, Deng Xiaoping held a meeting with Gorbachev, and the Foreign Minister of the People's Republic of China Qian Qichen also attended the meeting. Deng Xiaoping said he was very glad to meet Gorbachev and affirmed the decision made by the Soviet Union to normalize relations between the two countries. Deng Xiaoping said: The Chinese people sincerely hope that Sino-Soviet relations can be improved. I propose to take this opportunity to announce the normalization of Sino-Soviet relations from now on. Deng Xiaoping first recalled the history of relations between the two countries and mentioned: "The purpose of our meeting is eight words: ending the past and opening up the future. He talked about the Soviet Union's help to China's early industrialization after the founding of New China, the Chinese government, and the Chinese people. We will never forget the Soviet Union’s support for a nascent regime. Secondly, we also talked about the ideological dispute between China and the Soviet Union. Deng Xiaoping emphasized that this was caused by the Soviet Union's failure to treat China equally. Finally, Deng Xiaoping said: The two countries have more contacts when we get up, the exchanges after the normalization of relations will have great development regardless of depth and breadth. In terms of development exchanges, I have an important suggestion: do more practical things and talk less empty words. At the end of

the talks, the leaders of China and the Soviet Union stated that China should continue to look forward and develop in a better direction.

At this point, China made major breakthroughs in its foreign relations in the 1980s, and the two socialist powers that once went hostile have finally normalized their relations. The implementation of China's national development strategy centered on economic construction and the implementation of China's policy of opening up have a more relaxed international environment.

Zhang Tonghui, PhD, Associate Professor, School of Marxism, China University of Political Science and Law, Beijing, China, zhangjh171@foxmail.com

Чжан Тунхуэй, PhD, доцент, Школа марксизма, Китайский университет политических исследований и права, Пекин, Китай, zhangjh171@foxmail.com

УДК 327 (510) ***© Wei Ling***

Продвижение глобального управления и углубление китайско-российских отношений

China and Russia are the two largest emerging economies in the world. They have a strong sense of participation in global governance issues and have similar value judgments in major international affairs. The two countries are partnering and non-aligned, and carry out all-round cooperation based on a high degree of political mutual trust. They jointly work to meet the challenges of global issues and have accumulated rich experience in improving the global governance system. Bilateral relations have also deepened in cooperation.

Keywords: *Global Governance, Sino-Russian Relations, SCO, Partnership without Alliance*

© Вэй Лин

Promoting Global Governance and Deepening Sino-Russian Relations

Китай и Россия являются двумя крупнейшими развивающимися экономиками в мире. При этом им свойственно глубокое чувство участия в вопросах глобального управления, к тому же эти державы имеют схожие ценностные суждения в основных международных вопросах. Обе страны являются партнерами по решению ряда важнейших международных задач и осуществляют всестороннее сотрудничество на основе высокой степени политического взаимного доверия. Они совместно работают над решением глобальных проблем и накопили богатый опыт в совершенствовании глобальной системы управления. Их двусторонние отношения постоянно расширяются в разных направлениях взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: *глобальное управление, китайско-российские отношения, ШОС, партнерство без альянса*

1. The reform of the global governance system is imperative

The world is accelerating the modernization process under the impetus of globalization. At the same time as countries enjoy the wealth growth brought about by this process, many difficult global issues also follow. Traditional security issues and non-traditional security threats have brought many problems to world peace and development. Ecological issues, refugee issues, population expansion, energy shortages, the spread of mutated diseases, threats of international terrorism, financial crisis, and cybersecurity threats. After the outbreak of the world financial crisis in 2008, governance issues were fully exposed. In the face of a series of difficult governance issues, the flaws of the western countries' systems have been exposed. The western-designed governance models have been unable to resolve the many existing contradictions in the international community and cannot resolve the global crisis. President Putin said, "Many past methods of global governance and methods of eliminating conflicts

and contradictions are no longer applicable and often fail, and new methods have not yet been worked out" [2].

Reforming the global governance system is imperative. Due to the uneven development of the world economy, the international power balance has undergone profound changes. The rapid development of emerging market countries and a large number of developing countries and their increasing international influence have become the most revolutionary changes in the comparison of international power since modern times. Global governance frameworks and rules need to reflect changes in the world landscape, taking into account the interests of emerging market countries that are growing rapidly. Therefore, to promote the reform of the global governance system, a series of international organizations 'systems must increase the voice of emerging market countries and developing countries, and promote the democratization and rule-of-law construction of global governance rules, so that the global governance system can reflect the majority of countries' willingness and benefits.

China and Russia, as the two largest emerging economies in the world, have a strong sense of participation and leadership in global governance issues. The political and strategic mutual trust between the two countries is solid and solid. Cooperation in various fields is continuously deepening. The interests of the two countries have been deeply integrated, and "China-Russia harmony" has been issued in international affairs and global governance.

2. China and Russia coordinate and cooperate to participate in global governance

2019 is the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia. With the joint efforts of both sides, Russia-China relations have reached an unprecedented high level, and all-round cooperation has been fruitful. Russia-China has established a truly comprehensive strategic cooperative partnership. Putin once stated that Russia and China have unanimous positions on many international issues, and this is a stable factor in international affairs now and in the future. China and Russia support each other and cooperate closely in international affairs. Cooperation in the field of global governance involves many levels:

First, China and Russia maintain the authority of the United Nations. China and Russia are the two permanent members of the United Nations Security Council. The two countries maintain coordination within the framework of the United Nations and play an important role in opposing war and maintaining world peace. China has always advocated maintaining the authority of the United Nations and supporting the United Nations to play an active role in international affairs. Russia also believes that the United Nations is still the center of the international system and that improving its authority and efficiency is a common task for all. "Both Russia and China see the United Nations as a central link in the global governance system. Both countries support the reform of the UN Security Council, and both insist that the UN Security Council resolutions have the supreme authority in regulating conflict and maintaining peace"

[4, p. 150]. On the issue, China and Russia have similar positions and work together to address major international issues. For example, on issues such as the Korean Peninsula, the Iranian nuclear crisis, and Syria, China and Russia have jointly resisted the intention of the United States and other Western countries to interfere in sovereign states.

Second, China and Russia advocate advancing world multipolarization. In 1997, the two countries issued the "Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on World Multipolarization and the Establishment of a New International Order"[1], indicating that the two countries will work hard to promote the development of world multipolarization and the establishment of a new international order. The two countries believe that the international relations at the end of the 20th century have undergone profound changes in the disappearance of the bipolar system, the world's multipolarization has accelerated, and the political, economic, and cultural development of various countries has been diversified. World multipolarity is in the fundamental interest of Russia today. In Russian diplomacy, Russia's position as an important pole in the multipolar world will be maintained, and the policy of continuing to promote world multipolarity will not change. China is also actively participating in and promoting multipolarity in the world. President Xi has stated many times that he is firmly opposed to unilateralism and safeguards multilateralism and world multipolarization.

Third, condemn terrorism in all its forms. Against double standards in the United States. China and Russia call on the international community to form a unified counter-terrorism alliance and strengthen cooperation in the fight against terrorism within the framework of the United Nations. They condemn interference in the internal affairs of other countries in the fight against international terrorism. Both China and Russia are facing the threat of terrorism, and both have rich experience in combating terrorist organizations. In the fight against terrorism and extremism, the two countries have cooperated, exchanged information, and conducted joint exercises. In October 2019, the Chinese Armed Police Force and the Russian National Guard held a "Cooperation-2019" joint counter-terrorism exercise, which aims to enhance the anti-terrorism combat capabilities of both sides, deepen exchanges and mutual learning, and work together to eliminate the threat of terrorism and maintain regional security governance.

Fourth, the perceptions of global governance systems and participation in global governance are similar. Both China and Russia believe that global governance rules are dominated by Western countries, and governance models are based on the development needs of developed countries. Titarenko, an academician of the Russian Academy of Sciences, said that China and Russia "both consider global governance to be a Western concept, and Western countries use

[1] Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on World Multipolarization and the Establishment of a New International Order (2005, June 30). – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3660

this concept for their self-interest consideration" [4, p. 148]. Existing international rules serve the interests of powerful nations. "So Russia and China participate in the activities of international organizations to defend their respective national interests" [4, p. 148]. China actively promotes the establishment of a new pattern of global governance aimed at solving the failure of global governance methods, the problem of lagging governance ideas, and insufficient governance capacity. Russian Foreign Minister Lavrov also stated at the 7th Moscow International Security Conference that the current zero-sum game around the world is continuing, and a series of "destructive" unilateral actions by the United States and Western countries have led to an imbalance in global governance mechanisms [5]. At present, Russia and China maintain a high degree of political mutual trust and have similar positions in major international affairs. Russia can become China's important partner in global governance and work together in the United Nations and other important international organizations.

Fifth, strengthen the cooperation mechanism between the SCO and the BRICS countries and improve laws and regulations. The establishment of the Shanghai Cooperation Organization is an important symbol of China and Russia's joint participation in global governance. Since the establishment of the Shanghai Cooperation Organization, it has carried forward the "Shanghai Spirit" of mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, and common development, and has become a platform for the two countries to work together to build a new type of international relations. China and Russia closely coordinate and cooperate and participate extensively in international and regional affairs. President Xi highly praised the role of China and Russia in the Shanghai Cooperation Organization. For many years, security cooperation and economic cooperation have been the two main areas of work of the SCO and the two wheels that have pushed the organization forward. In the field of security, the SCO adheres to the concept of security first, severely cracks down on the "three forces," and improves the anti-terrorism cooperation mechanism. The SCO has issued laws and regulations on the exchange of information among member states, providing legal guarantees for information sharing, and effectively improving the ability of member states to jointly combat terrorist forces. In the economic field, the SCO has signed a series of relevant documents to promote cooperation among member states in areas of common interest such as trade, finance, investment, agriculture, customs, and promote the opening and exchange of regional economies. In December 2019, Chinese and Russian leaders connected to the video to witness the natural gas pipelines on the Eastern Line of China and Russia being put into production and ventilated. China and Russia have started substantial energy strategic cooperation.

The BRICS cooperation mechanism is conducive to improving global economic governance. The BRICS cooperation mechanism is an important platform for China and Russia to cooperate and participate in global governance, and its international influence is also increasing day by day. All five countries are important members of the Group of Twenty. The establishment of the BRICS Development Bank not only enhances the BRICS countries' right to speak in the

international financial field but also helps to improve global governance and promote the establishment of a more just and inclusive international economy and finance order. In the process of global governance, the BRICS countries are shifting from passive to active participation. As an important force in international relations and the builder of the international system, the BRICS nations have improved the overall representation and voice of developing countries by participating in improving the global governance system.

3. Two characteristics of Sino-Russian cooperative relations

First, in the current international order, we should stick to partnership and non-alignment, tolerate reciprocity. In 1996, the two countries announced the establishment of a "strategic partnership." In the spring and autumn of 1997, the top leaders of China and Russia exchanged visits, confirming that China and Russia have established a strategic partnership of equal trust and facing the 21st century. China has learned the lessons of strategic alliances during the Cold War, adhered to Deng Xiaoping's principles of "no playing cards" and non-alignment, and insisted that China and Russia are equal partners. Deng Xiaoping's instructions made "non-alignment" an important part of China's independent foreign policy of peace after the Cold War. China has completely abandoned the Cold War mentality and insisted on non-alignment. Under this principle, China and Russia have resolved the border issues left over by history, and they have mutual trust and respect in politics. China and Russia have different social systems and different development paths But understand and support each other, tolerate reciprocity, and establish cooperative relations of equality. Cooperation between the two countries in energy, cross-border infrastructure construction, nuclear energy, aviation, aerospace, and other fields has been steadily advancing, setting a model for building a new type of international relations with mutual respect and win-win cooperation. The deepening of China-Russia relations is conducive to regional stability and development, national security, and progress of the two countries, and contributes more wisdom to global challenges.

Second, political mutual trust is maintained at a high level. Historically, the mutual political trust between China and Russia has never reached such a high-level today, showing the construction of a new type of great power relationship. In recent years, "China-Russia relations have been maintained at a high level of operation" [3], which mainly refers to mutual trust and cooperation in the political field. Both China and Russia regard strengthening relations with each other as the focus of their foreign policies. The heads of state of the two countries are very close. President Xi and President Putin meet several times a year like old friends. In the political field, the two sides have established a comprehensive mechanism for high-level meetings. Due to the similarity of the two countries' value judgments and positions on international issues, the two countries have established a strategic security consultation mechanism to jointly prevent the "color revolution", work together to combat the "three forces", and be alert to US unilateral actions. In terms of economic and trade cooperation between China and Russia, the pace of development has been relatively slow for many

years. The scale of trade and the depth of cooperation between the two countries lag behind high-level political relations. However, with the joint efforts of the two countries, optimizing the bilateral trade structure, advancing the “Belt and Road” construction plan, expanding China's trade imports, and increasing investment, the bilateral economic and trade cooperation has begun to strengthen. In 2019, China's import from Russia increased significantly, with a year-on-year growth of 32 % in the first half of the year, and Russia's trade surplus with China further expanded [1]. China continues to maintain Russia's status as the largest trading partner. The leaders of China and Russia have reached a consensus to achieve the goal of US $ 200 billion in bilateral trade by 2024. Good political relations between China and Russia are conducive to strengthening the improvement of bilateral economic and trade relations, and the gradual strengthening of economic and trade cooperation will undoubtedly play a positive role in the consolidation of bilateral political relations.

Literature:

1. Interview of the Chinese Ambassador to Russia Li Hui to the Russian news agency "Interfax" on December 25, 2018. – URL : https://www.mfa.gov.cn/web/dszlsjt_673036/t1624926.shtml
2. Kira Latukhina. Putin announced ways to solve world conflicts. – URL : https://rg.ru/2017/10/19/putin-ozvuchil-puti-resheniia-mirovyh-konfliktov.html
3. Putin: Russian-Chinese relations are maintained at an unprecedented high level. – TASS. – 2017. – April, 26. – URL : https://tass.ru/politika/4214183
4. Titarenko M. L., Petrovsky V. E. Russia, China and World Order / Su Ruixue Translated. – People's Publishing House, 2018.
5. The Russian foreign Minister said that the US and the West are leading global governance mechanisms to an imbalance = 俄外长说美国和西方导致全球治理机制走向失衡. – Xinhuanet. – 2018. – April, 5. – URL : http://www.xinhuanet.com/2018-04/05/c_1122642328.htm

Wei Ling, PhD, Professor, School of Marxism, China University of Political Science and Law, Beijing, China, zhangjh171@foxmail.com

Вэй Лин, PhD, профессон, Школа марксизма, Китайский университет политических исследований и права, Пекин, Китай, zhangjh171@foxmail.com

УДК 327 ***© Б. М. Кондорский***

Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии

В постсоветский период для государств Центральной Азии характерно проявление рецидивов основных архаических социальных институтов как следствие активизации этнического (традиционного) сознания. Данная проблема рассматривается автором на основе принципа системности исторического развития и использования сравнительного метода. Сделана попытка подвести теоретическую базу и осмыслить рассматриваемое явление на основе теории революционного периода и его основных закономерностей. Четыре центральноазиатских республики исторически относятся к кочевым культурам. Если в советский период традиционный тип сознания, в основном, сохранялся на бытовом уровне в сельской местности, то в настоящее время, связанные с ним социальные институты, играют определяющую роль в формировании властных структур. В первую очередь, это касается исторической клановой структуры общества, сохранившейся в этих государствах. Значительную роль в политической, экономической и информационной сферах играет принцип «семейственности» в структуре власти. Комплекс неполноценности проявил себя в усиленной мифологизации и фальсификации истории на всех уровнях. Исторически центральноазиатские республики имеют низкий уровень геополитической субъективности, поэтому и на сегодняшний день, и в перспективе будут зависимы преимущественно от России и Китая. Традиционный базис, доставшийся в наследство, не дает оснований для кардинальной модернизации общества в этих республиках.

Ключевые слова: *традиционное сознание, этнос, клан, мифологизация истории, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения*

© B. M. Kondorskiy

The role of ethnic (traditional) factor in forming collective legal consciousness in the countries of Central Asia

The manifestation of outbreaks on the part of main archaic social institutions as a result of the activation of ethnic (traditional) consciousness is rather typical for the countries of Central Asia in the post-Soviet period. This problem is considered by the author of the article on the basis of the principle of systematic historical development and the use of the comparative method. An attempt has been made to sum up a theoretical basis and comprehend the phenomenon under consideration on the basis of the theory of the revolutionary period and its basic laws. The four Central Asian republics historically have nomadic roots. If the traditional type of consciousness was mainly maintained at the household level in rural areas during the Soviet period, then at present the associated social institutions play a decisive role in the formation of power structures. First of all, this regards the historical clan structure of society that has been preserved in these countries. A significant role in the political, economic and informational spheres is played by a so-called "clanism" in the highest power structures. The

inferiority complex manifested itself in enforced mythologisation and falsification of history at all levels. Historically, the republics of Central Asia have a low level of geopolitical subjectivity and therefore (at the moment and in the future) will depend mainly on Russia and China. The traditional basis that they have inherited does not give grounds for a radical modernisation of the society.

Keywords: *traditional consciousness, ethnos, clan, mythologisation of history, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan*

История имеет системный характер. И для того, чтобы понять, что мы имеем сегодня, и что нас ждет завтра, необходимо иногда заглянуть в далекое прошлое. Поэтому мы придаем большое значение историческим основам рассматриваемого явления. История имеет такие же объективные законы, что и естественные науки. Для лучшего понимания того или иного социально-исторического явления необходимо дать ему теоретическое обоснование.

Важным инструментом является сравнительный метод, который, к сожалению, пока недостаточно разработан в исторических исследованиях. Основной задачей здесь является поиск и выявление под внешне различными социальными структурами в пределах отдельных регионов того, что их объединяет на определенном этапе исторического развития.

Также полезной может быть концепция архетипа, в понимании близком к биологическим наукам, где обычно под архетипом понимают совокупность определенных органов и их систем, характеризующих тот или иной тип организации, например, организации млекопитающих, рептилий, насекомых и т.д. В нашем случае данная категория рассматривается как совокупность ключевых явлений и институтов, характеризующих определенный тип социальной организации.

Если внимательно проанализировать внешнюю сторону политики современного Китая, то бросается в глаза наличие многочисленных рецидивов прошлого (вплоть до середины I тыс. до н. э.) в речах и высказываниях высшего руководства страны, которое стремится придать внешней и внутренней политике КНР «китайский облик», «специфические китайские пути защиты национальных интересов». Просматривается желание связать современную политику с традиционной культурой. По мнению Председателя КНР, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская культура поклоняется гармонии [37, с. 239].

Сейчас мы наблюдаем в Китае ренессанс конфуцианства. Но если здесь данные рецидивы носят больше внешний характер, то в постсоветских государствах закономерности архаических социальных институтов оказывали (особенно в 90-е годы) и оказывают на процессы в политической, экономической и культурной сферах более, чем значительное влияние. Особенно это актуально в отношении центральноазиатских государств, где в последние десятилетия мы наблюдаем резкую активизацию этнического (традиционного) сознания.

В социальном сознании человека можно выделить две основных составляющих – этническую и личностную. Этническое сознание формируется еще в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит заданный характер. Его нельзя изменить волевым способом. Можно только говорить о степени его активизации.

Характерная особенность этнического сознания состоит в том, что с его точки зрения социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы-они». Этническое сознание можно отнести к архетипическим образованиям, связанным с феноменами, которые архаичны по своей природе и имеют иррациональную основу. Этническое сознание приводит к деиндивидуализации, обычно в форме этнического национализма, где коллективная граница «свои-чужие» является определяющей (системообразующей).

Проблема категорий «этноса» и «нации». Проблема этноса, его определение, понимание этой категории в последние несколько десятилетий стали предметом довольно оживленных дискуссий как в России, так и за рубежом. Не последнюю роль здесь сыграла как раз активизация этнического сознания на постсоветском пространстве и не только (здесь можно вспомнить о политических процессах в Югославии).

Сформировалось два подхода к данной проблеме, две теоретических парадигмы – примордиализм и конструктивизм. В свою очередь в рамках этих двух подходов существует довольно широкий разброс взглядов.

«Примордиализм» (от анг. primordial – первоначальный, исконный) связывают с общностью происхождения (в первую очередь культурного), рассматривают как естественное, можно сказать «природное» образование [65, с. 14]. Человек не мыслится вне этноса, рассматриваемого как объективный феномен, который в процессе социализации осознает свою принадлежность. В связи с этим, особое положение занимает концепция Л. Н. Гумилева, который рассматривал этнос как коллектив почти природного происхождения [15, с. 39–78].

В последнее время особое внимание уделяется такой категории как этническое самосознание, которая часто подменяет сам термин «этнос». Речь идет об объективных характеристиках данной общности. Здесь на первый план выходит осознанное отношение к историческому прошлому и настоящему, к родному языку, культуре [56, с. 7]. При этом признается, что вышеуказанные признаки мало что дают для понимания сущности того или иного образования, которое мы называем этносом [17, с. 232]. В результате остается только эфемерное «самосознание», которое пытаются сделать объединяющим признаком [28, с. 17].

Первое, что бросается в глаза – излишнее усложнение проблемы, то, что можно назвать наукообразным подходом, попытка слишком широкого использования термина «этнос» для социальных объединений самого

различного происхождения. Очень часто такие понятия как «этнос» и «нация» используются как синонимы [61, с. 15; 64, с. 105]. То же самое относится к понятию «народ». Этносы рассматриваются как субъекты исторического процесса [11, с. 11].

Автор предлагает следующую схему. Ассоциация с термином «этнос» всегда связана с традиционным образом жизни. В узком смысле этого слова к этносам относятся общины и племена, ведущие традиционный образ жизни в течение столетий, а то и тысячелетий без каких либо заметных изменений. Если эти общности в силу обстоятельств попадают в историческое пространство, они превращаются уже в народ, имеющий просто этническую составляющую. Собственно этнос не имеет никакого потенциала исторического развития.

Что касается такой категории как «нация», то здесь не все так просто. Вначале исторически шло формирование государства-нации. Например, во Франции этот процесс на уровне королевской власти начался еще при Людовике XI. Затем продолжился при Генрихе IV и Ришелье. В данном случае олицетворением нации, источником национальной воли выступал абсолютный монарх как личность. В процессе революции источником нации, национального становится третье сословие, а затем класс буржуазии.

Для современного периода характерны нации совершенно другого типа. До этого нация являлась продуктом воли монарха, сословия, класса. Здесь же формируется феномен, который представляет своеобразное единство государства, нации, элиты, экономической и политической систем (уже нации-государства). Политическое сообщество (население) государства превращается в носителя нации. Если в случае государства-нации человек был ее структурным элементом, то сейчас он является носителем национального сознания, так же как руководство государства становится носителем политической власти. Национальную элиту здесь следует рассматривать (в идеале) выразителем базовых интересов государства. Нация здесь предстает как самостоятельный феномен, имеющий определенный потенциал развития и свои внутренние объективные законы, определяющие поведение населения данного государства.

Концепция революционного периода. Для лучшего и более глубокого понимания рассматриваемого явления весьма полезной будет концепция революционного периода (РП) разрабатываемая автором [30; 31; 34; 35]. Революции Нового времени происходили в форме РП как системы, имеющей свои внутренние законы. Конкретные революции следует рассматривать как внешнее проявление процессов в рамках РП, который заканчивается тогда, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США, где РП начался ранее всего и имел независимый

от внешнего влияния характер. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – учреждением Третьей республики, в США – с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран и Японии (как СВГ) РП начался в середине XIX в. и закончился после Второй мировой войны. В СТГ – России, Китае, Турции, Иране, Индии, латиноамериканских и балканских государствах РП ограничился рамками XX в. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов [36, с. 91].

Здесь основной единицей классификации являются не отдельные революции, а РП в каждой стране. Следует отметить, что революции не обязательно знаменуют собой начало РП. Например, в Испании, которая в XIX в. пережила 5 революций, собственно РП начался только в районе четвертой революции и закончился со смертью Франко. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП прошли без конкретных революций.

В РП все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Попытки либерализации власти в РП, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в России после Февральской революции и в Испании в 30-е годы XX в.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Что и наблюдалось в России, Китае, Османской империи.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – происходила индустриализация под непосредственным руководством государства.

В СТГ капитализм отсутствовал как система, был капиталистический уклад – это структура, которая, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и в политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который смог бы привлечь народные массы.

Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно наполнялось политическим содержанием. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала СТГ к чужим интересам.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии. В СТГ – в соответствии с цивилизационной спецификой страны.

В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» базис (архетип) политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится новый «дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон. К тому же данный базис невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. Дальнейшее развитие возможно только в соответствии с базисом (спецификой его архетипа), сформировавшимся в РП.

В Китае это поняли еще в 80–90-е гг. XX в. Важно отметить, что, в отличие от России, в Китае «советская власть» доминировала только половину РП. История часто носит парадоксальный характер. Мы считаем, что именно Культурная революция ускорила формирование здесь «советского» базиса, на основе которого сейчас успешно развивается Китай [32].

В России в 90-х гг. была предпринята попытка построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Если к настоящему времени в политической сфере российское руководство это осознало, то в экономической – пока недостаточно: здесь имеют место кризисные явления.

Кстати, относительная легкость перехода к исходному состоянию в европейских странах социалистического лагеря (Венгрии, Чехословакии, Польши) была обусловлена тем, что «архетипический» фундамент, сформировавшийся здесь в середине XX в. (после окончания РП), носил «буржуазный» характер.

На Украине ситуация оказалась намного сложнее. Сформировавший в РП базис «советского» типа был проигнорирован, и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Вместо реального экономико-политического пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа.

Только государства, в которых закончился РП, согласно историческим законам могут стать полноправными субъектами геополитического пространства (ГПП). В интересной ситуации оказался СССР. Став после войны сверхдержавой, согласно законам РП (в котором он находился) Советский Союз не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить намного больше ресурсов по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что СТГ (в первую очередь Россия, Китай, Турция, Иран), став субъектами ГПП в 90-е гг., естественно, стали претендовать на свою за-

конную зону влияния. Это вызвало резко отрицательную реакцию со стороны западных стран.

Сейчас идет передел ГПП и зон влияния, с одной стороны – между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой стороны – между самими новыми субъектами ГПП. Принципиальная разница состоит в том, что если со своими «коллегами» по СТГ можно договориться, найти общий язык (несмотря на определенные противоречия), то со СПГ и СВГ противоречия носят антагонистический характер. Это подтверждает современное состояние международных отношений. Мы считаем, что СТГ должны направить свои усилия на формирование своего политического, экономического, финансового пространств, максимально независимых от западных стран.

Исторические предпосылки протекания революционных периодов. Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. При этом на смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенций, которые в зависимости от конкретных исторических условий могут получить развитие, а могут и не получить. Мы считаем, что главным препятствием служит фактор исторической изоляции. Внешние проявления этих потенций архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее – эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Для каждого исторического этапа был характерен свой тип социального сознания и социального пространства.

Именно революции формировали потенциал последующего развития. Обычно архаической революцией называют тот исторический переворот, все те изменения, которые имели место в древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. и коснулись абсолютно всех сфер человеческой деятельности [66; 67]. В Риме архаическая революция определила более чем тысячелетний период его развития. Архаические революции имели место также на Ближнем Востоке (включая Иран), в Северной Индии и Китае [29, с. 17].

Автором на примере Китая было показано, что сроки наступления РП и специфика его протекания в основном определяются характером и «глубиной» феодальных революций [31, с. 158–159]. Наиболее классическая феодальная революция в этом отношении наблюдалась в Западной Европе. Феодализм как система появляется только после революции. В Европе в период Меровингов и ранних Каролингов имел место период феодализации, когда появляются только внешние признаки феодализма. Политические системы подобного рода не имеют потенциала развития.

Для Древней Руси также была характерна только феодализация, феодализм как система здесь отсутствовал. Данное социально-политическое

образование в XII – начале XIII вв. находилось в инерционном состоянии и не имело никаких перспектив дальнейшего развития на базе своих городских общин. Феодальная революция в России имела место уже после татаро-монгольского нашествия в рамках Московского государства, почти на 300–400 лет позже, чем в Западной Европе.

В арабских странах феодальная революция имела много характеристик, заметно отличающих ее от подобного рода событий в других регионах. В отличие от Европы, феодальная революция здесь носила городской характер и затронула небольшую часть населения [36, с. 96–97]. В сельской местности сохранились родо-племенные отношения, которые в настоящее время в условиях РП привели к сегментации ряда арабских государств.

Основной задачей всех революций является устранение носителей старого сознания. Наличие заметной преемственности с предыдущим периодом исторического развития снижало уровень потенциала последующего развития. Регулярное перемешивание населения Западной Европы в середине и второй половине I тыс. н.э., отягощенные регулярными набегами норманнов, привели к тому, что местные общины были лишены и латинского, и племенного германского сознаний.

В тоже время в Китае, России наблюдалась заметная преемственность. В Китае период феодализации продолжался более 500 лет и сопровождался регулярными разорительными набегами кочевников в середине I тыс. н. э. Феодальная революция здесь имела место только в период династии Сун [33, с. 31].

Что касается кочевых империй, то появившиеся города в некоторых из них играли роль только административных и торговых центров и приходили в полный упадок после развала «государства». Мы считаем, что у кочевников феодализм носил исключительно внешний характер. Феодализм как система, имеющая потенциал развития, здесь так и не сформировался.

Клановая структура кочевых сообществ. Слово «clan» в переводе с гэльского языка в узком смысле означает «семя», а в более широком смысле – дети, потомство. Первоначально в значении «род» слово получило широкое распространение у носителей кельтской культуры: ирландцев, шотландцев, валлийцев. В период разложения родовых отношений данный термин стал означать группу близких родственников, происходящих от одного предка [9, с. 58–59].

В кочевых сообществах, обитавших в экстремальных условиях аридной зоны, клан был основной единицей существования. Наблюдаемые каждые 10-13 лет джуты способствовали гибели более половины скота. Регулярными были вспышки численности насекомых, уничтожавших пастбища [38, с. 239]. Адаптация к подобного рода условиям чрезвычайно сложна и требует высочайшей профессиональной квалификации скотовода [43]. Только группа кочевников определенной численности, связанных

родственными и статусными отношениями, могла не только существовать (выживать), но и воспроизводить свою социальную структуру.

Для менталитета кочевников было характерно почти полное отожествление и слияние своих личных, индивидуальных ценностей, стремлений и интересов с интересами и ценностями своего клана [22, с. 42].

Члены кланового объединения были заинтересованы в укреплении мощи и возвеличивания своего клана, в сохранении единства, сплоченности и целостности. Основу имущественного благополучия составляла коллективная забота о его сохранении и увеличении. Честь и имидж благородного, добропорядочного рода относились к числу важнейших ценностей [19, с. 151].

Термин клан иногда применяют по отношению к племени («tribe»). Однако племя все-таки следует рассматривать как интегративное объединение кланов. Клан выступал как своеобразная корпорация. В корпорации любого типа интересы его членов направлены вовнутрь. Благополучие корпорации является основой благополучия ее членов. У кочевников племена и их объединения, в отличие от отдельных кланов, были связаны с их внешней активностью, связанной с набегами на своих соседей или земледельческие регионы с целью захвата добычи. Племенная структура обеспечивала функционирование военной организации [42, с. 82].

Кочевник зависит от скота. Тот, кто его не имеет – неудачник, бедняк, изгой. Количество скота напрямую зависит от размеров и качества пастбищ. Распорядительная и распределительная функция и есть власть. Распределительная система требует распределителей и распределяемых. В Степи это породило центральную ханскую власть, отвечающую с одной стороны за защиту кочевых объединений, а с другой – за организацию набегов и распределение военных трофеев. Обеспечить сохранность своих стад при незначительной плотности населения в постоянной опасности грабежей кочевники могли только в союзе родственных племен [53, с. 78]. Локальная элита отвечала за распределение пастбищ. Внутри клана власть была сконцентрирована, а во всем ханстве – распылена [1].

Активность кланов в республиках Средней Азии и Казахстана в советский период. В царской России нижний уровень административно-управленческой вертикали был оставлен за выборными должностями. Волости возглавляли избираемые населением волостные начальники. Проводимая царским правительством политика не затрагивала систему социально-экономических отношений в кочевом обществе [21].

За весь советский период, каких-либо качественных изменений в сознании элиты не произошло, несмотря на регулярную смену руководящих кадров и репрессии в тридцатые годы. Основная причина заключается в том, что основным источником ее пополнения было сельское население. Партийно-государственная элита рекрутировалась большей частью из сельских маргиналов [23]. Во всех советских республиках Средней Азии и Казахстана в основе формирования властных структур по-прежнему

лежал традиционный, клановый тип сознания. В сельской местности постоянно воспроизводились общинно-групповые (клановые) ценности и идеалы.

На всем протяжении советского периода имела место «подковерная» борьба кланов. В Узбекистане на протяжении большей части советской истории – это борьба «ферганцев» с «ташкенцами». Эти два клана сменяя друг друга и отчаянно конкурируя между собой вообще не пускали в верхние эшелоны власти представителей других кланов с конца 1930-х до середины 1950-х гг. [3].

Переломить ситуацию удалось только Шарафу Рашидову, который будучи выходцем с юга страны, начал всюду продвигать и укоренять родственные кадры. Именно многолетнее самовластное правление Рашидова, как система тотальной коррупции и чинопочитания, явилась основой возрождения бухарско-самаркандского клана, его реставрации во власти.

Аналогично в Казахстане представители Среднего жуза (как средневекового объединения племен) преобладали в составе казахской элиты довольно долго в советское время. Гегемония Среднего жуза длилась вплоть до 60-х годов. Эту гегемонию не поколебали даже сталинские репрессии 30-х годов [43, с. 57].

Попытки М. Горбачева заменить Д. Кунаева (выходца из Старшего жуза) Г. Колбиным (русским по национальности) и навести в республике элементарный порядок в борьбе с злоупотреблениями, закончились ничем. Старший жуз полностью сохранил свои позиции. В конечном итоге власть перешла к его представителю – Н. Назарбаеву, который возобновил кунаевскую практику кадрового протежирования [57].

Именно при Л. Брежневе началась активизация этнического сознания. Ю. Андроповым также были предприняты попытки повлиять на это. Однако после его смерти этот процесс полностью вышел из-под контроля Москвы [62].

Активизация клановых отношений и традиционного сознания в современных республиках Центральной Азии. После распада Советского Союза в новоявленных государствах возобладал курс на сближение с Западом, и была предпринята попытка механически перенести европейские ценности на «советскую почву». Новая либеральная элита бредила лозунгом «Запад нам поможет». Преобладающим стал европейский вектор развития. В центральноазиатских республиках это особенно было характерно для Казахстана.

В 90-е гг. за рубеж для обучения по различным программам было направлено боле 20 тыс. казахстанцев. Предполагалось, что они составят ядро будущих кадров как государственной службы, так и бизнес-структур. В этот период ставка была сделана политиков и предпринимателей, получивших образование на Западе [27, с. 5].

Требования новоявленных «западников», получивших прозвище «младотюрков», провести радикальные реформы старая элита восприняла как угрозу. При этом наличие неформальных связей и патронажная си-

стема позволила отдельным представителям госбюрократии получить специальные кредиты для покупки государственных предприятий. После сокрушительного поражения на парламентских выборах 2004, 2007 гг. и на президентских выборах 2005 г. реформаторы полностью утратили свои иллюзии [27, с. 19].

Таким образом, кочевой (этнический) базис и традиционный тип сознания, который пережил 70-летний период советской власти, никуда не делся. За последний век в Казахстане сменилось несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Не наблюдалось революционной, радикальной замены элит. Советская элита явилась прямой преемницей байской родо-племенной аристократии. В настоящее время имеет место попытка существующей казахстанской элиты преодолеть комплекс неполноценности, которая оказалась во власти не в силу ее качественности и компетентности, а в силу приспособляемости и удачного стечения обстоятельств, связанного с их клановым происхождением [2, с. 127].

Именно клановая принадлежность сейчас является «альфой и омегой», определяющей положение человека в системе политических, экономических, культурных и даже научных отношений. Из властных структур идет «вымывание» не только русских, но и городской русскоязычной казахской интеллигенции. Так как основным требованием является знание казахского языка, то органы государственной власти стали заполняться выходцами из сельской местности. Именно эти группы мыслят категориями клана. В Казахстане сейчас клан, клановые отношения, клановая структура выступают как неформальный институт рекрутирования элит. Для носителей кланового сознания главное – не личное «Я», а опора на себе подобных и их мнение. Поэтому, приходя во властные структуры, выходцы из сельской местности окружают себя земляками и родственниками [10, с. 32].

В Казахстане клановые отношения приняли наиболее уродливую свою форму – «семейственности». Дочь президента Дорига контролирует 90 % информационного пространства страны. Его племянник К. Сатыбалды – компанию «Казах-Ойл», а второй зять Т. Кулибаев – «Казах-Трансойл» [12]. Совокупный капитал четы Кулибаевых превышает 6,4 млрд. долларов [20]. Другие финансово-промышленные группы пользуются покровительством со стороны «семьи» Назарбаева.

В Кыргызстане клановость всегда была сильна и в советский период, когда наблюдалось явное доминирование северных кланов. Родо-племенной тип сознания носил базовый характер. Например, глава одного из отделов президентской администрации Т. Омуралиев в борьбе за депутатский мандат с помощью старейшин получил почти единодушную поддержку своего родного племени [60, с. 81–82].

«Семейственность» еще в большей степени характерна для руководства страны по сравнению с Казахстаном. Именно самоуправство семей-

ного окружения северянина А. Акаева послужило причиной первой «цветной» революции. То же самое было характерно и для южанина К. Бакиева, который пытался превратить государство в одну «семейную юрту» при помощи шести братьев. Элементы семейственности просматриваются и у нынешнего президента Кыргыстана – С. Жээнбекова [58]. По существу все руководители Кыргызстана являются заложниками традиционалистской (клановой) системы отношений, влияющих на их образ мышления (социального сознания) и практические действия [46, с. 40].

Туркменское общество можно назвать нацией племен. 30 племен насчитывают около 5 тыс. клановых групп. Первый президент страны С. Ниязов принадлежал ахалтекинскому племени, и новый президент тоже. Более трех четвертей всех чиновников принадлежат к этому племени, а в силовых структурах – около 90% личного состава. В стране произошла явная архаизация во всех сферах жизни [14, с. 51].

Крайне выраженный авторитаризм С. Ниязова явился проявлением безусловной лояльности и подчинения старшим (и по возрасту, и по власти), характерной для традиционных центральноазиатских сообществ с глубокой древности. Патриотизм здесь связан с понятием племени. Каждый казах, кыргыз, туркмен, что называется, с молоком матери впитывает главенство интересов своего клана и племени.

В Узбекистане опорой государства стали космополитические города. Поэтому особенностью узбекской клановой системы является доминирование земляческих, а не кровнородственных связей. Однако подмена родственной самоидентификации на махаллистскую мало что меняет [3]. «Махаллинская психология» четко делит сообщество на «земляков» – своих, родных и «чужаков – плохих, опасных [12]. В Узбекистане старейшины махаллинских комитетов даже получают зарплату от государства. Кланы подчас оказываются организованней и эффективней чем политические партии и госаппарат [14, с. 55].

Первый президент Узбекистана И. Каримов не принадлежал ни к одному из влиятельных кланов [7, с. 106], поэтому вначале он попытался стать надклановым актором и сформировать властные структуры, состоящие из представителей основных кланов. Однако, затем возобладали авторитарные тенденции. И. Каримов даже стал главой Кабинета министров по совместительству [3].

В Таджикистане 50 лет доминировал ходжентский клан, оттеснивший от управления республикой представителей южных кланов, которые в 90-е гг. попробовали взять реванш, обернувшийся гражданской войной 1992–1994 гг. Таджики всегда были патриотами своей местности – оазиса, долины. Кулябцы стали основной ударной силой «прокоммунистического» Народного фронта против блока демократов и исламистов, представленных Демократической партией и Исламской партией Возрождения [6].

Подобного рода отношения в свое время Макс Вебер рассматривал как патримониализм, характеризующийся нерасчлененностью публично-политической и частной сферы [68, с. 236–237]. Происходит своеобразная

приватизация власти определенным кланом. По мнению Ш. Эйзенштадта, для развивающихся обществ Азии, Африки и Латинской Америки характерны неопатримониальные структуры, характеризующиеся симбиозом, синтезом элементов традиционализма и современного государства [63].

Активизация религиозного сознания. Активизация религиозного сознания была характерна для всех постсоветских государств после развала СССР, даже для руководства Коммунистической партии РФ. Однако мы считаем, что религиозный «ренессанс» в каждой из республик имел свою специфику. В Центральной Азии это явление следует рассматривать как следствие активизации традиционного сознания.

В Центральной Азии у титульных этносов за последние 200 лет сохранился своеобразный народный ислам, часто мистических суфийских толков, как направление бытовых, обрядовых, поведенческих и ценностных предпочтений, тесно переплетенных с традиционными языческими и шаманскими обычаями, анимистическими верованиями [13]. Ислам на бытовом уровне оказался латентно активным и имел сильную традицию в сельских районах.

В Казахстане ислам рассматривался как один из способов обретения казахской этнической и культурной идентичности. Кто предал веру, тот предал народ. Шариат не смог вытеснить из сознания нормы адата. Казахи всю историю жили по древним тюркским законам [39]. Менталитет казахов менее других тюркских народов испытал влияние ислама [51]. Присутствие ислама носило скорее символический характер. Этническое и религиозное сознание здесь находилось в определенном единстве [8, с. 853]. Так же как кочевой образ жизни носил довольно специализированный характер, так и религия у номадов имела весьма специфическую форму «кочевого ислама».

В Туркестане народный ислам является синтезом автохтонных культов и мусульманской догматики. В свое время широкое распространение имело паломничество к святым местам [40, с. 61]. Ислам до сих пор не смог вытеснить древние религиозные верования, например, тотемизм [54, с. 11]. В своем большинстве тюрки-кочевники оставались язычниками вплоть до XVII – XVIII вв. [55, с. 48].

В то же время ислам превратился в инструмент различных политических сил, преследующих различные цели. Следует отметить, что вчерашних коммунистов, стоящих во главе центральноазиатских республик, трудно назвать истинно верующими. Они считают, что ислам – это основа национальной культурной идентичности. Исламские культурные традиции и наследие должны в определенной степени потеснить европейскую культуру. Ислам – общая религия и общая ценность, объединяющая все народы Центральной Азии [18].

Что касается радикального ислама, то следует обратить внимание на активное продвижение ваххабизма (салафизма). В 90-е гг. Саудовская Аравия, также как и ряд других стран Персидского залива, активно созда-

вала в центральноазиатских государствах университеты, школы, культурные и исламские центры, исламские академии. В этот период иностранцам отдали важнейшую составляющую суверенитета. Следует также учесть, что в Саудовской Аравии сейчас работают сотни тысяч гастарбайтеров, причем половина – из Узбекистана, где население наиболее восприимчиво к радикальным идеям [49]. Советский Союз за все время своего существования потратил на распространение идей коммунизма 7 млрд. долларов, а Саудовская Аравия за последние двадцать лет на распространения ваххабизма – 90 млрд. [48].

Другую опасность представляет запрещенная в России организация Хизб ут-Тахрир с идеей Всемирного Халифата [7, с. 99]. Наибольшую активность эта организация проявляет себя в Узбекистане вместе с партией Исламское движение. Ташкент раньше других осознал опасность религиозного экстремизма и предпринял все меры (включая силовые) для его подавления [52, с. 41–42]. Внутренним фактором, причиной возрастающего влияния исламского фундаментализма в Центральной Азии является кризис в общественном сознании. В исламе люди хотят найти альтернативу сегодняшней жизни [41].

Мифологизация истории. Не менее значимым следствием активизации традиционного сознания стала массовая мифологизация и национализация (этнизация) истории центральноазиатских государств. Как уже говорилось выше, этнос (в узком смысле этого слова) находится вне исторического пространства. Кочевые объединения становились субъектом истории только в рамках «империй», и то на достаточно короткий срок.

Здесь также надо учесть очень важный момент: самые высокоорганизованные кочевые сообщества возникли на границе Китая, а наименее организованные в формальном отношении обнаружены в Африке, южнее Сахары [5, с. 42], то есть степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации.

Подобного рода закономерность действовала на протяжении всей истории Центральной Азии. Действует и сейчас. Следует обратить внимание, что ШОС была создана четырьмя центральноазиатскими республиками вместе с Россией и Китаем. Ничего похожего на АСЕАН в Центральной Азии так и не появилось. Нужно иметь в виду, что это этнические нации, которые кардинально отличаются от таковых в России и Китае. Поиск национальной идентичности здесь принял форму этнической мифологизации, а по существу – фальсификации истории на уровне властных структур.

Предпринимаются попытки сделать свою историю максимально древней и застолбить свою автохтонность в Средней Азии. Например, выступая на 48 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 1993 г., И. Каримов заявил, что история узбекского народа насчитывает более трех тысяч лет [26, с. 359]. Президент Туркменистана С. Ниязов в своей книге «Рухнама» (которую объявили священной) утверждал, что туркме-

ны появились пять тысяч лет тому назад и основали более 70 государств, выполняя лидирующую цивилизаторскую миссию [47].

В Узбекистане сформировали культ Тамерлана, как главного исторического символа узбекского народа. В Ташкенте открыли государственный музей Тамерлана. И это при том, что сам Тимур приходил в ярость, когда его происхождение связывали с кочевыми узбеками [45]. Даже была предпринята попытка сделать И. Каримова потомком знаменитого завоевателя. Н. Назарбаев оказался потомком богатыря Карасая, который проявил себя в борьбе с джунгарами. Туркменбаши пытались приписать родство с Александром Македонским.

Не отстают от своих руководителей быстро «перековавшие» свои взгляды доктора наук и академики. Основные их стремления были направлены на то, чтобы доказать, что обитавшие здесь во второй половине I тыс. до н. э. иранские племена саков были тюркоязычными [4, с. 98; 16, с. 57–72]. В Алма-Ате даже воздвигли 30-метровую стелу, которую венчает сакский воин. Некоторые новоявленные «ученые» пошли еще дальше, утверждая, что тюрки жили в Средней Азии еще до индоарийского завоевания [25, с. 53–54]. Особо «отличился» О. Сулейменов, согласно которому тюрки предшествовали шумерам и повлияли на их культуру и язык [50].

Для туркмен, казахов и узбеков присвоение арийского прошлого означает, прежде всего, утверждение своего статуса как «коренного народа». Кроме того «арийское родство» отводит тюркским народам почетное место в древней истории и уравнивает их с европейцами, помогая освободиться от комплекса неполноценности [59, с. 226].

Выводы. Социальное сознание имеет две основные составляющие – этническую и личностную. Личностное сознание характерно для взрослого человека, осознается им и может меняться в течение жизни. Этническое сознание формируется в детстве и носит данный характер. Можно говорить только о степени его активизации. По мнению автора, этнос в узком смысле этого слова имеет традиционную основу и находится вне исторического пространства. В противном случае он превращается в народ.

Для лучшего понимания рассматриваемого явления необходимо использовать основные положения концепции революционного периода. В каждой отдельной стране все революции составляют революционный период (РП) как систему, имеющую свои внутренние законы. Выделено три основные группы стран в зависимости от сроков и характера протекания РП. Особое внимание уделено странам третьей генерации (СТГ), куда относятся Россия, Китай, Турция, Иран.

В данной статье выявлена связь между сроками наступления РП и характером, «глубиной» протекания феодальных революций и преемственности с предыдущим периодом. В Центральной Азии Казахстан, Киргизия и Туркмения являются прямыми наследниками кочевых сообществ, где прак-

тически отсутствовала феодальная революция как таковая. Наличие отдельных признаков феодализма носило внешний характер. Все это привело к активизации этнического сознания и проявлению (функционированию) традиционных социальных институтов в этих странах в настоящий период.

В первую очередь это касается клановой системы, которая в кочевой период для номадов была жизненно необходимым условием существования в экстремальных условиях степи. В советский период клановый тип сознания сохранился не только на бытовом уровне, но и в системе власти, не смотря на борьбу Москвы с подобного рода явлениями. В брежневский период происходит заметная активизация клановых отношений, однако внешне они имели патрон-клиентальную форму.

После получения независимости в центральноазиатских республиках в рамках клановой структуры родственные связи опять начинают играть определяющую роль. В Казахстане и Кыргызстане на уровне руководства страны это принимает форму «семейственности», что порождает коррупцию и дисбаланс в структуре элиты. В будущем это может привести Казахстан к непредсказуемым последствиям, примером чему может служить Киргизия.

В структуре религиозного сознания большую роль играют традиционные верования и языческие пережитки. Проявления исламского радикализма, характерного, в основном, для Узбекистана, пока удалось подавить. Однако подпольные ячейки запрещенных в России организаций в условиях острого экономического или политического кризисов могут себя проявить, особенно в случае внешней поддержки.

Ни узбеки, ни туркмены, ни киргизы, ни таджики до вхождения в состав Российской империи не имели своей прямой государственности, в средневековый период они входили в состав различных государственных образований. Что касается казахских ханств, то здесь можно говорить только о протогосударственности кочевого типа. Все это предопределило формирование комплекса исторической неполноценности. Отсюда попытки сделать свою историю максимально древней, показать автохтонность своего народа и его исключительную роль в региональной и мировой истории.

В период СССР «советский» базис сформировался только у русскоязычного городского населения центральноазиатских государств. В сельской местности он имел форму «тонкой оболочки». Основа осталась традиционной. Главная ошибка государственной элиты заключалась в том, что ставка была сделана на выходцев из села. Следует заметить, что последующее обучение молодежи на Западе в плане социального сознания принципиально ничего не меняла, поэтому о каком-либо реальном развитии на основе собственного базиса традиционного типа говорить не приходится.

Отсутствие заметных исторических корней делает центральноазиатские государства в своем развитии зависимыми от более «цивилизованных» соседей. Речь в первую очередь идет о Китае и России. Центрально-

азиатские государства (и не только) после распада СССР оказались в роли своеобразных «обрубков» Империи. Поэтому их геополитическая субъективность носит крайне низкий характер.

Литература:

1. Аблязов Н., Ибадильдин Н. 2000. Новый африканат, или еще раз про казахов. Материалы круглого стола «Политическая элита Казахстана». – Алматы. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.neweurasia.info/archive/2000/analitica/10_30_-anal3.htm
2. Агаев Г. Ш. Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ Казахстана» // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 5. – С. 126–128.
3. Андреева В. 4 августа 2003. Миф об узбекском государстве. Часть 3. NOMAD кочевник. [Электронный ресурс]. – URL: https://nomad.su/?a=2-200308040007
4. Аскаров А. История Узбекистана. – Ташкент: Узбекистон, 1997.
5. Барфилд Т. Д. Опасная граница: кочевые империи и Китай. – СПб.: Нестор-История, 2009.
6. Бирюков С. 2003. Элиты-клиентеллы. Русский журнал. [Электроннный ресурс] – URL: https://old.russ.ru/politics/20030318-bir.html
7. Бляхер Л. Е., Кизима С. А. Центральная Азия: между Тамерланом и Ататюрком // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2009. – № 1 (52) – С. 92-110.
8. Богатырев К. А. Концепция национального согласия в республике Казахстан // Политика и общество. – 2013. – № 7 – С. 848–857.
9. Болпонова А. Политические планы Кыргыстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – № 3-4. – С. 57–72.
10. Борисова Е. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. – 2002. – № 1(16). – С. 28–47.
11. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – Москва: Наука, 1987.
12. Волков В. 2009. Кланы и клановые отношения в Средней Азии. Livejournal. [Электронный ресурс] – URL: https://vladislavvolkovlivejournal.com/1474.html
13. Гадло А. В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
14. Грозин А. В. Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 9. – С. 50–55.
15. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – Москва: Экопрос, 1993.
16. Гундогдыев О. А. Прошлое туркмен. – Москва: Интерстамо, 1998.
17. Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация. Личность, культура, этнос: современная антропологическая психология. – Москва: Смысл, 2001. – С. 7–30.
18. Джумаев А. Ислам и культура в Центральной Азии // Дружба народов – 2008. – № 12. – С. 147–167.
19. Джуншалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргыстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 3(9). – С. 146–155.

20. Дочь и зять Назарбаева – богатейшие казахстанцы по версии Forbes (7 марта 2008). Радио АЗАТТЫК. [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.azattyq.org/a/forbes-billionaries-kazakhstan-kulibaevs/29084080.html
21. Ерофеева И. Политическая организация кочевого казахского общества // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. [Электронный ресурс] – URL: https://www.ca-c.org/journal/14-1998/st_15_erofeeva.shtml
22. Ерофеева И. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999.
23. Ерофеева И. 2000. Формирование политической элиты Казахстана. Материалы круглого стола «Политическая элита Казахстана». – Алматы. [Электронный ресурс] – URL: https://www.neweurasia.info/archive/2000/analitica/10-_09_an9.htm
24. Кадыров Ш. Х. Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе // Вестник Евразии. – 2001. – № 1. – С. 5–32.
25. Камолиддин Ш. О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана» // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 1. – С. 52–56.
26. Каримов И. Стабильность и реформы. – Москва: Палея, 1996.
27. Карсаков И. Б., Чеботарев А. Е. Политическая трансформация республики Казахстан в контексте смены управленческой элиты. – Алматы: Центр «Альтернатива», 2009.
28. Колпаков Е. М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 13–23.
29. Кондорский Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 16–33.
30. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2015 – С. 134–150.
31. Кондорский Б. М. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода // Россия – Китай: история и культура. IX Международная конференция. – Казань: Фэн, 2016. – С. 156–166.
32. Кондорский Б. М. Исторические основы и предпосылки Культурной революции // Исторические события в жизни Китая и современность. Всесоюзная научная конференция. – М.: ИДВ РАН, 2016. – С. 234–243.
33. Кондорский Б. М. Феодальная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т.XLVI, ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 16–23.
34. Кондорский Б. М. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2017. – С. 668–688.
35. Кондорский Б. М. Попытка анализа характера капитализма в России в конце XIX – в начале XX века с позиций концепции революционного периода // Журнал региональной истории. – 2017. – № 3. – С. 73–91.
36. Кондорский Б. М. Революционный период на Большом Ближнем Востоке // «Американские студии». VI Международная научно-практическая конференция. – Симферополь: КрФУ, 2017. – С. 89–102.
37. Кондорский Б. М. Исторические предпосылки и основы внутренней и внешней политики современного Китая // Россия – Китай: история и культура. XII Международная научно-практическая конференция. – Казань: Фэн, 2019. – С. 237–245.

38. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). – М.: Восточная литература, 2014.
39. Кусаинов Ш. Государство казахов: Адат и Шариат // Казахстанская правда. – 30 октября 1996.
40. Литвинов В. П. «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект // Исламоведение. – 2018. – № 1. – С. 54–64.
41. Мамытова Э. Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5 (11). [Электронный ресурс] – URL: https://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac11_2000/06.mamit.shtml
42. Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С. 101–113.
43. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадского общества. – Алматы: Социнвест, 1995.
44. Масанов, Н. Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. – 1996. – № 1(2). – С. 55–60.
45. Масов, Р. 11 июля 2013. Узбекистан – родившийся на глазах истории. Проза.ру. [Электронный ресурс] – URL: https://www.proza.ru/2013/07/11/1041
46. Наумов А. О. Цветные революции» как угроза государственному суверенитету. Опыт Кыргыстана // Мировая политика. – 2016. – № 2. – С. 36–45.
47. Ниязов С. Рухнама. – Ашхабад: ТГИС, 2002.
48. Новиков Е. 25 января 2006. Наступление ваххабизма в Центральной Азии: мнение эксперта. Голос Америки. [Электронный ресурс] – URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2006-01-25-voa5/605990.html
49. Раджабов Р. 1 февраля 2019. Угроза переориентирования ИГИЛ через Афганистан в Центральную Азию. Оборонно-промышленный курьер. [Электронный ресурс] – URL: https://opk.com.ua/угроза-переориентирования-игил-чере/
50. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюрских языковых письменностей. – Алматы: Атамура, 2002.
51. Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ – 1999. – № 4(5). [Электронный ресурс] URL: https://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_06_sultangal.shtml
52. Тодуа З. Радикальный ислам в Узбекистане: этапы становления и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ – 2006. – №1 (37) – С. 41–48.
53. Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопросы истории. – 1955. – № 1. – С. 75–83.
54. Урманов Э. А. Ислам и кыргызы. – Бишкек: Илим, 2001.
55. Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии. – Москва, Бишкек: КРСУ, 2005.
56. Хабибуллин К. Н. Национальное самосознание и интернационалистическое поведение. – Л.: Знание, 1989.
57. Хлюпин В. 2000. «Казахстанская политическая элита: между модернизацией и трайбализмом». Доклад на 2-м Всероссийском конгрессе политологов. [Электронный ресурс] – URL:https://www.neweurasia.info/archive/2000/analitica/05_26_26.051.htm

58. Хлюпин В. 26 марта 2019. Кыргызская Орда в XXI веке: «Север» против «Юга». NOMAD Кочевник. [Электронный ресурс] – URL: https://nomad.su/?a=3-201903270020
59. Шнирельман В. Арийский миф в современном мире. Т.2. – Москва: Новое Литературное обозрение, 2005.
60. Эсенбаев А. Э. Особенности родоплеменных отношений в Кыргыстане и их влияние на развитие института выборов: попытка осмысления // Вестник КРСУ – 2015. – № 2. – С. 81–85.
61. Brubaker R. Nationalism Reframed: nationhood and the national Question in the new Europe. – Cambrige: Cambrige University Press, 1996.
62. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. Journal of Democracy – 2002. – № 13(2). – P. 137–152.
63. Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Comparative Perspectives. – London: Sage Publications, 1973.
64. Eriksen T. N. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. – London: Pluto Press, 1993
65. Greenberg S. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. – New Haven: Yale University Press, 1980.
66. Snodgrass A. Archaic Greece. The age of Experiment. – London: J.M. Dent, 1980.
67. Starr C. The Economic and Social Growth of Early Greece. – New-York, Oxford: University Press, 1977.
68. Weber M. Economy and Society. An Online of Interpretive Sociology. – Berkeley: University of California Press, 1978.

Борис Михайлович Кондорский, кандидат биологических наук, самостоятельный (независимый) исследователь, Донецк, Украина, bmkbox@mail.ru

Boris M. Kondorskiy, Candidate of Science in Biological, an independent researcher, Donetsk, Ukraine, bmkbox@mail.ru

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

УДК 347

© В. М. Сырых

Почему в Российской Федерации до сих пор не принят Кодекс об образовании?

© V. M. Syrykh

Why hasn't the Education Code been adopted in the Russian Federation?

Передовой законотворческий опыт в сфере образовательного права привел к осознанию необходимости принятия единого кодифицированного акта – Кодекса, способного на законодательном уровне, полно и в системном виде установить основы нормативного правового регулирования в сфере образовательного права. В настоящее время подобные акты действуют во Франции, Республике Беларусь и Республике Молдова. Характерно, что попытка принятия подобного акта принималась и в Российской Федерации в начале XXI в., однако Кодекс РФ об образовании, настоятельная потребность в котором остро ощущается по настоящее время, так и не принят по субъективным причинам, вследствие его неприятия консервативно мыслящей частью ведущих правоведов и чиновников.

Потребность в кодифицированном акте обусловливается обязанностью государства, возложенной на него Всеобщей декларацией прав человека: обеспечить всем и каждому право на бесплатное образование как одного из необходимых условий социализации человека и его последующей успешной социально-полезной деятельности. Вовлечение государства в сферу образования, в свою очередь, требует принятия значительного числа нормативных правовых актов, гарантирующих каждому реальность права на общее и профессиональное образование независимо от его материального положения, места проживания, национальности, расы и каких-либо других социально-экономических факторов.

В РФ массив законов и подзаконных нормативных актов по вопросам образования создавался спонтанно, в отсутствие базисного закона, кодекса, устанавливающего единые принципы и общие нормы правового регулирования, и потому оказался недостаточно совершенным: содержащим правовые пробелы, коллизионные, логически противоречивые нормы права, а также предписания дублирующие нормы других отраслей права. Чтобы устранить названные недостатки, законодателю нужно было прибегнуть к такому действенному и испытанному методу систематизации норм права, как метод кодификации, подготовить и принять кодекс об образовании.

С учетом этого обстоятельства исследовательской группой Федерального Собрания и Министерства образования, созданной при Комитете

Совета Федерации по науке, культуре, образованию и экологии, состоящей из специалистов в области образования и юридической науки, были подготовлены Основные положения Концепции Кодекса РФ об образовании, которые определяли рациональные пути конструирования образовательного права в качестве новой отрасли российского права. В 2003 г. положения Концепции были реализованы в проекте общей части Кодекса РФ об образовании, который был одобрен участниками VIII Международной научно-практической конференции, состоявшейся в РУДН (г. Москва) в 2003 г., одновременно предлагалось учесть высказанные участниками конференции замечания и предложения.

Проект Общей части Кодекса РФ об образовании был подготовлен авторским коллективом, состоящим по преимуществу из представителей Минобразования РФ и ведущих ученых российских вузов, под руководством проф. Сырых В. М. и к.ф.н. Кудрявцева Ю. А. От Федерального Собрания в эту группу вошли Смолин О. Н., Буслов Е. В. и еще три представителя аппарата Государственной Думы [7, с. 15–18].

В основу Концепции и проекта Кодекса РФ об образовании были положены революционные идеи о необходимости формирования образовательного права как самостоятельности отрасли российского права, реализация которых позволяла существенно повысить качество действующих норм права в сфере образования и устранить такие их дефекты как правовые пробелы, множественность норм права, противоречивость и декларативность. Одновременно предоставлялась возможность повысить степень юридической гарантии в реализации права граждан на образование независимо от произвола органов управления образованием, органов управления образовательными учреждениями и иных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность. Теоретическое обоснование названные идеи получили в монографиях В. М. Сырых «Образовательное право как отрасль российского права» [21] и «Введение в теорию образовательного права» [22].

Как признавали разработчики проекта Кодекса, при его проектировании «были отвергнуты все неконституционные варианты правового регулирования, связанные с освобождением государства от обязанности надлежащим образом финансировать сферу образования и попытками переложить эти расходы на плечи населения и муниципальные образования» [7, с.20]. Одновременно, традиционные представления об образовательном законодательстве как комплексном суммативном образовании признавались устаревшими и не соответствующими закономерным связям норм и институтов образовательного права как самостоятельной отрасли права.

В ходе проектирования были приведены достаточные аргументы о том, что основу, профиль образовательного права составляют образовательные отношения, которые представляют собой особый вид общественных отношений, не сводимых ни к гражданско-правовым, администра-

тивно-правовым, трудовым, ни к иным общественным отношениям, образующим предметы действующих отраслей права Российской Федерации.

Согласно ст. 4 проекта Кодекса, образовательные отношения понимались как «отношения, возникающие на основе норм законодательства об образовании между обучающимся, его родителями (иными законными представителями), образовательным учреждением и педагогическими работниками в связи с получением обучающимся дошкольного, общего, профессионального, дополнительного образования» [7, с. 39].

Было доказано, что правовое регулирование сферы образования, как и любой другой отрасли права, носит комплексный характер и не может обходиться без тесной взаимосвязи с традиционными отраслями права: гражданским, административным, трудовым. При этом значительная часть норм названных отраслей права действует в сфере образования не в их всеобщем виде, а нуждается в специализированных предписаниях, установленных применительно к особенностям сферы образования, например, трудовые права педагогических работников, управление образовательными учреждениями, платная образовательная деятельность и др.

Сообразно специфике образовательных отношений формируется и особый метод правового регулирования, что позволяет рассматривать систему действующих норм в области образования как самостоятельную отрасль права. Напомним, что согласно теоретическим представлениям, каждая отрасль права обладает особым предметом и соответствующим ему методом правового регулирования.

Однако проект Кодекса и положенные в его основу идеи образовательного права значительной частью российских правоведов были оценены критически. Можно выделить три этапа истории их борьбы с названным ведущим направлением современной правовой науки и законотворческой практики.

Первый этап охватывает 2001–2005 гг. и характеризуется тем, что противники Кодекса РФ образования, выступали против него в целом, без разбора идей и положений, положенных в основу концепции образовательного права и кодекса об образовании. Критика велась по традиции, идущей с советских времен, когда мысль об образовательном праве в качестве новой самостоятельной отрасли права, представлялась не только невероятной, но и кощунственной.

Будучи причастными к решению тех или иных правотворческих и правоприменительных вопросов, правоведы с подобными установками на образовательное право без каких-либо колебаний неизменно искореняли «крамолу» на корню, принимая негативные решения против любых попыток внедрить идеи образовательного права в законодательную и правоприменительную практику. Критики твердо верили в незыблемость своих представлений о системе права и на всякие предложения о появлении новых отраслей права приводили один и тот же «железный» аргумент – фразу Л. С. Галесника, высказанную в 1956 г., о том, что, следуя таким путем,

можно создать какие угодно отрасли права, вплоть до банно-прачечного права.

Второй этап охватывает последующие семь лет (2005–2012 гг.) и характеризуется двумя подходами: наряду с продолжением абстрактного отрицания образовательного права как отрасли российской правоведения были предприняты попытки дать конкретный анализ основных положений концепции образовательного права. В частности, представители науки гражданского права провели монографические исследования с целью обоснования юридической природы образовательных отношений в качестве разновидности образовательной услуги.

Третий этап начинает свой отсчет с 2013 г., с даты вступления в действие Федерального закона об образовании, и продолжается по настоящее время.

Основные аргументы оппонентов образовательного права и его кодекса были изложены ведущим специалистов в области гражданского права Е. А. Сухановым, по глубокому убеждению которого концепция самостоятельного образовательного права не выдерживает сколько-нибудь серьезной теоретической критики, «не менее абсурдны и попытки создать в форме Кодекса об образовании «замкнутую», совершенно автономную систему законодательства об образовании, охватывающую не только организацию и функционирование собственно образовательного процесса, но и все складывающиеся здесь имущественные отношения (в том числе вещные, обязательственные и касающиеся исключительных прав на результаты творческой деятельности), а также отношения налоговые, таможенные, процессуальные и т.д.» [19, с. 66] Крайне неясным остается понятие «образовательное отношение», поэтому, резюмирует профессор, более чем сомнительная концепция самостоятельного «образовательного права», «не только не облегчит, но и затруднит реальное решение возникающих при этом проблем и породит множество новых» [19, с. 74].

Элементарное правило научной критики предполагает ее обоснованность: требуется не только формулирование критических положений, но и обстоятельный анализ критикуемой позиции, указание, в чем и как конкретно ошибается ее автор. Однако для Суханова Е. А. этого требования не существует. Тезис о невежестве российских правоведов «в общетеоретических правовых вопросах» красной нитью проходит через ряд его работ и публичных выступлений. Однако, заметим, что и сам автор в этом отношении не безгрешен. Например, в статье «Осторожно гражданско-правовые конструкции» Е. А. Суханов пишет: «Хотелось бы обратить внимание и на развитие образовательного права. Министерство образования РФ нацелено на принятие образовательного кодекса. Появляются и сторонники этой новой "отрасли права". Один из них даже написал проект такого кодекса и активно его пропагандирует, определяя образовательное право как якобы абсолютно самостоятельную отрасль права. Конечно, каждому ведомству приятно иметь "свою" отрасль права, и я не удивлюсь, если

вскоре появятся предложения создать железнодорожное, жилищно-коммунальное и т.п. право. Надо сказать, что все это не ново. Многие еще помнят дискуссии о системе права, которые проходили в нашей стране и в 1930-х, и в 1940-х, и в 1950-х годах, и предостережения профессора Л. А. Галесника из Иркутска, который говорил, что уже недалеко до банно-прачечного и трамвайно-троллейбусного права» [20, с. 15–26].

Характерно, что в приведенной цитате нет ни одной достоверной фразы. Во-первых, Е. А. Суханов бездоказательно полагает, что подготовку образовательного кодекса инициировало Министерство образования РФ. В действительности его инициаторами выступили представители профильных комитетов Совета Федерации и Госдумы и Российского союза ректоров [3; 18].

Во-вторых, Е. А. Суханов упоминает какого-то мифического профессора Л. А. Галесника из Иркутска. Между тем в советской юридической литературе такого автора нет. Проблемы системы права исследовал Галесник Лев Самуилович, который вел преподавательскую деятельность в Свердловске, где и похоронен. К тому же он был доцентом, а не профессором.

В-третьих, Е. А. Суханов уверяет, что проект Образовательного кодекса разрабатывал один автор. В действительности в подготовке проекта принимали участие более тридцати специалистов в области образования и правовой науки, в том числе такие известные доктора наук, как Смолин О. Н., Шукшунов В. Е., Марченко М. Н., Капустин А. Я., Лазарев В. В. Подготовка проекта проводилась в рамках Программы «Научное, научно-методическое, материально-информационное обеспечение системы образования по подразделу «Нормативно-правовое обеспечение реализации Плана действий Правительства Российской Федерации». Термин «абсолютно самостоятельная отрасль права», очевидно, ввел Е. А. Суханов, тогда как сторонники образовательного права говорят о нем как «самостоятельной отрасли права» безо всяких претензий на «абсолют».

Данные факты говорят о том, что Е. А. Суханову необходимо обращать более пристальное внимание на фактологический материал, а также позаботиться о теоретическом обосновании своей позиции по рассматриваемому вопросу. Например, если в своей работе Е. А. Суханов уверен в том, что концепция образовательного права не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики, поскольку «представляет собой условное понятие, за которым в действительности стоит законодательство об образовании – массив нормативных актов комплексного характера», то ему необходимо опровергнуть аргументированный вывод, изложенный в работе «Образовательное право как отрасль российского права», о том, что «специфика образовательных отношений проявляется во всех их компонентах: объекте, содержании, основаниях возникновения, изменения или прекращения» [22, с. 27]. Здесь Е. А. Суханову, как минимум, следовало показать, что знания, навыки и умения, удостоверяемые специальным документом об образовании выступают объектом гражданско-правовых или иных отношений, что образовательная дееспособность обучающихся

возникает по принципам административного права, а не с 6–7 лет, что возложенная на управомоченную сторону обязанность доказывать наличие качественно объекта образовательного правоотношения в полной мере присуща административно-правовым отношениям и т. д.

Бездоказательными можно назвать выводы Е. А. Суханова об абсурдности попыток создать в форме Кодекса об образовании «замкнутую», совершенно автономную систему законодательства об образовании. Плодотворность кодификации как высшей формы систематизации действующего законодательства, доказана многовековой историей права. Развитие всех отраслей права неизбежно приводит к формированию их законодательных основ в форме кодекса, при этом создание последнего никто и никогда не трактовал как «системное образование, призванное охватывать всю действующую совокупность норм права соответствующей отрасли права». Также не имеет аргументов тезис Е. А. Суханова о том, что создатели Кодекса РФ об образовании «стремятся охватить не только организацию и функционирование собственно образовательного процесса, но и все складывающиеся здесь имущественные отношения (в том числе вещные, обязательственные и касающиеся исключительных прав на результаты творческой деятельности), а также отношения налоговые, таможенные, процессуальные и т.д.» [20]. Более того, в критикуемой им работе, наоборот, прямо говорится о том, что «нормы, дублирующие, а тем более противоречащие гражданскому законодательству, должны быть удалены из действующего законодательства об образовании» [22, с. 27]. В тексте критикуемой работы отсутствуют даже какие-либо намеки на необходимость включения в образовательный кодекс таможенных и процессуальных правоотношений.

Таким образом, очевидно, что уверенность Е. А. Суханова в том, что образовательного права и образовательного кодекса «нет и быть не может», строится на его собственных умозаключениях, далеких от реального положения вещей. Оригинальным же, но опровергнутым последующим ходом развития науки гражданского права, является уверение Е. А. Суханова о том, что «безымянным цивилистам нет нужды ни расширять, ни суживать предмет гражданского права» [19, с. 70], и никто из них не стремится включать образовательные отношения в предмет гражданского права, о чем будет сказано ниже.

Хотя Е. А. Суханов и не видит необходимости в том, чтобы расширять предмет гражданского права за счет образовательного права, тем не менее, безымянные цивилисты весьма активно принялись приводить образовательные отношения в соответствии с гражданско-правовым договором об оказании образовательных услуг. Наиболее результативные из них – В. В. Кванина и Е. В. Санникова – разрабатывая эту проблему, получили ученую степень доктора юридических наук, несмотря на ряд допущенных ими дискуссионных выводов, оценок, противоречащих устоявшимся, обоснованным положениям и принципам правовой науки [4; 16].

Как полагает В. В. Кванина, образовательное отношение представляет собой разновидность гражданско-правового отношения, оформляемого договором на оказание образовательных услуг. При этом «по данному договору вуз обязуется осуществлять образовательную деятельность в рамках ГОС ВПО (*государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. – В.С.*) и по окончании обучения выдать выполнившему учебный план студенту диплом об образовании государственного образца, а студент обязуется выполнять учебный план специальности, посещать учебные занятия и оплатить стоимость обучения (последняя обязанность характерна только для договора, обучение по которому осуществляется за счет средств потребителя образовательной услуги или третьих лиц)» [4, с. 273]. Подобно всем гражданско-правовым отношениям, утверждает далее В. В. Кванина, правоотношения, непосредственно вытекающие из образовательной деятельности, являются гражданско-правовыми, так как субъекты данных отношений, во-первых, обладают юридическим равенством, во-вторых, имущественно обособлены, в-третьих, обладают автономной волей [Там же].

В. В. Кванина абсолютизирует в образовательной сфере значение таких признаков гражданско-правовых отношений, как равенство, имущественная обособленность и автономная воля. Согласно ее конструкции, студенты обладают равными с преподавателями правами. К сожалению, автор не подвергла анализу права и обязанности студентов и профессорско-преподавательского состава, закрепленные действующим законодательством об образовании, и не показала, насколько ее конструкция образовательных отношений соответствует требованиям образовательного права.

Бесспорно, между преподавателями и студентами существует равенство, но не в том смысле, который имеет ввиду В. В. Кванина. Их равенство выражается в обязанности добросовестно выполнять указания и распоряжения органов управления образовательного учреждения, которыми определяются все важнейшие стороны, аспекты образовательного процесса. В частности, студенты обязаны овладевать знаниями, выполнять в установленные сроки все виды заданий, предусмотренных учебным планом и образовательными программами вуза, соблюдать устав вуза и правила внутреннего распорядка. Академическая свобода студентов сводится к праву выбирать факультативные и элективные курсы, участвовать в формировании содержания своего образования при условии соблюдения требований государственных образовательных стандартов, участвовать в обсуждении и решении важнейших вопросов деятельности высших учебных заведений, а также обжаловать приказы и распоряжения администрации вуза.

Итак, в содержании образовательного отношения не существует равноправия его участников. Перечень академических свобод студентов является незначительным и не способным низвести властную природу образовательного правоотношения до действительного равноправия сторон,

без чего не существует и не может существовать ни одно гражданско-правовое отношение.

Утверждение В. В. Кваниной о том, что по договору на оказание образовательных услуг вуз обязуется осуществлять образовательную деятельность в рамках государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, а по окончании обучения выдать выполнившему учебный план студенту диплом об образовании государственного образца, не соответствует действительности. Во-первых, обязанность вуза вести образовательную деятельность вытекает из действующего законодательства и наличия у него свидетельства о государственной аккредитации, но никак не из договора. Во-вторых, еще меньше оснований у обучающегося требовать выдачу диплома государственного образца на основании имеющегося договора. Диплом об образовании дается отнюдь не в силу договора, а в связи с тем, что выпускник вуза обладает необходимым уровнем знаний, умений и навыков и успешно прошел итоговую аттестацию. Не договором, а действующим законодательством определяются и обязанности обучающихся.

Таким образом, образовательный договор, в котором В. В. Кванина и ее единомышленники видят едва ли не панацею от всех бед в сфере образования, на деле является квазидокументом. В лучшем случае он дублирует известные положения закона и тем самым создает иллюзию подмены прямого действия закона индивидуальным документом, который в действительности никого не защищает и ничего не гарантирует, в худшем случае договор содержит положения, противоречащие действующему законодательству, не способные породить юридически значимых действий. Словом, никаких индивидуальных прав в части реализации требований государственного образовательного стандарта образовательный договор породить не может.

Поскольку образовательное отношение возникает и развивается на основе властных полномочий, присущих аккредитованным образовательным учреждениям, а образовательный договор не способен изменить образовательный процесс и содержание образования, закрепленное государственным образовательным стандартом, постольку нет никаких оснований рассматривать это отношение в качестве гражданско-правового. В нем отсутствуют основополагающие черты гражданского правоотношения – свобода воли и равенство сторон.

Иные, но столь же несостоятельные аргументы приводит Л. В. Санникова, пытаясь представить образовательные отношения разновидностью гражданско-правовых услуг. Во-первых, полагает она, образовательное учреждение, как правило, самостоятельно определяет объект образовательного отношения, однако в ряде случаев и обучающийся может влиять на содержание объекта, например, при выборе факультативных предметов для изучения. Поэтому в рамках конкретного правоотношения стороны самостоятельно определяют содержание объекта с учетом требований государственного стандарта.

Во-вторых, будучи субъектами образовательных отношений, несовершеннолетние обучающиеся реализуют не дееспособность, а правоспособность, так как в отношениях с образовательным учреждением от имени несовершеннолетних вступают их родители или законные представители. Согласно ст. 52 Закона об образовании родители (законные представители) несовершеннолетних детей до получения последними основного общего образования имеют право выбирать формы обучения, образовательные учреждения, защищать законные права и интересы ребенка. Таким образом, на ребенка как на субъекта образовательного отношения распространяются общие правила о дееспособности, закрепленные в ст. 21, 26, 28 ГК РФ.

В-третьих, тот факт, что обучающийся, реализует свое право на образование двояким способом: как с помощью действий другой обязанной стороны, так и благодаря собственным активным действиям, направленным на овладение образовательной программой соответствующего уровня, совершенно не препятствует признанию образовательных отношений в качестве образовательной услуги. Элементами любого субъективного права выступают правомочия на собственные действия и правомочия требования. Данные правомочия входят, соответственно, и в состав субъективного права, обладателем которого является обучающийся.

В-четвертых, педагогические работники, а также органы управления образовательным учреждением, как правило, уставом этого учреждения наделяются правом привлечения обучающегося к дисциплинарной ответственности. Однако данная особенность характерна и для корпоративных отношений. Возможность применения санкций дисциплинарного характера не может свидетельствовать о наличии между сторонами отношений власти и подчинения [17].

Бесспорно, определенная часть вспомогательных образовательных отношений может функционировать по канонам гражданского права. Это, прежде всего, репетиторство, а также отношения, связанные с реализацией развивающих программ дополнительного образования и осуществляемые за счет средств обучающихся или их родителей. Заключая договор на оказание образовательных услуг, заказчик (как и репетитор) действует в своем праве по принципам и нормам гражданского права: они обладают юридическим равенством, имущественной обособленностью и автономной волей.

Однако основные образовательные отношения общего и профессионального образования возникают, исполняются и реализуются не по гражданскому праву, а в соответствии с нормами самостоятельной отрасли российского права – образовательного права. Усилиями законодательных и исполнительных органов государственной власти принят объемный массив нормативных правовых актов по вопросам образования. Следовательно, либо правотворческие органы работают впустую, либо авторы научной концепции ошибаются относительно отраслевой принадлежности основных образовательных отношений. По нашему мнению, право-

мерным является вывод о несоответствии доктрины реально сущей действительности.

Первым внешним доказательством этому служит тот факт, что ни один здравомыслящий юрист не включает массив образовательный актов по вопросам образования в систему источников гражданского права. В результате получается парадоксальная вещь: предмет правового регулирования входит в систему гражданского права, а массив регулирующих его источников права остается за пределами данной отрасли права. Кроме того, научная несостоятельность доктрины во многом объясняется несоответствием ряда ее ведущих выводов, положений требованиям логики, методологии и общей теории права.

Л. В. Санникова уверена в том, что *объект* образовательного отношения определяется, как правило, *образовательным учреждением*. Между тем подобное суждение может высказывать лишь цивилист, никогда не державший в руках образовательного стандарта. Специалист, знакомый с данным нормативно-правовым актом, знает, что именно этим, а не каким-либо другим документом определяется совокупность знаний, навыков, умений, которыми должен обладать обучающийся по завершении образовательного учреждения. Согласно ст. 11 Федерального закона «Об образовании» требования к уровню подготовки выпускников являются необходимым компонентом любого образовательного стандарта. Этот же нормативный правовой акт «по отношению к образовательной программе является документом высшего порядка, стандарт первичен» [8, с. 78].

На недоразумении основывается и вывод Л. В. Санниковой о том, что несовершеннолетние обучающиеся в процессе обучения реализуют не дееспособность, а правоспособность. Эта оригинальная авторская трактовка свидетельствует о том, что автор неточно представляет себе действительное соотношение таких правовых явлений, как правоспособность, субъективное право и дееспособность. Может быть, у цивилистов и существует конструкция, разделяемая Л. В. Санниковой, но общая теория права обоснованно и однозначно отделяет правоспособность от дееспособности.

У обучающихся образовательная дееспособность возникает с того момента, как они приступают к занятиям в дошкольном или школьном образовательном учреждении, т.е. в возрасте четырех-семи лет. Дееспособность субъектов правоотношений других отраслей права возникает намного позже, в возрасте 16–18 лет. В образовательных правоотношениях не действует конструкция, характерная для гражданского права, когда недостающая дееспособность ребенка восполняется дееспособностью его родителей либо иных законных представителей.

В отличие от всех иных отраслей права, признающих определенную часть граждан недееспособными (дети, психически больные лица), образовательное право подобного института не знает. Все жители страны независимо от их умственного и психического развития, а также состояния здоровья имеют образовательную дееспособность и могут получать

образование, необходимое им для социальной адаптации и интеграции в общество. В этих целях государство и органы местного самоуправления создают специальные (коррекционные) образовательные учреждения, классы или группы, обеспечивающие лечение, воспитание и обучение детей и подростков с отклонениями в умственном или психическом развитии. Образовательное право не знает и института полного или частичного лишения образовательной дееспособности граждан. Даже лица, осужденные к лишению свободы, имеют реальную возможность получать образование.

Согласно традиционным воззрениям теоретиков права, в правоотношениях реализуется конкретное субъективное право, а не правоспособность, представляющая собой абстрактное свойство личности выступать субъектом конкретных правоотношений. Правоспособность, как отмечает Н. И Матузов, это «не сумма каких-то прав, не количественное их выражение, а непременное и постоянное гражданское состояние личности, элемент ее правового статуса, предпосылка к правообладанию» [12, с. 392]. Соответственно, обучающиеся как субъекты образовательных отношений реализуют свое конституционное право на образование, а не некую образовательную правоспособность.

Субъективное право может реализовать только дееспособное лицо, поэтому «в большинстве отраслей права разделение правоспособности и дееспособности лишено практического смысла» [12, с. 395]. Этот же принцип действует и в сфере гражданского права с той лишь разницей, что субъективные права недееспособных лиц реализуются действиями других, дееспособных лиц. Следовательно, утверждая, что на ребенка как субъекта образовательного отношения распространяются общие правила о дееспособности, закрепленные ст. 21, 26, 28 ГК РФ, Л. В. Санникова, должна была пояснить, кем и каким образом восполняется недееспособность обучающихся в части усвоения образовательных программ. Однако, увы, конкретного ответа на этот вопрос она не дает. Лишь в общем плане она констатирует, что в отношения с образовательным учреждением от имени малолетних вступают их родители или законные представители, которые согласно ст. 52 Закона РФ « Об образовании» имеют право выбирать формы обучения, образовательные учреждения, защищать законные права и интересы ребенка.

Таким образом, из изложенной позиции Л. В. Санниковой можно логически сделать вывод о том, что отсутствующую недееспособность обучающихся в части усвоения образовательных программ восполняют их родители, они обязаны готовить за своих детей уроки, проходить итоговую и текущую аттестацию и т. д. Однако такой вывод не только явно противоречит ст. 44–45 Федерального закона «Об образовании», не предусматривающим подобной формы восполнения родителями недостающей недееспособности обучающихся, но и логике процесса образования.

В соответствии с действующим законодательством требование об обязательности общего образования предъявляется к конкретному обуча-

ющемуся. Соответственно только он признается субъектом образовательного процесса, и как всякий действующий субъект он должен обладать соответствующей дееспособностью. Иначе получается нонсенс: на недееспособных лиц возлагают юридические обязанности, неисполнение которых влечет применение мер дисциплинарной ответственности, вплоть до исключения обучающегося из образовательного учреждения.

Вполне можно согласиться с Л. В. Санниковой в том, что активные действия обучающихся, направленные на овладение образовательной программой соответствующего уровня, не характеризуют специфику образовательного отношения, поскольку элементами любого субъективного права выступают правомочия на собственные действия и правомочия требования.

Однако, если бы Л. В. Санникова самостоятельно исследовала содержание образовательного правоотношения, то она не могла не заметить, что оно существенно отличается от содержания гражданско-правовых отношений. Во-первых, объект образовательного правоотношения формируется управомоченной стороной – обучающимися; во-вторых, обучающиеся обязаны постоянно доказывать наличие необходимого уровня знаний, навыков и умений посредством промежуточных и итоговых испытаний перед обязанной стороной; в-третьих, наличие объекта правоотношения в сознании выпускников подтверждается выдачей документа об образовании государственного образца. Именно это своеобразие правовой конструкции образовательного отношения и позволяет утверждать о его уникальность и неправомерности сведения к образовательным услугам.

Несостоятельность утверждения Л. В. Санниковой о том, что факт возложения санкций дисциплинарного характера не может свидетельствовать о наличии между сторонами отношений власти и подчинения, настолько очевидна, что в каких-либо дополнительных комментариях, пояснениях не нуждается. Правоприменительные акты, связанные с применением санкции норм права, искони и единодушно признаются правоведами формой проявления властных полномочий. Попытку поставить под сомнение подобную истину можно объяснить только лишь полемическим задором автора.

Таким образом, аргументы, с помощью которых Л. В. Санникова отрицает способность образовательных отношений выступать самостоятельным видом общественных отношений, являются проблематичными и представляют собой результат либо неточного толкования содержания образовательных отношений, либо неверного толкования положений общей теории права. По этой же причине критика образовательного права ее сторонниками носит недостаточно конструктивный характер, а априорно сформулированный вывод о том, что нет и не может быть образовательных отношений, отражает субъективное мнение автора, весьма далекое от действительного положения дел, и даже недостаточно согласованное с современными положениями общей теории права.

Подобные исследования проблем образовательных отношений как разновидностей цивилистических услуг, таким образом, не способствова-

ли позитивному воздействию на ход развития образовательного права в качестве новой отрасли российского правоведения. Наоборот, придавая образовательным отношениям статус гражданско-правовых, цивилисты противодействовали ведущему направлению научных исследований, ориентированных на восстановление исторической справедливости и формирование отрасли образовательного права, которая уже несколько столетий играла заметную, а в современных условиях решающую роль в развитии научно-технического прогресса и обеспечения массовой образованности населения, но пока что не получила заслуженного статуса отрасли права.

Низведением образовательных отношений до уровня простой услуги, цивилисты заметно упрощали проблему, снижая остроту исследований сущности, состава и места образовательных отношений как самостоятельного типа общественных отношений, необходимости формирования и развития науки образовательного права. Несостоятельность подобного понимания образовательный отношений убедительно проявилась при первой же попытке подготовить на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова проект Образовательного кодекса РФ [9]. Его разработчики, как справедливо отмечает Т. Н. Трошкина, исходили по существу из отождествления образовательных отношений и отношений по предоставлению образовательных услуг. Кодекс представлял собой проект не кодифицированного акта об образовании, а скорее акта, регулирующего процесс оказания образовательных услуг, в том числе одного из направлений предпринимательской деятельности – оказания платных образовательных услуг [25].

Основанных на подобных идеях, проект Образовательного кодекса дальше стен Университета не пошел. Законодатель счел за благо 21 декабря 2012 г. принять ординарный Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», официально признав образовательные отношения разновидностью общественных отношений. Тем не менее, законодатель не смог полностью и логически последовательно освободиться от представлений об образовательных отношениях как разновидности гражданско-правовых услуг.

Отзвуки концепции образовательных услуг в действующем Федеральном законе «Об образовании» нашли отражение в двух моментах: 1) в обязывании образовательных учреждений заключать договор об образовании со всеми обучающимися; 2) в использовании термина «образовательные услуги» наряду с коллидирующим с ним понятием «образовательные отношения».

Согласно ст. 54 названного Федерального закона, образовательные учреждения обязаны заключать договор об образовании в простой письменной форме со всеми обучающимися на бюджетной основе. В договоре предписывается указывать основные характеристики образования, в том числе вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образовательной программы определенных уровня, вида и (или) направленности), форма обучения, срок освоения образовательной про-

граммы (продолжительность обучения). Договор, который, по мнению цивилистов, должен выступать действенным средством защиты обучающихся от нарушений их прав образовательным учреждением, на деле обернулся очередной бюрократической мерой, не более чем памяткой обучающемуся, в какой образовательном учреждении он учится, по какой специальности и до какой даты.

Во-первых, договор дублирует общие нормы действующих нормативных актов, поскольку в нем могут быть указаны лишь права и обязанности, закрепленные действующим законодательством и локальными актами образовательной организации. Согласно ч. 2 ст. 54 Федерального закона «Об образовании» в договоре об образовании должны быть основные характеристики образования, в том числе вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образовательной программы определенных уровня, вида и (или) направленности), форма обучения, срок освоения образовательной программы (продолжительность обучения). Во-вторых, договор сам по себе не порождает никаких отношений, поскольку основанием возникновения образовательных отношений выступает не названный договор, а распорядительный акт образовательного учреждения, в котором все названные положения договора дублируются или могут быть без какого-либо труда продублированы. Возникший конфликт между образовательным учреждением и обучающимся рассматривается судом в соответствии с действующим законодательством и распорядительным актом о зачислении обучающегося в образовательное учреждение. Договор об образовании рассматривается судом лишь как документ, имеющий сугубо информативное значение.

Термин «образовательные услуги» нашел широкое применение в действующем Федеральном законе «Об образовании», но законодатель понимает их не так, как рекомендуют цивилисты не в смысле образовательных отношений, а как *образовательную деятельность, осуществляемую по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц* по договорам об оказании платных образовательных услуг (ч. 1 ст. 101 названного Закона). При этом особо подчеркивается, что платные образовательные услуги не могут быть оказаны вместо образовательной деятельности обучающимся за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов.

Таким образом, согласно действующему законодательству, образовательная деятельность в форме платных образовательных услуг не имеет всеобщего значения, как полагают цивилисты, а распространяется лишь на образовательную деятельность, осуществляемую в отношении обучающихся на платной основе за счет средств физических или юридических лиц. В то же время законодатель прямо не определил форму, в которой протекает образовательная деятельность с обучающимися за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов. Можно лишь предполагать, что в данном случае образовательная деятельность осуществляется во всеоб-

щей форме образовательных отношений, предусмотренных ч. 30 ст. 2 Федерального закона «Об образовании».

Получается, что образовательная деятельность протекает в двух формах: в форме образовательных отношений для бюджетников и образовательных услуг – для обучающихся за счет средств физических или юридически лиц. Однако выделение этих форм для целей образовательного процесса является искусственным. Во-первых, образовательный процесс является единым и для бюджетников, и для обучающихся за счет средств физических или юридически лиц. И те, и другие в одной аудитории слушают лекции и совместно участвуют в семинарских занятиях. Во-вторых, все обучающиеся в одной и той же форме проходят промежуточную и итоговую аттестацию и получают дипломы государственного образца без указания формы оплаты обучения. Во-вторых, законодатель, конституировав образовательные отношения в качестве единой формы взаимодействия обучающихся и образовательных учреждений (ч. 30 ст. 2), отменил ее действие в отношении обучающихся за счет средств физических или юридических лиц (ч. 1 ст. 101) и тем допустил законодательную ошибку в форме коллизии, логического противоречия. Всеобщее предписание оказалось ограниченно специальным.

Искусственность образовательных услуг как формы образовательной деятельности и возникшее противоречие между всеобщей и специальной нормой еще раз свидетельствуют о несостоятельности попыток цивилистов видеть в образовательных услугах правовую форму образовательных отношений общего и профессионального образования. Мера, которая выступает не более чем юридическим фактом, обеспечивающим допуск к названным образовательным отношениям, ни при каких условиях не способна влиять на содержание правоотношений, дабы не устранять равноправие обучающихся по такому формальному для образовательного процесса признаку, как оплата стоимости обучения.

Конструкция образовательных услуг негативно сказалась и на общественной оценке роли педагогической деятельности в современном обществе, уравняв ее с ординарным ремеслом. Профессия, с которой искони связывали подвижничество, служение обществу и государству посредством несения такой необходимой и важной обществу миссии как народное просвещение, повышение всеобщей грамотности и подготовка высококвалифицированных кадров, была диффамирована средствами массовой информации. Подобное негативное отношение СМИ и общества к преподавательской деятельности, к сфере образования получила настолько широкое распространение, что за преподавателей и народное просвещение вынужден был вступиться далекий от вопросов светского образования патриарх РПЦ Кирилл. Выступая в Воронежском университете в сентябре 2011 г., он отметил, что «преподаватель – не продавец, который предлагает купить у него некоторые знания, это наставник, который помогает молодым найти свой путь в жизни». Поэтому образование, как и

оборона, могут быть «только общенациональным делом», любая страна не может процветать экономически с безграмотным населением [2].

Несообразные теории не умирают сами, поэтому борьба с концепцией образовательных правоотношений как образовательных услуг представляет собой первостепенную задачу правовой науки и органов управления образования, заинтересованных в преодолении всех препятствий на пути дальнейшего прогресса сферы образования во благо общества, государства и личности.

Отрадно, что в свое время Министр образования России О. Васильева заняла непримиримую позицию против образовательных услуг, заявив 30 августа 2016 г. на Общероссийском родительском собрании, что «из области образования необходимо убрать термин "образовательные услуги". При этом нам нужно просто изменить, и это нужно делать сейчас, сегодня и сразу, отношение общества к служению учителя. У нас должны исчезнуть, уйти услуги. Услуг не может быть в области образования» [13].

Действующий Федеральный закон «Об образовании» свидетельствует о том, что решение законодателя признать форму текущего закона оптимальным вариантом закрепления основ образовательного права не было оптимальным и эффективным. Более того, такое решение не соответствует канонам общей теории права. Текущий закон предназначен для закрепления воли законодателя по отдельным специальным вопросам той или иной отрасли права, например, о похоронном деле, об обществах с ограниченной ответственностью, о библиотечном деле, о бухгалтерском учете и т. п.

Для закрепления основ отрасли права используется закон в форме кодекса. Обе формы имеют одинаковый юридический статус, Конституция РФ не предоставляет кодексу приоритетов перед текущим законом. С учетом изложенных обстоятельств, некоторые специалисты в области образовательного права считают, что для целей правового регулирования, не так уж важно, как называется акт кодексом или законом. Как полагает А. Вавилова, «в любом случае он будет федеральным законом. В нем будут те же нормы, та же структура» [14].

Если бы дело обстояло таким образом, как полагает А. Вавилова, то законодатель давно бы отказался от одной из форм закрепления своей воли, а он упорно используется обе формы, одни акты определяет в статусе текущего закона, тогда как другие признает кодексами. Видимо, есть глубокие резоны применяемой дифференциации законов, просто они остаются неведомыми А. Вавилиной.

Во-первых, в юридической литературе вполне правомерно ставится вопрос о придании приоритета нормативным установлениям кодекса перед нормами текущего законодательства [11, с. 161–162; 24, с. 10]. Во-вторых, очевидные преимущества кодекса перед текущими законами состоят в полноте правового регулирования и, соответственно, в их объемах. Кодекс как основополагающий акт отрасли, ориентированный на полное и последовательное закрепление основ предмета отрасли неиз-

бежно обретает большой объем, а число его статей может превышать тысячу. Уникальным в этом отношении предстает Гражданский кодекс РФ, состоящий из четырех частей и насчитывающий более 1500 статей. Кодексы других отраслей права имеют меньший объем, но все же состоят из трех-пяти сотен статей.

Кодекс РФ об образовании, учитывая широту и многоаспектность предмета образовательного права, также должен иметь значительный объем, в пределах четырех-пяти сотен статей. К примеру, для закрепления содержания Кодекса Республики Беларусь об образовании, потребовалось триста статей. Стандартная норма объема текущего закона сводится к нескольким десяткам норм, в любом случае не должна соперничать по этому показателю с кодексом. Федеральный закон «Об образовании», насчитывающий чуть более ста статей, имеет подобающий его статусу объем, но оказывается пробельным по ряду ведущих институтов образовательного права. Так, например, отношения по вопросам послевузовского образования в нем представлены лишь несколькими статьями, фактически первичное регулирование этим уровнем образования традиционно передано на уровень Правительства. Кроме того, Закон весьма неполно и абстрактно закрепляет механизмы защиты прав обучающихся, их родителей, а также применения дисциплинарной и материальной ответственности участников образовательных отношений.

Остается один выход: чтобы устранить недостатки текущего закона и обеспечить качественно совершенное регулирование сферы образования нужно преодолеть ретроградный взгляд на проблемы систематизации образовательного права и принять Кодекс РФ об образовании. Идея его подготовки не снимается с повестки дня ни учеными-юристами, ни представителями органов управления образованием и иными причастными к законодательной политике РФ должностными лицами.

Новый законодательный акт, как обоснованно признают В. С. Белых, Т. М. Звездина и Д. А. Ягофаров, должен, во-первых, иметь «кодексовую» структуру и, во-вторых, именоваться как «Кодекс РФ об образовании», поскольку только «при таком варианте развитие правового регулирования образовательной системы пойдет по пути и *упрощения* (в разумных рамках) существующей сверхсложности и множественности образовательных правоотношений, и одновременно снижения более чем высокой степени напряженности организационных (в первую очередь, регламентационных) начал в управлении нынешней системой образования» [1].

С изменения в форме и содержании образовательного законодательства на основании единого кодифицированного акта А. Г. Князева связывает дальнейшее развитие отрасли законодательного права, «что, в свою очередь, проявится вкладом в развитие многих отраслей права – административного, гражданского, трудового и др.» [5].

Предложения о кодификации образовательного законодательства содержались в постановлении Совета Российского Союза ректоров «Об основных принципах государственного регулирования системы организа-

ционно-правовых форм высшего и послевузовского профессионального образования» от 14 июля 2005 года № 1; в итоговом документе VIII съезда Союза ректоров России, парламентских слушаниях, проводимых профильными комитетами Государственной Думы и Совета Федерации.

Протоколом по итогам рабочей встречи Председателя Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова с ректорами высших учебных заведений от 14 сентября 2005 г. предписывалось Минобрнауки России (А. А. Фурсенко) совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и с участием Российского Союза ректоров рассмотреть вопрос целесообразности разработки кодекса Российской Федерации об образовании и о результатах доложить до 1 марта 2006 г. [15].

Однако отношение органов и лиц, определяющих законодательную политику в сфере образования, к проекту Кодекса РФ об образовании остается по настоящее время устойчиво негативным и равнодушным к любым аргументам и обращениям деятелей науки, образования, политики. Чиновники от образования не спешили и по настоящее время не спешат воплощать в жизнь международные договоры, в том числе постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (от 16 ноября 2006 г. № 27-12), предписывающее названным государствам, и соответственно Российской Федерации, руководствоваться модельным Кодексом об образовании в своей деятельности по совершенствованию законодательства об образовании.

В 2006 г. на Государственном совете при Президенте РФ с инициативой продолжить проектирование Кодекса РФ об образовании выступила член Совета федерации З. Драгункина. По ее словам, инициатива «не была отвергнута». Поддержали ее и в Министерстве образования и науки, и в профильном комитете Госдумы. По мнению З. Драгункиной, «на создание кодекса много времени не потребуется»: уже к концу 2007 года его примут, а с начала 2008 года он может вступить в действие [10]. Однако и это инициатива была проигнорирована, вместо кодекса был принят действующий закон.

Как пояснял ректор МГУ им М. В. Ломоносова В. А. Садовничий, некоторые чиновники считают, что время для кодекса еще не наступило, что еще не накоплен достаточный опыт законотворчества для подготовки такого фундаментального акта как кодекс [3]. Заметим, что подобные мысли высказывались представителями Высшей школы экономики еще в самом начале XXI в. В заключении на Проект Кодекса РФ об образовании, подписанном проректором этого вуза Б. Рудником в 2003 г., содержался вывод о несвоевременной работе над кодексом в условиях активно проводимой модернизации российского законодательства.

Иную позицию по этому вопросу занял Е. А. Суханов, полагая, что решение проблем, связанных с подготовкой обобщающего закона об образовании следует поручить «серьезным специалистам, которые имеются в классических российских юридических вузах» [19, с. 74]. Что он имел в виду, говоря о классических юридических вузах, трудно сказать, ибо та-

кого понятия в правовой науке нет, можно предположить, что он имел в виду юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Характерно, что чиновники от образования последовали указаниям, как Б. Рудника, так и Е. А. Суханова. Было принято решение готовить не кодекс об образовании, а проект федерального закона, интегрирующего законодательство по всем уровня образования. Подготовку же этого проекта решили поручить юридическому факультету МГУ, выделив на эти цели несколько десятков млн. руб. Характерно, что сам Суханов Е. А. отказался участвовать в подготовке проекта закона об образовании, а проект, подготовленный «серьезными специалистами» МГУ [9], был настолько некачественным, что заказчик – Минобрнауки России – вынужден был поручить подготовку нового проекта закона другому, явно неклассическому, юридическому учреждению, не вузу, а научной организации.

Одновременно с подготовкой проекта специалистами МГУ, в Республике Беларусь были начаты работы по проектированию образовательного кодекса как основополагающего акта отрасли образовательного права, с детальным регулированием образовательных отношений как отношений, профильных для данной отрасли. Скорее всего, специалисты этого государства не были знакомы с опасностями, предрекаемыми Е. А. Сухановым, и потому весьма успешно реализовали, «не выдерживающую сколько-нибудь серьезной теоретической критики» концепцию. Вопреки опасениям Б. Рудника и российских чиновников, у белорусских коллег оказалось также достаточно законотворческого опыта для подготовки Кодекса Республики Беларусь об образовании.

Принятый и действующий в Республике Беларусь Кодекс об образовании состоит из 17 разделов, 63 глав и 295 статей, в основе которых лежат концептуальные положения, разработанные российскими правоведами и адаптированные модельным Кодексом об образовании, принятым Генеральной Ассамблеей стран-участников СНГ. При этом прямо констатируется, что «с принятием Кодекса завершает процесс формирования законодательства об образовании как полной, логически последовательной и эффективной системы правовых норм, тем самым создаётся новая отрасль права – образовательное право. Кодекс – это «конституция» в образовании. Несомненно, то, что принятие Кодекса обеспечивает совершенствование правоотношений в сфере образования и будет способствовать повышению качества предоставляемого образования» [6].

А что же российский законодатель? Он продолжает штопать лоскутное законодательство принятием вносящих в них изменения и дополнения законов. Так, за первые 5 лет действия Федерального закона «Об образовании» в него 42 раза вносились изменения, дополнения, что свидетельствует о большом количестве проблем, возникающих при его практическом применении и настоятельной необходимости совершенствования недостаточно эффективных отдельных институтов. Корректировке для устранения недостаточно совершенных норм права подверглись 38,8 % статей Закона [23, с. 174].

На фоне успешной кодификации законодательства об образовании других стран подобная деятельность российских чиновников, как было показано ранее, выглядит архаичной, а уверения российских правоведов о невозможности формирования образовательного права как самостоятельной отрасли права – противоречащими реально существующей действительности. Поэтому законодатель, искренне заинтересованный в формировании эффективной действующей отрасли образовательного права, должен незамедлительно начинать процесс реформирования с совершенствования законодательства, с проектирования и принятия Кодекса РФ об образовании.

Творческое использование возможностей кодификации в процессе подготовки и принятия кодифицированного акта позволит, по нашему мнению, решить, как минимум, четыре взаимосвязанные задачи: 1) поднять на уровень законодательного регулирования значительную часть отношений в сфере образования, которые еще регулируются преимущественно подзаконными нормативно-правовыми актами; 2) преодолеть многообразие источников федеральных нормативно-правовых актов и устранить присущие им дефекты в виде пробелов, противоречий и неоправданных повторов отдельных норм разными нормативно-правовыми актами; 3) выделить образовательные отношения в качестве особого вида общественных отношений, которые определяют специфику и своеобразие образовательного права как самостоятельной отрасли права и разработать адекватный этим отношениям метод правового регулирования; 4) оптимизировать соотношение образовательного права с другими отраслями права, конкретизировав и уточнив предметное содержание комплексных институтов, как основных способов взаимосвязи образовательного права и других отраслей российского права.

В конечном итоге принятие кодекса будет знаменовать завершение процесса формирования массива норм образовательного права в качестве самостоятельной отрасли права, способной осуществлять эффективное нормативно-правовое регулирование общественных отношений на уровне современных задач и потребностей гражданского общества, государства и личности.

Образовательное право остается одной из немногих, если не единственной отраслью права, в регулировании предмета которого значительную роль играют по-прежнему подзаконные нормативно-правовые акты. Закон РФ «Об образовании» обязывает Правительство устанавливать критерии и порядок предоставления обучающимся стипендий, порядок разработки, утверждения и введения в действие государственных образовательных стандартов, размеры и порядок предоставления налоговых льгот, осуществлять первичное нормативно-правовое регулирование и по другим достаточно важным вопросам. В действительности предмет нормотворческой деятельности Правительства значительно шире его законодательно установленных полномочий. Ибо оно свои актами вынуждено восполнять пробелы федеральных законов, в том числе и нормы отсутствующих законов, принятие которых было прямо предусмотрено Законом РФ

«Об образовании». Образно говоря, федеральные законы об образовании пока что тонут в море подзаконных нормативно-правовых актов, принимаемых Правительством Российской Федерации и Минпросом.

Превалирование подзаконных актов над законами в регулировании общественных отношений было характерно для СССР, где исполнительная власть и ЦК КПСС были действительными законодателями, тогда как Верховный Совет СССР участвовал в законотворческом процессе эпизодически и лишь по наиболее важным, основополагающим вопросам. В частности, в сфере образования действовал только один закон «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании».

В условиях РФ, конституция которой закрепила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, право принятия законов признается прерогативой законодательной власти, а соотношение законов и подзаконных актов в нормативно-правовом регулировании общественных отношений меняется кардинальным образом. Закон становится основным источником права, тогда как главной задачей федеральных органов исполнительной власти становится не правотворчество, а исполнение принятых и вступивших в действие федеральных законов.

Задача приведения в соответствие с Конституцией РФ соотношения законов и подзаконных нормативно-правовых актов в сфере образования и первичного регулирования всех образовательных отношений только федеральными законами может быть успешно и оперативно решена путем подготовки и принятия Кодекса РФ об образовании. Призванный дать системное и комплексное регулирование образовательных отношений, Кодекс станет основополагающим законом, который позволит установить первичное регулирование отношений не только на уровне принципов и общих норм, но и конкретных предписаний, опосредующих специфику отношений в отдельных сферах образования. Тем самым потребность в подзаконном правотворчестве значительно уменьшится, а большая часть действующих подзаконных актов утратит силу.

Иной путь развития законодательства об образовании, ориентированный на принятие законов по отдельным сферам, вопросам, как это показывает опыт законотворческой деятельности последних лет, оказался неспособным поднять федеральное законодательство до уровня, закрепленного Конституцией РФ, и практически зашел в тупик.

Кодекс РФ об образовании позволит устранить значительную часть дефектов в виде пробелов, противоречий и неоправданных повторов отдельных нормативных предписаний, которые, как мы уже видели, достаточно часто встречаются в действующих федеральных законах.

При объединении всех законодательных предписаний по вопросам образования в одном кодифицированном акте станет ненужным и бесполезным какое бы то ни было их дублирование, если, конечно, законодатель не сочтет нужным, «руководствуясь интересами пользователей закона», воспроизводить нормы общей части Кодекса в разделах и главах его особенной части. Кодификация образовательного законодательства будет

способствовать и максимальному сокращению противоречий, поскольку число факторов, способствующих их появлению, при этом способе систематизации законодательства существенно сокращается. Внутренняя логика, принципы и иные положения, которым будут подчинены все нормативные предписания Кодекса, исключает возможность появления противоречивых норм. Единство содержания Кодекса состоит не только в его схеме и предмете, но и в последовательном логическом согласовании всех его положений. Такова закономерность права вообще, которое всегда должно быть «внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [26, с. 418].

Логических противоречий, которые могут быть внесены в Кодекс на стадии его принятия в виде отдельных поправок, предложений депутатов, также окажется намного меньше, нежели при принятии серии законов по этим же вопросам, но в разное время и даже разным составом депутатов. Творческая мысль имеет способность критически относиться не только к результатам мышления других лиц, но и к своим ранним результатам. И то, что депутаты считали правомерным и необходимым при принятии одного закона, может подвергаться сомнению при принятии через некоторый промежуток времени другого закона, и не только по мотивам конъюнктуры текущего момента, но и по причине изменения точки зрения депутата Государственной Думы.

Кодекс РФ об образовании, ориентированный на максимально полное регулирование образовательных отношений, должен содержать такой уровень нормативно-правового регулирования, который обеспечивал бы прямое действие всех его норм и Кодекса в целом, не связывая их реализацию в конкретных отношениях с принятием каких-то дополнительных законов или подзаконных нормативно-правовых актов. Таким образом, Кодекс устранит одну из основных причин пробельности действующего законодательства, когда под предлогом подготовки специального закона законодатель в принимаемом им законе не помещает значительную часть норм права, необходимых по предмету этого закона.

При подготовке Кодекса РФ об образовании удастся устранить и другую причину пробелов, связанную с недостаточно четким пониманием специфики образовательных отношений как самостоятельного вида общественных отношений. В отличие от Закона РФ «Об образовании», в котором, в силу его общего содержания, нет отдельной главы, призванной регулировать специфику образовательных отношений, разработчики Кодекса обязаны выделить в самостоятельный раздел нормы и институты, направленные на регулирование именно этих отношений как непосредственного ядра, основы предмета правового регулирования образовательного права и придать им соответствующую правовую форму.

Системное и целенаправленное регулирование собственно образовательных отношений приведет к выявлению их дополнительных свойств, признаков, что в свою очередь потребует образования новых правовых институтов. Это, в частности, институты объекта образовательных отно-

шений, дисциплинарной ответственности, институты процессуальных отношений и др. Сообразно специфике образовательных отношений как главного компонента правового регулирования образовательного права представится возможным уточнить и конкретизировать метод правового регулирования отрасли, создав единый правовой режим общественных отношений в сфере образования.

Углубленное понимание предмета и метода образовательного права позволит не только существенно усовершенствовать действующее законодательство, но и определить объективные пределы применения в регулировании образовательной сферы норм и институтов других отраслей права. В Кодекс РФ об образовании как основополагающий акт отрасли подлежат включению комплексные институты, осуществляющие нормативно-правовое регулирование отношений на стыке образовательного права и административного, трудового, социального, гражданского, финансового и семейного отраслей права.

Таким образом, подготовка и принятие Кодекса РФ об образовании представляет собой необходимую и плодотворную меру, призванную закрепить законодательную основу гармонизации правового регулирования образовательных отношений посредством установления основополагающих принципов и норм права, способных обеспечить единство правового поля в архисложных условиях многоуровневого правового регулирования сферы образования. Гармоничное сочетание общеобязательных норм федерального законодательства и законов субъектов РФ, повышение эффективности нормативных правовых актов органов местного самоуправления по вопросам образования и действенность локальных актов образовательных учреждений, могут быть достигнуты лишь посредством кодификации федерального законодательства. В условиях лоскутного законодательства, закрепленного текущими законами, как это показывает более чем двадцатилетний опыт, не удается обеспечить создание системного, гармоничного законодательства даже на федеральном уровне.

В настоящее время имеются все необходимые условия для плодотворного решения поставленной задачи: стабилизация отношений в обществе и сфере образования; наличие обширной нормативной базы, содержащей регулирование образовательных отношений на уровне федеральных законов, федеральных подзаконных нормативно-правовых актов, законодательства субъектов РФ и нормативно-правовых актов органов местного самоуправления; конкретные результаты научного осмысления практики действия норм и институтов образовательного права, полученные в ходе исследований, проведенных органами управления образованием и научными коллективами.

Важной стадией проектирования Кодекса РФ об образовании является подготовка его концепции, т.е. документа, который содержал бы теоретическое обоснование основных положений Кодекса, в том числе обосновывал бы его предмет, схему, оптимальный вариант нормативно-правого регулирования образовательных отношений, правовой механизм, способ-

ный обеспечить реальное действие проектируемых новелл. Как показывает законотворческий опыт, всякие попытки проектировать текст закона или иного нормативного акта сразу, без подготовки его концепции и определения теоретических основ, приводят к тому, что подготовленный проект, особенно если он имеет своим предметом какую-либо широкую сферу отношений, устанавливает исходные, первичные нормы отрасли права или законодательства, оказывается недостаточно совершенным.

Не имея четких представлений о специфике регулируемых отношений, эффективных способах их правового регулирования, разработчики законопроекта чаще всего ограничиваются написанием общих, неконкретных норм права и к тому же лишенных действенных способов их юридической охраны и защиты. При этом подготовку и принятие конкретных норм, определяющих суть и содержание нормативно-правового регулирования, предусматривают в отдельном законе либо передают в ведение органов исполнительной власти.

В концепции надлежит, прежде всего, определить предмет правового регулирования Кодекса РФ об образовании, обратив первостепенное внимание на два нерешенных вопроса. Это определение совокупности комплексных институтов, наличие которых в системе образовательного права является оправданным и необходимым, а также системы образовательных отношений, подлежащих нормативно-правовому регулированию федеральным законодательством, в том числе и Кодексом. В настоящее время не имеется четких представлений о разграничении правотворческих полномочий по вопросам образовательной сферы между Государственной Думой и иными федеральными органами государственной власти, с одной стороны, и органами субъектов РФ, с другой.

Закон РФ «Об образовании» компетенцию Российской Федерации определяет в общем виде, без определения компетенции в этой сфере отдельных федеральных органов государственной власти. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» частично восполнял этот пробел, однако не раскрывал предмет правового регулирования образовательных отношений на уровне федерального закона.

Обстоятельное изучение и обоснование предмета правового регулирования Кодекса РФ об образовании создает объективную основу для проектирования схемы Кодекса, определения всех его компонентов на уровне частей, разделов и глав, последовательности их расположения в акте. Схема должна не только отразить все необходимые для предмета регулирования правовые институты, но и выявить логику их взаимосвязи и взаимообусловленности. Тем самым благодаря схеме представляется возможным определить не только единство правовых институтов их принадлежность к одной отрасли, но и увидеть их качественное различие, ту специфику, которая присуща каждому институту и должна быть адекватно выражена в системе норм права.

Выявление содержания правовых институтов, а также разработка способов и правовых средств, способных обеспечить реальное действие норм

права, закрепляемых ими прав и обязанностей, составляет следующую важнейшую задачу концепции Кодекса РФ об образовании. Один из существенных недостатков законодательства об образовании, равно как и других федеральных законов видится в их декларативности, т.е. отсутствии правовых средств, способных защитить предоставленные субъекту права от каких бы то ни было нарушений, в том числе и от нарушений со стороны государственных органов. Можно назвать ряд норм Закона РФ «Об образовании», которые до сих пор не действуют реально. Это, в частности, нормы о создании специальной системы кредитования в виде личного социального образовательного кредита, о действии государственной аттестационной службы, о принятии государственного образовательного стандарта общего образования в форме федерального закона и др.

Разработчики Кодекса РФ об образовании, конечно, будут стремиться к тому, чтобы учесть недостатки и просчеты действующего законодательства в сфере образования, освободить его от декларативных, устаревших, малоэффективных норм, пробелов и противоречий. И чтобы поставленную таким образом задачу удалось решить достаточно плодотворно, необходимо на стадии подготовки концепции Кодекса попытаться спроектировать действенные модели нормативно-правового регулирования, обратив первостепенное внимание не только на закрепление демократичных, современных прав субъектов образовательных отношений, но и на обеспечение их реального действия. В концепции целесообразно предлагать несколько вариантов нормативно-правового регулирования с учетом правотворческого опыта других стран, рекомендаций и предложений, содержащихся в юридической литературе, прессе или иных источниках.

Максимально полный учет достижений юридической науки, ее положений и выводов является залогом успешной подготовки концепции Кодекса РФ об образовании. Основные положения концепции надлежит не просто сформулировать в виде отдельных тезисов, а обосновать современными достижениями общей теории права и конституционного права, в частности, положениями и выводами, сделанными специалистами в области образования и образовательного права, других отраслевых юридических наук, а также результатами социально-правовых исследований, обобщающими практику действия норм образовательного права. Задачам разработки вопросов концепции Кодекса в определенной мере подчинена и данная работа.

Обстоятельная и научно обоснованная концепция Кодекса РФ об образовании значительно облегчит процесс рождения текста проекта. Эта самостоятельная и наиболее ответственная стадия законотворчества, на которой проектантам предстоит в какой то мере предугадать правотворческую волю законодателя и подготовить такой текст, который был бы одобрен им в первом чтении и взят за основу для дальнейшей законотворческой работы. Наибольшую сложность при проектировании, скорее всего, будет представлять Особенная часть Кодекса, предмет которой не был урегулирован на федеральном законодательном уровне.

Помимо содержательной стороны, т.е. норм, адекватно отражающих специфику регулируемых отношений, текст проекта должен характеризоваться ясностью и четкостью, что обеспечивается соблюдением правил русского языка и умелым применением логических приемов оперирования понятиями и иными формами мышления. В тоже время проект не должен иметь повторов, пробелов и логических противоречий. Подготовка текста проекта Кодекса, удовлетворяющего названным и остальным требованиям законодательной техники, предполагает одновременное участие в работе над текстом квалифицированных специалистов в области образования, юристов, лингвистов, экономистов, а также специалистов в области логики.

Повышение роли образования в современном мире, признание его в качестве необходимого условия экономического процветания общества, активной и творческой деятельности личности и успешной разумной государственной политики влечет за собой и принципиальное иное отношение со стороны законодателя. Чтобы права и свободы в сфере образования были реальными для всех и каждого и не зависели от субъективного усмотрения государства, должностных лиц, необходима надежная юридическая охрана и защита этих прав, закрепленная федеральным законом в форме кодекса. С его подготовкой и принятием завершится не только процесс формирования образовательного права в качестве самостоятельной отрасли российского правоведения, но и ее повсеместное признание в этом качестве. Отрицание этого очевидного уже в настоящее время факта существования образовательного права как отдельной отрасли станет уделом лишь немногих лиц, не способных к переосмыслению современной практики государственно-правового строительства и безнадежно устаревших канонов правовой науки.

Последующий ход развития правовой науки и науки образовательного права, несомненно, сумеет преодолеть негативные тенденции законодательства об образовании, искусственно культивируемые специалистами в области образования и образовательного права, не готовыми понять суть и практическое значение реформ, основанных на признании образовательного права как самостоятельности отрасли российского права и необходимости кодификации законодательства. Поскольку надежды на то, что оппоненты прогрессивного пути развития образовательного законодательства способны добровольно признать ошибочность своей позиции, ничтожно малы, то смена научной парадигмы произойдет чисто естественным путем, по мере их ухода из органов и структур, определяющих пути и направления развития сферы образования. Жаль только обучающихся и работников сферы образования и науки, которые вынуждены еще определенный срок испытывать на себе негативные последствия субъективной политики российской государства, культивируемой специалистами, не способными не только понять суть, задачи и основные направления современного развития образовательной сферы, но и прислушиваться к мнению других.

Литература:

1. Белых В. С. Звездина Т. М., Ягофаров Д. Ю. Кодификация законодательства об образовании: новый взгляд концептуального осмысления // Бизнес, менеджмент и право. – 2007. – № 3(15). – С. 70-72 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=545 (дата обращения: 15.10.2011 г.)
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в Воронежском государственном университете 18 сентября 2011 года. [Электронный ресурс]. URL : http://www.sedmitza.ru/text/2460348.html (дата обращения: 19.09.2011 г.)
3. Интернет-конференция ректора МГУ им. М. В. Ломоносова В.А. Садовничего «Татьянин день» (24 января 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/5254587/ (дата обращения: 15.10.2011 г.)
4. Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования: дисс. доктора юридических наук. 12.00.03. М.: Российская академия правосудия, 2006. – 269 с.
5. Князева А. Г. К вопросу о систематизации законодательства об образовании // Право и политика. – 2007. – № 5. – С. 76-80.
6. Кодекс Республики Беларусь об образовании. [Электронный ресурс]. URL : mogsh-25.mogilev.by/downloads/Npoop.doc (дата обращения: 19.09.2012 г.)
7. Кодекс РФ об образовании. Общая часть: (проект). – М.: Изд-во ИЦПКПС, 2003. – 228 с. [Электронный ресурс]. URL : http://фцоз.рф/zakonodatelstvo-ob-obrazovanii/kodifikatsiya-zakonodatelstva-ob-obrazovanii/obrazovatelnyy-kodeks-rossiyskoy-federatsii.php (дата обращения: 19.09.2012 г.)
8. Комментарий к Закону РФ «Об образовании» / Под ред. А. Н. Козырина и В. В. Насонкина. – М., 2006. – 509 с.
9. Концепция федерального законодательного акта, интегрирующего законодательство по всем уровням системы образования (Образовательного кодекса) / Вайпан В. А. и др. // Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Труды Юридического факультета. – 2008. – Т. 10. – С. 191–312.
10. Лемуткина М. В России может появиться Образовательный кодекс // Газета.Ru от 17.05.2006 г. [Электронный ресурс]. URL : https://www.gazeta.ru/2006/05/17/last199930.shtml (дата обращения: 19.09.2012 г.)
11. Марченко М. Н. Источники права. – М.: Проспект, 2005. – С. 161-162.
12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2001. – 438 с.
13. Ольга Васильева: нужно отказаться от термина «образовательные услуги» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL : https://ria.ru/society/20160830/1475622923.html (дата обращения: 30.08.2016 г.)
14. Почему не будет образовательного кодекса? //Первое сентября. – 2010. – № 12. [Электронный ресурс]. URL : http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201001205 (дата обращения: 27.06.2010 г.)
15. Протокол по итогам рабочей встречи Председателя Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова с ректорами высших учебных заведений от 14 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL : https://rsr-online.ru/event/2005-god/14-sentyabrya-2005-g/ (дата обращения: 14.10.2005 г.)

16. Санникова Л. В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве : дисс. доктора юридических наук. 12.00.37. М.: Ин-т государства и права РАН, 2007. – 315 с.
17. Санникова Л. В. Услуги как объект гражданско-правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1999_page_8.html (дата обращения: 15.10.2011 г.).
18. Смолин О. Н. Высшее образование в проекте интегрированного закона: «слабые» умрут – «сильные» останутся? [Электронный ресурс]. URL: http://www.rospisatel.ru/smolin.htm (дата обращения: 15.10.2011 г.).
19. Суханов Е. А. О концепции Кодекса об образовании и самостоятельного образовательного права // // Проблемы и перспективы законодательства об образовании и его кодификации: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. Москва, 11–12 октября 2001 г. – М., Изд-во РУДН, 2002. – С. 66–74.
20. Суханов Е. А. Осторожно гражданско-правовые конструкции // Законодательство. – 2003. – № 9. – С. 15–26.
21. Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права. – М.: Исслед. центр проблем качества подгот. Специалистов, 2000. – 135 с.
22. Сырых В. М. Введение в теорию образовательного права – М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://фцоз.рф/obrazovatelnoe-pravo/knigi/cyryh/ (дата обращения: 15.10.2011 г.)
23. Сырых В. М., Хрущев Ю. В. Статика и динамика законодательства по вопросам образования (2013–2018 гг.) // Гармонизация образовательного права России: проблемы теории и практики. Отв. ред. В. М. Сырых, В. В. Насонкин. – М.: Федеральный центр образовательного законодательства, 2019. – С. 150–171.
24. Тихомиров Ю. А. Закон, притязания, стабильность // Законодательство России в XXI веке: по материалам науч.-практ. конф., Москва, 17 окт. 2000. / Ин-т законодательства и сравнит правоведения при Правительстве РФ. – М.: Городец-издат, 2002. – С. 8–14.
25. Трошкина Т. Н. Понятие и структура образовательного правоотношения // Реформы и право. – 2011. – № 3. – С. 55–61.
26. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту (27 октября 1890 г.) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения : в 30 т. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат. – Т. 37: Письма Ф. Энгельса к разным лицам : январь 1888 – декабрь 1890. – 1965. – 599 с.

Владимир Михайлович Сырых, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, руководитель направления Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, 2707xyz@mail.ru

Vladimir M. Syrykh, Dr.sc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Head of the Center for Research on Problems of Justice, Russian State University of Justice, Moscow, Russia, 2707xyz@mail.ru

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция журнала принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы в виде исследовательских статей, эссе, обзоров работы научных мероприятий, рецензии и другой научный материал, написанные на русском (или английском) языке. Объем материала, как правило, не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами). Поступившие рукописи подвергаются экспертному рецензированию.

Тексты представляются в электронном виде. Файл со статьей может быть отправлен электронным письмом (dudin2pavel@gmail.com, joesel@mail.ru).

Название статьи, аннотация и ключевые слова даются на русском и на английском языках (если статья на английском языке, название, аннотация и ключевые слова даются на русском языке).

Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97).

В имени файла указывается фамилия автора.

Параметры страницы: Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста: С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.

Гарнитура шрифта: Times New Roman. Обычный размер кегля 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.

Сведения об авторах: Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках).

Страницы текста должны быть пронумерованы единой нумерацией, включая список литературы, таблицы, а также подписи и комментарии к графическим материалам (карты, таблицы, рисунки, фотографии).

Система отсылок: в квадратных скобках дается номер источника в списке использованной литературы и номер страницы, откуда взята цитата. В конце статьи под заголовком ЛИТЕРАТУРА приводится перечень цитированной литературы. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница).

Примечания к тексту даются постранично и имеют сплошную нумерацию; ссылки на литературу в примечании даются так же, как и в основном тексте, в квадратных скобках, и расшифровываются в общем списке литературы.

Авторы опубликованных материалов в первую очередь несут ответственность за точность приводимых цитат, достоверность фактов и статистических данных, правильность написания имен собственных и пр., а также за разглашение сведений, не подлежащих открытой публикации.

Перепечатка опубликованных материалов допускается только с разрешения редакции журнала.